
ПИОНЕР
ФЕВРАЛЬ 2
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Смотри, Товарищ!

ВОТ

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА

Ее носят красно-армейцы на фуражках.
Она—отличительный знак красно-армейца.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА—знак Красной Арміи.

Почему Красная Армія носит КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ?

Потому, что каждая армія носит изображеніе того, чему она служит.

Что такое изображала кокарда старой арміи?

Она изображала ленту из царскаго флага в сіяніи лучей.

И обозначала то, что солдат служит царю.

И прежняя армія служила царю и по его приказу, избивала крестьян и рабочих и помогала помѣщикам и буржуям угнетать народ, пользоваться его трудом и, ничего не дѣлая, жить за его счет.

Что же изображает КРАСНАЯ ЗВѢЗДА?

СЛУШАЙ, ТОВАРИЩ!

Знаешь ты сказку, как жила-была на свѣтѣ красная дѣвица—**Правда**?

Была она прекрасная-распрекрасная и на лбу у нея звѣзда горѣла.

От сіянья той звѣзды свѣтло было на свѣтѣ, всѣ люди по правдѣ жили, всѣм жилось хорошо, у всѣх всего вдосталь было, никто никого не убивал и не обижал.

И жила-была на свѣтѣ черная **Кривда**.

Захотѣла она людей смутить и счастье у них отнять.

Подкралась потихоньку к **Правдѣ** и украла у ней звѣзду.

Украла и под спуд спрятала.

И сразу темно стало на бѣлом свѣтѣ.

И в темнотѣ стали темные люди свои темныя дѣлишки обдѣлывать. Стали слабых обижать, все добро у них отнимать, да на себя работать заставлять.

Стала **Кривда** царить на всей землѣ.

И стала бѣдная **Правда** кричать:

— Люди добрые, найдите мою звѣзду.

Верните звѣзду. Верните **свѣт Правды** міру!

И нашелся добрый молодец, пошел искать звѣзду правды, вступил в бой с **Кривдой**, долго боролся с ней...

Наконец измученный, весь израненный и окровавленный одолѣл **Кривду** и отнял у ней спрятанную звѣзду...

Прикрѣпил эту звѣзду себѣ на лоб и пошел к **Правдѣ**...

А злые люди, сторонники **Кривды**, мѣшали ему итти и старались отнять у него звѣзду и снова потушить ее.

Но добрый молодец всѣх одолѣл, всѣх врагов разогнал и пришел к **Правдѣ** и принес ей звѣзду.

И снова стало свѣтло на свѣтѣ и злые люди, сторонники **Кривды**, от свѣта разбѣжались, как совы или мыши летучія, попрятались по темным углам и пропали.

И снова всѣ зажили **по правдѣ**.

И снова всѣм стало хорошо и привольно жить при свѣтѣ **звѣзды правды**!

Слыхал ты эту сказку, товарищ?

Так вот **Красная Звѣзда** красной арміи это—**Звѣзда Правды**! А красно-армейцы это тѣ добрые молодцы, что с кривдой и ея сторонниками злыми людьми-угнетателями борются за то, чтобы на землѣ правда царствовала и чтобы всѣм угнетенным, всѣм обиженным кривдой, всѣм бѣднякам и трудящимся хорошо и привольно жилось.

Потому на красно-армейской звѣздѣ и изображены плуг и молот.

Плуг пахаря-мужика.

Молот молотобойца-рабочаго.

Это значит, что красная армія борется за то, чтобы звѣзда правды свѣтила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему, чтобы для них была воля и доля, отдых и хлѣб, а не одна только нужда, нищета и безпрерывная работа.

И всѣ, кто хочет, чтобы Правда Кривду одолѣла, чтобы звѣзда правды всѣм бѣднякам и трудящимся всегда свѣтила, чтобы им легкая жизнь была...

Всѣ должны в Красную Армію итти, себѣ на лоб красную звѣзду прикрѣпить и с сторонниками Кривды—царями, князьями, помѣщиками да буржуями бороться!

Всѣ под КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ, товарищи!

Ибо она есть звѣзда правды!

Она есть звѣзда освобожденія всѣх трудящихся от голода, труда, войны, нищеты и рабства.

Она есть звѣзда счастья всѣх бѣдняков, крестьян и рабочих.

Вот, что означает Красная Звѣзда Красной Арміи!

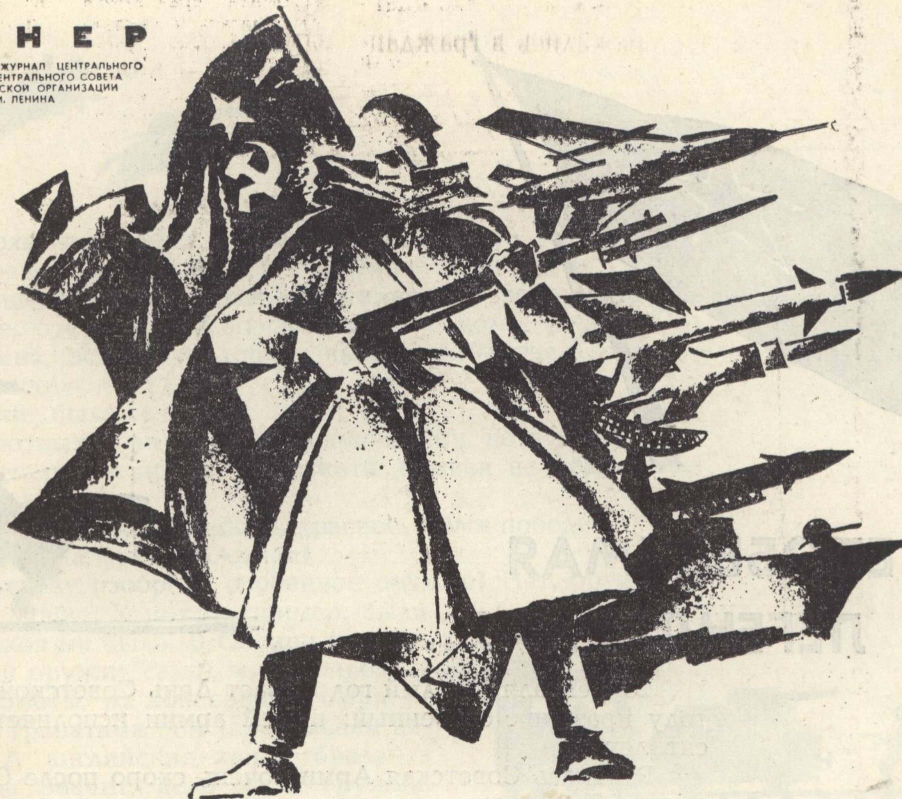
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 45

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

С. ФЕДОРОВ

Мы говорим...

Мы говорим:
«Страна встает!»
Но как страна встает!
Мы говорим:
«Страна идет!»
Куда страна идет!

Вот человек спешит домой,
И путь его простой, прямой...
Но села или города,
Поля, моря и горы —
Как встать им
И пойти куда
Лесам, лугам, озерам!

Так вот,
Когда народ встает,
Тогда страна встает.
И если весь народ идет,
То вся страна идет.
Вперед!
Из прошлого — вперед!
В грядущее — вперед!

А почему мы говорим,
Что наш народ непобедим!

Мы говорим так потому,
Что помним прошлую войну
И вообще — войну.

Когда грозит стране война,
Тогда мы говорим:
«Опять настали времена
Ловить ногами стремена
И мчать в огонь и дым!»

Покуда в мире мира нет
И нам грозит война,
От дней тачанки
К дням ракет
Мы говорим:
«Путем побед
Должна идти страна!»

Мы славим армию и флот
Воздушный и морской,
И говорим:
Страна встает!
Страна растет!
Страна идет!
На труд идет и в бой.

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ...

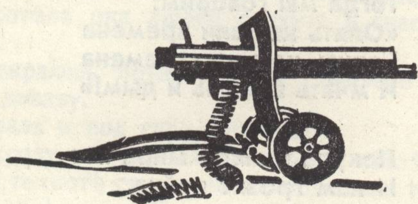
23 февраля каждый год бывает День Советской Армии. А в этом году праздник особенный: нашей армии исполняется ровно пятьдесят лет.

Родилась Советская Армия очень скоро после Октябрьской революции. Ты знаешь о том, как революция прогнала царя, помещиков и капиталистов и как наш народ стал хозяином в своей стране. Мы хотели жить мирно, чтобы все научились грамоте. Чтобы строить, дать всем дом и работу, одежду и обувь.

Знаешь, какой закон под номером первым приняла Советская власть? Закон о мире.

Ты спросишь: если мы не собирались воевать, то откуда и зачем взялась армия?

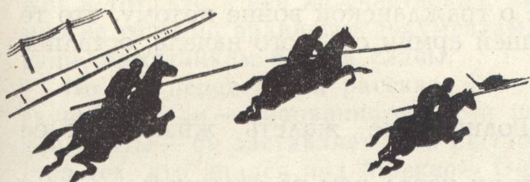
Припомни, что случилось сразу после революции. На нас напали капиталисты. Да не одна страна, а целых четырнадцать! Капиталисты испугались, что их тоже могут прогнать, как прогнали русского царя, и решили: пока Советское государство молодое, надо уничтожить его.

С севера на Советскую республику двинулся английский генерал Миллер. К Дальнему Востоку приплыли японцы и американцы. Из Сибири пошел белый адмирал Колчак. С юга — генералы Деникин и Врангель. С запада — генерал Юденич, войска Германии и панской Польши.

Это я назвал тебе только самых опасных врагов, а, кроме них, было много других.

Вот почему появилась наша армия. Одно дело, что мы сами не хотели ни с кем воевать, а другое дело — когда на нас напали.

Ленин и большевистская партия обратились ко всему народу: «Социалистическое отечество в опасности! Все, кому дорога Октябрьская революция, вступайте добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию!»

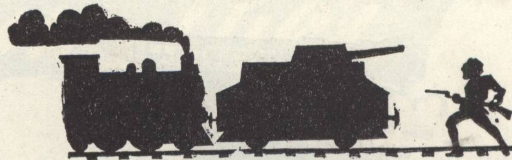
И Красная Армия была создана.

Много было грозных боев в гражданскую войну, но в конце концов всем белым генералам пришлось бежать, срывая на ходу пышные погоны и эполеты.

Над всей нашей страной поднялось красное знамя победы.

Почему же победила Красная Армия?

Может, у нас сразу изобрели особенное оружие? Нет, оружие у белых было даже лучше. У них, например, были танки, а у нас танков не было. В Сибири красноармейцы мастерили оружие сами: из водопроводной трубы — бомбометы, из консервных банок — гранаты. С такими гранатами они захватывали целые бронепоезда. А английские танки брала в плен наша конница. Значит, дело не в оружии.

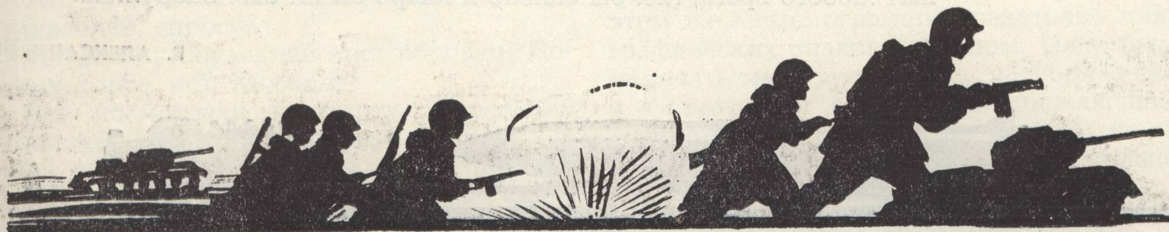

Тогда, может быть, наших было больше по числу? И это было далеко не так и не всегда. Зато каждый красный боец стоил, наверное, десятерых белых — вот в чем все дело!

Ты не слышал такую фамилию — Кирилл Никифорович Поздняков? В годы гражданской войны он был рядовым бойцом, и послушай, как воевал.

Он родился еще до революции, и, когда Кирюше исполнилось девять лет, ему пришлось батрачить у кулака. В твоем возрасте Кирилл поступил на фабрику. Кем же он мог работать, такой маленький? Тогда так и говорили: «работает мальчиком». Это значит: бегай с утра до вечера куда пошлют, заработаешь немного денег и сколько угодно подзатыльников.

Кирилл мечтал совсем о другой жизни и для себя и для всех. Он вступил в партию большевиков, стал революционером, претерпел царские тюрьмы и ссылки, только чтобы победила революция. Мог ли Кирилл допустить, чтобы в гражданскую войну революцию уничтожили? Да никогда! Он воевал и на Западном, и на Восточном, и на Южном фронтах. Его ранили, контузили, но он продолжал сражаться за Советскую власть. Разве это не герой? А ведь такими были почти все красноармейцы!

Вот почему Красная Армия победила.

Я так подробно говорю тебе о гражданской войне потому, что те законы, которые появились в нашей армии с самого начала, остались священными для нее и теперь.

Вот эти законы:

Больше всего любить свою Родину, не жалеть жизни для ее защиты.

Не бояться никаких врагов и ни перед кем не отступать.

Никогда не поднимать оружие первым, никогда не зариться на чужую землю.

Конечно, теперь не то, что пятьдесят лет назад. Наша армия никому не уступит по силе оружия. У нас есть танки, которые могут промчаться под водой, по дну реки. У нас есть боевые самолеты, которые летают так быстро, что звук от них отстает. У нас есть ракеты, которые можно послать в любое место земного шара.

Все это верно. Но главная сила Советской Армии, как и было всегда, в том, что она охраняет дело революции. Она за мир, за хорошую, справедливую жизнь. Поэтому ее любит народ.

Помнишь, я рассказывал про Кирилла Никифоровича Позднякова? В самом начале гражданской войны его наградили грамотой. Эту грамоту нарисовали сами бойцы. Они думали, какая хорошая мирная жизнь будет после победы, поэтому нарисовали на грамоте ветку с краснощекими яблоками. Еще нарисовали рубанок, тиски, клещи, лопату, молоток — словом, инструменты мирного труда. Некоторые инструменты ты бы даже не узнал, потому что никогда не видел — дело-то давнее. Вот, например, палка, а к ней привязана другая палка. Что такое? Эта штука называлась «цеп», ею молотили зерно.

Кирилл Никифорович очень дорожил революционной грамотой. Он показал ее сыну и сказал: «Вот, сынок, за что мы воевали. И ты делай так же! Если нападут враги, защищай нашу страну и за себя и за меня. Я ведь уже старею...»

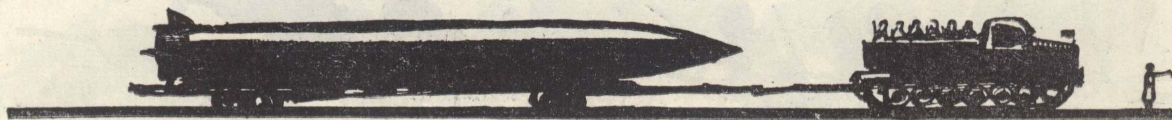
Петр Поздняков запомнил отцовские слова. Когда на нашу страну напали гитлеровцы, он стал военным летчиком. Отец объяснил ему законы нашей армии, а я теперь рассказываю о них тебе. Значит, и ты будешь их знать и выполнять.

Ты спросишь, как воевал Петр Поздняков с гитлеровцами? Воевал храбро, только... только подробностей мы не знаем. Товарищ Петра написал с фронта коротенькую записку, что он совершил подвиг и погиб.

У Кремлевской стены в Москве горит Вечный огонь и стоит памятник, на котором написано: «Неизвестному солдату». Кто этот неизвестный солдат? Может быть, Петр Поздняков. Может быть, мой отец — отец ушел добровольцем на войну и пропал без вести. А может быть, это твой дедушка или его брат, друг.

Пятьдесят лет охраняет и защищает нашу страну Советская Армия. Тысячи, тысячи и тысячи подвигов совершили ее бойцы и командиры. И если Родина потребует, они их совершат вновь. Они сокрушат любого врага, как бы сильно и хитро он ни был вооружен.

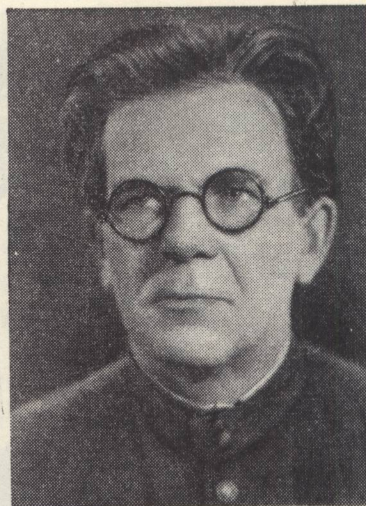
В. АЛЕКСАНДРОВ

Рассказать о войне — даже хорошо рассказать — может и тот, кто в ней не участвовал, кто изучал ее через многие годы по архивным документам, музейным реликвиям, памятникам боевой славы.

Но вот перед тобой рассказ. С помощью маленькой скупой детали — оборванного листа полковой оперативной карты — он заставляет тебя ощутить и мысли и чувства тех, кто дрался под Москвой. Ощутить так, словно эти мысли и чувства прошли через твое сердце. И боль, и тоску, и отчаянную решимость испытываешь ты сам.

Читай и смотри дальше! Ты увидишь рисунки художника, стихи поэта, еще один рассказ. Все они — и Александр Бек, и Юрий Черепанов, и Константин Ваншенкин, и Сусанна Георгиевская — были живыми частичками той славной армии, о которой рассказывают.

Александр БЕК

Последний лист

Из полкового сейфа принесли старую карту, склеенную из нескольких листков. Развернутая, она оказалась не квадратом, а широкой полоской и едва уместилась на длинном столе. Маленькая электролампочка, укрепленная на потолке, ярко освещала бледную сетку топографических значков, кое-где пересеченную линиями красного и синего карандаша. Карта звалась стотысячной: одному метру соответствовало сто километров местности.

В дни битвы под Москвой полоса, разостланная на столе, именовалась Волоколамским направлением. Здесь дрались панфиловцы. Ныне, к годовщине дивизии, они восстанавливали ее славную историю.

Многие из тех, кто собрался на этот вечер у командира полка Бауржана Момыш-Улы, знали карту наизусть: на одном конце был район Волоколамска, на другом — Москва.

Кто-то поднял свешивающийся край и удивленно спросил:

— Почему последний лист оборван? Почему здесь нет Москвы?

Все посмотрели на карту. Последний лист действительно выглядел странно: от него осталась лишь узкая лента, приклеенная к соседнему листу. Край был аккуратно обрезан, но в середине, где разными шрифтами дважды повторялось слово «Крюково» — станция и село, бумага была порвана.

— У этого листа есть своя история,— сказал Момыш-Улы.— Разве она вам не известна?

Он оглядел собравшихся широко расставленными черными глазами. Никто не знал истории последнего листа. С разных сторон попросили:

— Расскажите!..

— Помните Сулиму,— спросил Момыш-Улы,— моего адъютанта? Он мог бы рассказать... Какого числа мы получили приказ отойти на Крюково?

— Двадцать девятого.

— Да, двадцать девятого ноября 1941 года. В этот день Сулима принес пакет: «Отойти, занять оборону в Крюкове». Я достал карту и не нашел Крюкова. Развернул новый лист... Ага, вот оно... И тут же, на этом же листе, огромное средоточие топографических знаков — Москва. Надо было намечать маршрут, давать распоряжения, а я смотрел и смотрел на сбежавшиеся вместе квадратики, кресты, полоски, на явственно проступающие ломаные и кольцеобразные просветы московских улиц.

Чиркнув спичкой,
адъютант зажег отрезанный кусок карты...

этот день на карту. Подперев опущенную голову руками, он уставился в одну точку, словно в глубоком раздумье или горе. В черных блестящих волосах, упрямо непослушных гребенке, замерли блики электричества.

Никто не кашлянул, не шевельнулся, никто не нарушил тишину.

— Так и сидел,— продолжал, выпрямившись, Момыш-Улы.— Сидел и смотрел на выступающую с края огромную черную полуокружность. Все вы, наверное, знаете, что это значит — представить себе врага на улицах Москвы... Я смотрел и видел сваленные трамваи и троллейбусы, разорванные провода, трупы красноармейцев и жителей на улицах, немецких лейтенантов со стеками, в белых перчатках, в парадной офицерской форме, с наглой усмешкой победителей. Вспомнились немецкие пленные, которые с трусливой, но ехидной ухмылкой говорили, коверкая русские слова: «Волякалямск — Москау...»

Слышу, Сулима тихо говорит:

— Батальоны ждут приказа, товарищ командир.

У этого голубоглазого парня была чуткая душа. Я взглянул на него и увидел: он понимает меня. Я, как вам известно, казах, Сулима — украинец. Ни один из нас не жил в Москве, но у обоих дрогнуло сердце, когда на мой стол впервые как оперативный документ лег лист Москвы. Закрыв рукавом Москву, я наметил маршрут и приказал собрать подразделения. Сулима вышел, я убрал руку и опять стал смотреть на карту. Достал курвиметр, вымерил расстояние. От Крюкова до окраин Москвы всего двадцать с небольшим километров. Вам, товарищи, известен закон командира: продумывать наихудший случай. Что такое двадцать — тридцать километров? Один рывок — и бои на улицах. Я сидел вот так...

Момыш-Улы показал, как он смотрел в

Неужели эта шатия восторжествует? Я сидел над картой и, рассматривая худший вариант, искал: нет ли от Крюкова до Москвы промежуточного рубежа, где можно было бы крепко зацепиться? Искал и не нашел. Вывод: Крюково — последний рубеж.

Не помню, сколько времени я просидел так. Вошел Сулима и доложил, что подразделения собраны. Карту я всегда складывал вот такой гармошкой: с востока на запад. Разверну — и развертываются Волоколамское и Ленинградское шоссе. На этот раз я вопреки правилу сложил ее иначе: сломал бумагу поперек. Там, где кончалось Крюково, я с силой провел пальцами по сгибу, чтобы больше тут не разгибать. Нажимая, я в одном месте задел ногтем и порвал бумагу.

На столе лежали разные документы. Встаю, рассматриваю, кое-что кладу в полевую сумку, кое-что отдаю Сулиме. На-

конец беру карту, и вдруг — должно быть, я неловко ее взял — она развернулась, и я опять увидел огромную черную полуокружность, увидел то, что решил не видеть.

Я сказал Сулиме:

— Дайте перочинный ножик.

Сулима достал и раскрыл нож, я сел и не спеша, аккуратно отрезал загиб, как разрезают книгу, отделив все, что было на восток от Крюкова. Затем протянул Сулиме и сказал:

— Сожгите...

Он переспросил:

— Как?

— Сожгите...

Он сначала посмотрел на меня с недоумением, но секунду спустя в его красивых голубых глазах появилась твердость. Он понял меня. Для чего нужна карта? Для ориентировки. Он понял, что нам не понадобится ориентировка в дорогах, речках, населенных пунктах, что лежат позади Крюкова; понял, что мы или отбросим немцев, или умрем под Крюковом.

Чиркнув спичкой, он зажег отрезанный кусок. Мы оба безмолвно смотрели, как сгорает бумага, как исчезают, превращаясь в черный прах, названия шоссейных дорог и проселков, ведущих к Москве. Потом... Все вы, друзья, знаете, что было потом.

Момыш-Улы умолк.

Маленькая электролампочка, укрепленная на потолке, ярко освещала карту, разостланную во всю длину стола. Кто-то поддерживал свесившийся край.

Все знали: дальше Крюкова немцы не прошли, у Крюкова, как и в других пунктах тогдашнего Западного фронта, произошло то, что за границей называют «чудом под Москвой».

К. ВАНШЕНКИН

★

Ступая очень осторожно,
Покрытый хвоей, мокрый весь,
Дед срезал гриб ножом сапожным:
«Назвался груздем — в кузов лезь!»

Прошел вперед, потом левее,
С трудом скрывая торжество.
И внук, почти благоговея,
Смотрел на деда своего.

Грибы стояли как игрушки,
Их даже трогать было жаль.
А звук рожка летел с опушки
И бередил лесную даль...

В семнадцать лет без лишней грусти
Покинул парень светлый лес.
Бойцом назвался, а не груздем
И в тряский кузов молча влез.

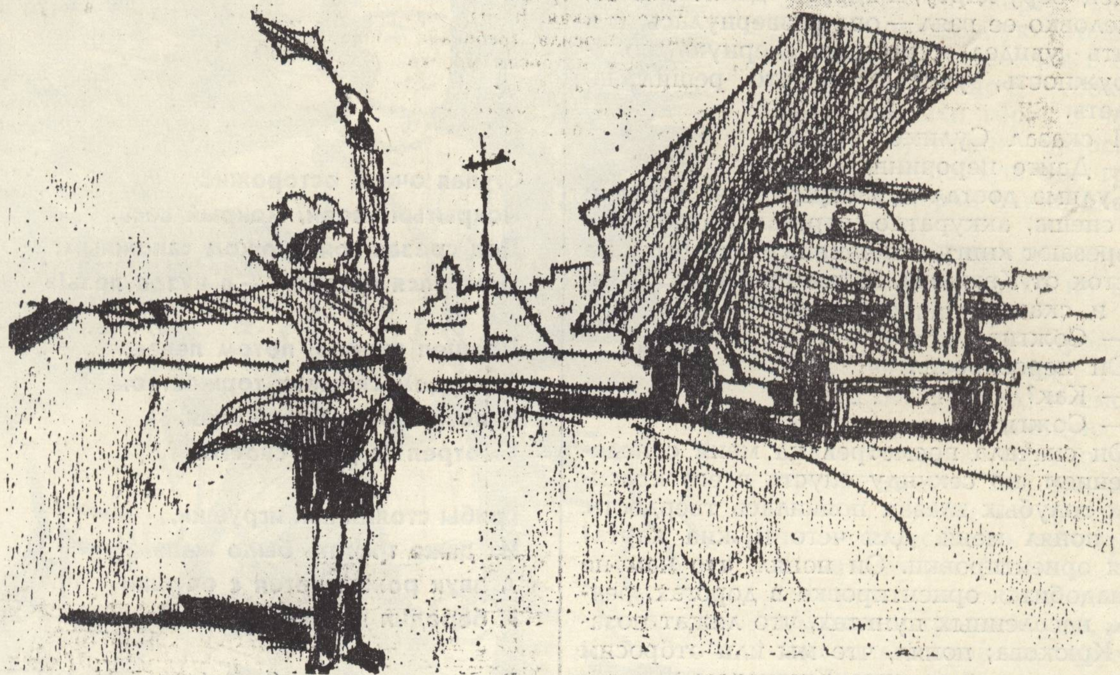
И служба, трудная вначале,
Была изучена — дай бог!
Ребята званья получали,
Уставы знали назубок.

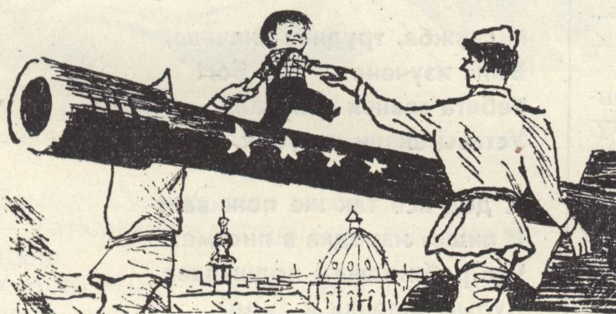
А дед все так же поживает
И пишет изредка в письме,
Что ребятишкам подшивает
Худые валенки к зиме.

Зато солдатам нет покоя,
У них захватывает дух:
Ведь время впереди такое,
Что каждый месяц стоит двух.

Мелькают дни, проходят годы,
Дорога дальняя пылит...
Придя с учебного похода,
Уснет усталый замполит.

И вдруг увидит при подъеме,
Когда взлетает звук трубы,
Что спит он с дедом на соломе,
Вставать пора и — по грибы!

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

Из военных зарисовок

На этой фотографии военных лет — писательница Сусанна Михайловна Георгиевская. В 1942 году она добровольно вступила в ряды нашей армии. Просила, требовала — пошлите туда, где труднее. Ее зачислили рядовым матросом морской пехоты на Северный флот.

Войсковые части, где она служила, держали оборону города Мурманска, стояли на самом передовом участке фронта, на полуострове Рыбачьем в районе Петсамо, или, как мы говорим теперь, Печенги.

У горного хребта Тунтури наши вырыли землянки в мерзлом грунте. По другую сторону хребта стояли фашисты. У них было более выгодное расположение. С их стороны легко простреливались подступы к нашим частям, которые долго не могли перейти в открытое наступление.

Большой перевес был у противника. Но каждый день, каждую ночь то одна, то другая группа наших солдат устраивала дерзкие вылазки, не давая врагу передышки. И случалось, писательница шла в первых рядах. Она знала немецкий язык, могла подслушивать разговоры противника, а также могла по заданию политуправления говорить с немецкими солдатами. В большой рупор кричала она о безнадежности войны, которую фашисты непременно проиграют.

В тяжелых солдатских сапогах прошла она по суровой тундре не одну сотню километров. Несколько раз обмораживала руки, ноги. Но даже в самое тяжелое время говорила: «Я войду в Берлин!» И вошла. В 1945 году, провоевав всю войну, вошла в Берлин.

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Ожидание

СКАЗКА

Война... Она не только предстает мне в виде белых гор, белых и рассеченных темными проталинами. Она связана для меня с чувством озноба, мокрых сапог и... вины. Я всегда себя чувствовала виноватой, что прохожу через равнину медленнее других, что плохо взбегаю на гору, ставя тех, с кем иду, под опасность сделаться мишенью для вражеской пули.

Оборона. Какое страшное слово! Оборона — это дни, недели и месяцы ожидания.

Ждать нелегко.

...Враг стрелял по нашей позиции, а нам почти невозможно было отстреливаться.

Оборона—лето без солнца, почти без лун, тусклое белое небо, распростертое над землянками, которые — наше жилье. Небо, лежащее над горами, над горным хребтом без деревьев и без кустарников.

Потом приходила зима. Тундровый снег становился тверже, воздух — каленее... Небо чернее. Большое черное небо над белой землей. Два-три брезжущих светом часа.

Ночи долги, как месяцы. Изредка коротким пожаром затеплится в небе северное сияние. Но и оно было тусклое, не такое, как на Северном полюсе. Тусклое и короткое. И снова — ночь, ночь...

Тот кустарник, что рос на белой равнине, нами давно обломан. Мы им топим печку-времянку. Новый кустарник не поднимался, не вставал из-под земли. Куда там!.. Казалось, здесь нет земли, только снег, снег... Снег и камни. И будто кустарник растет из камня.

Должно быть, когда-то, когда земля освобождалась от оледенения, она забыла об этом крае, об этой дальней точке своей. И вот остались на свете снега и камни. Большие камни. Их называют валуны.

Черные камни на белой равнине. Не так, чтобы густо они лежали. Нет, нет... Но все

же одни на снегу, среди необозримых пространств снегов и вод. Все они черные, отшлифованные, облизанные ветрами, исхлестанные снегами.

Белая равнина и черный камень. А еще — дымок, дымок из трубы. Там жилье человека — землянка.

Дым похож на человечье дыхание. Он бежал к небесам — к небесам жестоким, высоким, белым.

Бесконечность снегов. Бесконечность земли. Бесконечность времени. Бесконечность неба.

Белое, влажное царство. Сухари и овес, что доставляли нам сквозь равнину. Все это называлось: «Вы держите оборону города Мурманска».

Стоны раненых, молодой растерянный врач, две медицинских сестры, солдаты, возвращающиеся с вахты, слюдяное окно, сотрясавшееся от взрывов, зовется: держать оборону.

У нас была своя рация со своим местным электропитанием. Мы слышали залпы на Красной площади в честь освобожденных городов.

Только мы «стояли». И ждали. Ждать называлось: держать позиции.

Как восстановить то внутреннее чувство, что владело каждым из нас?

Жизнь состояла как бы только из крупных черт, словно в детстве: утро, вечер, пламя коптилки, хрипловатый голос какого-нибудь солдата...

Но там, за пределами вечной ночи, начинается жизнь...

Когда над землей самолет, земля внизу лежит наивная, лишенная милых сердцу примет — географическая карта: квадраты полей, реки, дома... Все будто начертано невзначай, рукой ребенка.

Такова была наша жизнь. Без милых сердцу примет. Без листка, без цветка... Макет... Небо, камни, снега, ветры...

Как передать, что владело сердцами людей?

В гущу событий — под танк, под танк! Взрывать. Умирать за Родину!

Там он — далеко — тот край земли, где сражение... А мы — оборона.

Мы ждем.

Колебалось пламя коптилок. Над печуркой сушились портянки возвратившихся с вахты солдат.

Ровен голос рассказчика в эти долго длящиеся часы, широко над головою небо, неподвижно малое озерцо у подножия гор.

Здесь воды не замерзают, неподалеку проходит течение Гольфстрим.

— ...Дядя Антон, а вы уверены, что здесь никто никогда не жил?

— Да как вам сказать-то... Люди болтают, что жили старик со старухой. Двое. Всего ничего. Жили, стало быть, рыбу ловили, детей растили... Дети ихние выросли и подались в Мурманск... А старик со старухой — здесь...

— Дядя Антон, и как же им было, должно быть, скучно!

— Да как тебе объяснить? А может, и не особо скучно... Они, может, водку дули по вечерам.

— Вы уж скажете, дядя Антон!

— А чего? Дули водку — и вся недолга!

Очень даже обыкновенно. Зима, мороз, отчего не выпить? Выпить можно, была бы водка... Вот... Жили, стало быть, поживали, добра наживали. Разжились козой... А тут аккурат война. Фашист засел вон на этой сопочке и ну бабахать по ихней землянке.

Живут, стало быть, старик со старухой. Хлеб жуют, стало быть. Козу, стало быть, пасут и не особенно удивляются... День бабахает фриц, два бабахает по землянке...

Ушел старик как-то раз на озеро рыбу ловить. А старуха — с козой прогуляться, одним словом, стадо свое пасти... Возвращаются — нет землянки. Один очаг. А от очага — искры...

Стало им не в меру обидно.

Взялись за руки и пошли.

— Куда ж нам идтить-то? — спрашивает старуха.— Тут мы родились, тут бы, значит, и помереть.

— Хорошо,—говорит старик,— обернемся каменьями, дорогая моя супружница. Обернемся и ляжем посрединке равнины. Как только уйдет фашист, мы, стало быть, возвратимся. Солдаты аккурат пойдут в наступление и оставят свою землянку. Ихняя землянка нам станет домом. Будем жить, поживать, добра наживать, опять заведем козу...

...А вы, милочки, смотрите, поглядывайте другой раз вон на те каменья: один побольше, другой поменьше. Это, стало быть, старик со старухой... Если камни двинутся — наш оборонный край перешел в наступление. Ясно?

— Дядя Антон!.. Камни двинулись!

— Закури, милушка.

— Дядя Антон! Посмотрите, двинулись!..

Это было зимой. В неверный час недолго длящихся сумерек и на самом деле казалось, камни движутся: это трепетал воздух.

И вдруг тишину рассек залп «катюши». Мы еще не знали, что значит «катюша». Здесь, в своей тишине, мы слышали только выстрелы снайперов и взрывы мин.

Нас было шестеро. Мы сидели с дядей Антоном на влажных ступеньках землянки.

— Товарищи,— распахивая двери, сказал наш начальник, майор.— Товарищи! Мы... мы... Поздравляю, товарищи, мы идем в наступление. Только что позвонили из штаба.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

★

Огненный след жизни

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Испытание богов

Три года после войны с Астиагом Кир занимался устройством своего государства. Он объединял вокруг себя мидийские провинции — племена кочевников и звероловов, отдаленные области земледельцев и пастухов. Он старался договариваться с ними мирно, убеждал, что, объединившись, они все будут сильнее. Ему часто это удавалось. А когда не удавалось, он шел с войском и покорял несговорчивые племена.

За всеми действиями Кира с большой тревогой следил царь Лидии Крез. Он видел, как усиливается Кир, как растет его держава. Кир еще не трогал владений Креза и не объявлял ему войны, но он захватывал земли, граничащие с Лидией. И кто поручится, что завтра он не перешагнет и лидийскую границу?

Лидийский царь Крез славился своим могуществом и богатством. Его отец Алиатта царствовал долго и много воевал. Крез после его смерти продолжал завоевывать новые земли. Вся страна к западу от Каппадокии была подвластна ему. Многие племена эллинов, поселившихся на азиатском берегу голубого Эгейского моря, платили ему дань. Поэтому и называли Креза «Владыкой Племен».

Столица Лидии Сарды гордилась своим великолепием и неприступностью. Над Сардами сияла снежная вершина горы Тмола. Ее склоны, богатые лесами и пастбищами, наполняли город свежим дыханием сосны и бука. Река Пактол, бегущая с Тмола, приносила в Сарды обилие прозрачной воды. Пактол усердно размывала в горах золотую жилу и, будто служа Крезу, несла в его казну золотой песок. Золото горы Тмола и сделало Креза самым богатым царем на всей азиатской земле.

Нет в Азии войска сильнее лидийского. Ни у кого нет такой конницы, как у царя Креза, и таких длинных копий, как у его копейщиков. Он разобьет дерзкого Кира, он усмирит его.

Это так. Но все же надо, прежде чем вступать в войну, посоветоваться с оракулом.

Желая проверить, насколько оракулы прозорливы и умеют угадывать правду, Крез отправил посланцев к разным оракулам. Одни посланцы направились в Ливию, к Аммону Ливийскому, другие — в Фокийские Абы, третьи — к Додону, а четвертые — к Амфиараю и Трофонию. Пошли его посланцы и в главное эллинское святилище — в Дельфы.

Крез решил испытать богов. Если какой-нибудь из этих оракулов угадает, что он задумал, к тому из них он и обратится за советом, выступать ему войной против Кира или постараться избежать этой войны.

Посланцам своим Крез приказал:

— Как выйдете из Сард, ведите счет дням.

В сотый день вы обратитесь к оракулам с вопросом: «Что делает сейчас лидийский царь Крез, сын Алиатты?» Тут же запишите их ответы и немедленно возвращайтесь домой.

Через положенное время посланцы возвратились с ответами оракулов. Крез принялся внимательно просматривать записи. И одну за другой откладывал их с иронической усмешкой. Ни Амфиарай, ни Додон, ни Фокийский оракул не угадали правды. Даже Аммон Ливийский не узнал ее...

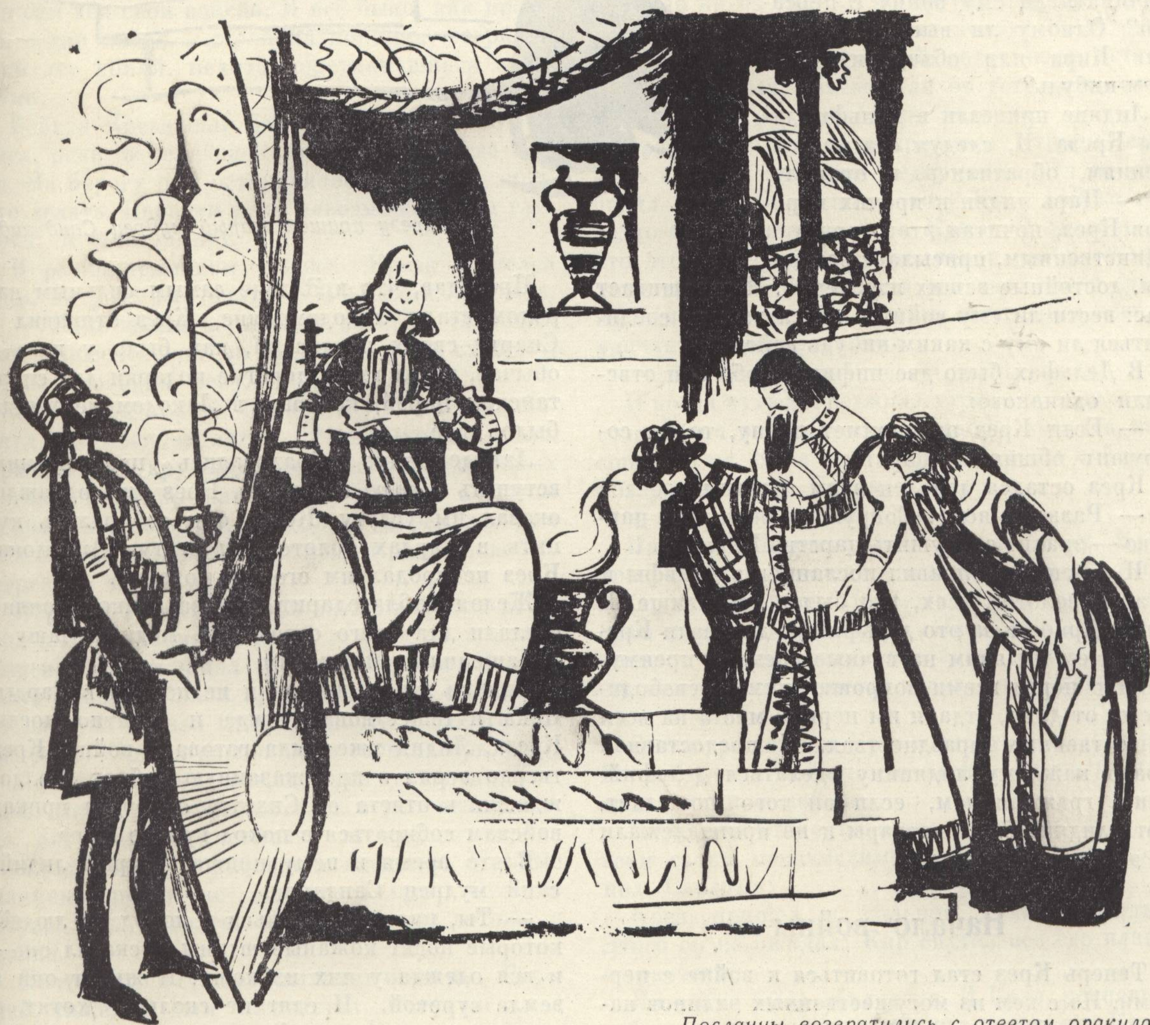
А Дельфы? Что скажет прославленный эллинский оракул бога Аполлона, сына Зевса?

«Я знаю количество песка и меру моря, я постигаю мысли глухонемого и слышу безгласного. Ко мне дошел запах крепким щитом защищенной черепахи, она варится в медном сосуде вместе с мясом ягненка. Медь разостлана снизу и медь положена сверху».

Крез был ошеломлен. Да, Дельфийский оракул — это оракул всевидящий и всезнающий. Это оракул, который общается с богами, и боги открывают ему все! Ведь Крез действительно на сотый день, как ушли посланцы, изрубил черепаху и варил ее вместе с ягненком в медном котле. Как можно было предвидеть и угадать то, что он придумал?

Доверчивый царь забыл, что он поделился своим замыслом с близкими его дому людьми. И не знал, что тайна ушла в Дельфы вместе с его посланцем!

И теперь Крез, полный благоговения, принес дельфийскому божеству обильные жертвы — стада быков, овец и коз. В каждом стаде было по три тысячи голов. Он приказал соорудить огромный костер и жечь на нем, чтобы умилостивить бога, позолоченные и посеребренные ложа, бросал в огонь золотые чаши, пурпурные плащи и хитоны... Крез приносил жертвы сам и велел всем лидянам принести в жертву эллинскому божеству кто сколько может, хотя лидяне поклонялись только солнцу и огню.

Посланцы возвратились с ответом оракулов.

После этих жертвоприношений Крез велел переплавить огромное количество золота и сделать из него литые кирпичи. Таких золотых кирпичей получилось сто семнадцать — каждый в шесть ладоней длины, в три ладони ширины и в ладонь высоты. Кроме того, он велел сделать из золота изображение льва. И все это богатство он отправил в Дельфы.

Сверх всего этого Крез послал в Дельфы две большие вазы — золотую и серебряную — необыкновенной красоты, две кропильницы — золотую и серебряную... И много других вещей из золота и серебра. Так старался он умилостивить божество, которое может дать ответ на его вопрос: начинать ли ему войну с персами? Одному ли выступать против Кира или объединиться с кем-нибудь?

Лидяне привезли в Дельфы дары Креза. И, следуя его наставлениям, обратились к оракулу:

— Царь лидян и прочих народов Крез, почитая этого оракула единственным, присылает вам дары, достойные ваших изречений. И спрашивает вас: вести ли ему войну с персами и не соединиться ли ему с каким-нибудь войском?

В Дельфах было две пифии. И обе они ответили одинаково:

— Если Крез предпримет войну, то он сокрушит обширное царство.

Крез остался доволен этим ответом.

— Разве не ясно? Сокрушить обширное царство — значит сокрушить царство Кира!

И он снова отправил посланцев в Дельфы и одарил золотом всех, кто был в святилище. В благодарность за это дельфийцы даровали Крезу и всем лидянам на вечные времена преимущество перед всеми вопрошающими, освободили их от дани, отдали им первые места на всех общественных празднествах. И предоставили право каждому лидянину сделаться дельфийским гражданином, если он того пожелает, хотя лидяне были варвары и не принадлежали к эллинским народам.

Начало войны

Теперь Крез стал готовиться к войне с персами. Но с кем из могущественных эллинов надо ему войти в союз?

К Крезу пришел старый мудрец Санданид.

Проведав, что в Элладе самым сильным народом стали лакодемоняне, Крез отправил в Спарту своих послов. И, как было у него в обычае, велел взять дорогие подарки для спартанских царей, которых в Лакодемоне всегда было двое.

Лакодемоняне обрадовались предложению вступить в союз с Лидией. Крез уже однажды оказал им услугу. Когда они собирались купить в Сардах золото для статуи Аполлона, Крез не продал им его, но подарил.

Желая отблагодарить Креза, лакодемоняне сделали для него огромную медную чашу с украшениями по краям.

Однако эта чаша так и не попала в Сарды. Пока путешествовали туда и обратно послы Креза, Лидия уже была готова к войне. Крез твердо верил в предсказанную победу. Не дождавшись ответа от Спарты, он отдал приказ войскам собираться в поход против Кира.

В это время к нему пришел старый лидийский мудрец Санданид.

— Ты, царь, готовишься в поход на людей, которые носят кожаные штаны,— сказал он,— и вся одежда у них из кожи. И живут они в земле суровой. И едят не сколько хотят, а сколько у них есть. Если ты и станешь по-

бедителем, что возьмешь с такого народа? А если ты будешь побежден — потеряешь много: вкусив наших благ, они не захотят отказаться от них и будут добиваться их неотступно. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысли воевать с лидянами.

Но Крез не принял речей мудреца. Если всезнающий оракул предсказал победу, зачем же Крезу отказываться от войны? Возмущение и негодование против Кира не давали Крезу спать по ночам. Слишком долго Крез бездействовал, слишком долго народы Азии не слышали его властного голоса, не слышали звона оружия его войск и топота его конницы. И вот теперь дерзкий и ничтожный сын перса Камбиса осмелился свергнуть царя Астиага, взять его в плен и захватить Мидию!

Крез жестоко накажет его. Не было и нет народа в Азии, который смог бы сопротивляться Крезу.

Крезу в то время было около пятидесяти лет. Он сам вел свои войска. И все было, как прежде, в дни побед,— стройная конница, сверкающий лес копий, пехота, ощетинившаяся стрелами.

Войска Креза шли без помех до самого Галиса, реки, отделяющей Лидию от царства Кира. На берегу они остановились. Крез не знал, что делать. Перейти реку невозможно, она глубока. А мостов нет.

В разноплеменном войске Креза нашелся один хитроумный эллин — Фалес из Милета.

— Надо вырыть позади лагеря глубокий ров,— посоветовал он Крезу.— Вода схлынет, и мы перейдем реку.

Совет был хорош. Вскоре глубокий ров обогнул полумесяцем лагерь. Река хлынула в ров, красный полукруг воды засветился среди серых песков. Река прошла позади лагеря, а потом снова влилась в свое русло. А перед лагерем она сильно обмелела, и войска Креза спокойно перешли через нее.

Перейдя Галис, Крез со своим войском вступил в Каппадокию, страну, лежавшую у Понта Евксинского, и занял крепость Птерию. Птерия была самой сильной крепостью этой страны, и стояла она вблизи Синопы, почти у самого моря. Здесь Крез и расположил свой лагерь.

По обычаю тех времен Крез, захватив Птерию, тотчас обратил жителей в рабство. Отсюда он начал захватывать и другие города Каппадокии и порабощать жителей. Мирные племена почти не сопротивлялись. Они не собирались воевать. Они не были готовы к войне.

По городам и селам вспыхнули пожары. Горький, тяжелый дым несчастья потянулся над разрушенными жилищами и вытоптанными полями. Жители, спасаясь от рабства и смерти, бежали в леса, в горы. Но трудно было спастись от вооруженных стрелами и копьями отрядов лидийских солдат.

Горели прекрасные леса, гибли плантации маслин. Солдаты угоняли стада, резали тонкорунных овец, каких не было нигде больше во всей Азии...

А с востока между тем уже двигались к Птерии полки персидского царя.

Войско Кира было огромно. Персы, мидяне и все подвластные ему и живущие по пути его шествия народы влились в его отряды.

И вот настал день, когда два войска сошлись в битве. Они сражались ожесточенно, не уступая друг другу. Крез приходил в ярость, видя, что не может немедленно разбить Кира, что не может вообще разбить его. А Кир, полный решимости сломить сильнейшее в Азии лидийское войско, не уступал. Земля дымилась от крови, трупы лежали по всей равнине. Победы не было ни на той, ни на другой стороне.

Только ночью, когда уже нельзя было различить, кто чужой, кто свой, когда люди, оставшиеся в живых, изнемогали от усталости, солдаты разошлись по своим лагерям.

Крез, закрывшись в крепости Птерии, всю ночь сидел в тяжелом недоумении. Он не победил Кира! Оказалось, что у Кира войска гораздо больше, чем у него, Креза. И оказалось, что этот презренный перс, отцов которого мидяне так долго держали в рабстве, умеет сражаться не хуже, чем он сам, опытный и всегда удачливый военачальник.

— Все начать сызнова,— решил Крез.

И когда чуть забрезжила утренняя заря и чистая белая звезда богини Венеры повисла над горизонтом, Крез отдал приказ своим войскам возвращаться в Сарды.

— Все начать сызнова.

Прежде чем вступить в новую битву, Крез призовет союзников — египетского царя Амасида, лакодемонян. Заключит союз с вавилонским царем. И вот тогда, собрав такое войско, которое можно противопоставить войску Кира, он, как только начнется весна, снова вступит с ним в бой.

С этим решением Крез возвратился в Сарды. Не собираясь воевать до весны, он распустил свое наемное войско.

Киру это стало известно, и вскоре Кир со всем своим неисчислимым войском уже стоял под Сардами.

Крез пришел в сильное замешательство. Этого он не ожидал! Кир спутал все его планы и расчеты.

Но война была объявлена. И Крез, поспешно собрав своих лидян, выступил навстречу Киру.

Битва под Сардами

Оба войска встретились под Сардами на большой равнине, цветущей садами. Эта прекрасная, плодородная равнина стала полем битвы.

Молодой Кир до этого дня никого не боялся.

И лишь сегодня, увидев перед собой ряды лидийской конницы, грозно ощетинившейся сверкающими копьями, он впервые в жизни содрогнулся. Эта конница сомнет, затопчет копытами его пешее войско, длинные копья лидян опрокинут его вооруженных дротиками и мечами солдат...

Но у Кира был старый, опытный советчик — его неизменный друг и полководец Гарпаг. Он во всех битвах сражался рядом со своим молодым царем с того самого дня, как перешел к нему от Астиага.

За войском Кира следовал караван верблюдов, нагруженных водой и хлебом.

— Освободи верблюдов от их ноши,— сказал Гарпаг,— посади на них людей, вооружи их оружием всадников и пусти их впереди своего пешего войска. Лошади боятся верблюдов и не выносят их запаха.

Кир так и сделал. И когда его солдаты были готовы к наступлению, Кир, раздраженный сопротивлением Креза и тем чувством страха, которое лидяне заставили его пережить, обратился к своему войску с такой речью:

— Будьте беспощадны! Убивайте каждого, кто попадет вам в руки. В плен не брать никого. Оставьте только в живых царя Креза. Даже если он станет защищаться, все-таки оставьте его в живых!

Все случилось так, как предвидел старый мидянин. Лишь только верблюды с фырканьем приблизились к лидийской коннице, лошади, завидев их и почуяв их невыносимый запах, повернули назад и, не подчиняясь всадникам, смешали ряды.

Лидяне соскочили с коней и пешими продолжали битву. Много убитых легло в прекрасной долине. Но персы одолевали. Видя, что выстоять перед ними невозможно, лидяне отступили в Сарды и закрылись там.

Лидяне соскочили с коней и пешими продолжали битву.

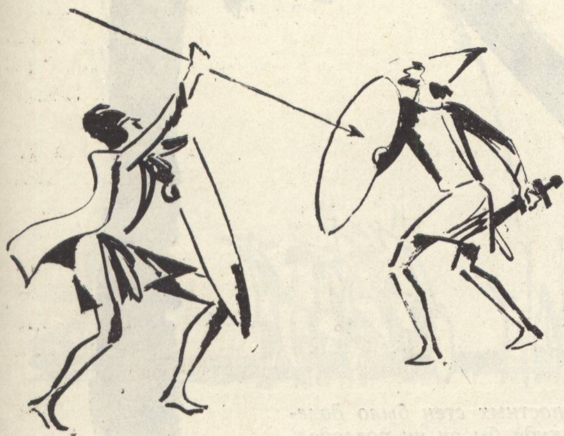

Войска Кира окружили Сарды. Крезу с его крепостных стен было далеко видно, и, куда бы он ни поглядел, всюду полчища чужеземных солдат в островерхих колпаках, в грубых плащах, в толстых кожаных латах, всюду их костры, сверканье их оружия, их кони, их верблюды...

Осада. Плотная, неотступная, грозная, готовая стоять всю зиму, а если надо, то и весну, и лето, и осень... Крез понимал, что надежды спастись нет,— этот враг не уйдет, не отступит.

Крез успел послать вестников к союзникам с призывом прийти к нему на помощь немедленно.

Вестники Креза явились к лакодемонянам. Но Спарта в это время воевала сама. Однако спартанские цари стали готовиться к походу на помощь Крезу.

А когда приготовления были закончены и корабли снаряжены, в Спарту пришло известие, что крепость Сарды пала и лидийский царь Крез в плену.

«Солон! Солон! Солон!»

Кир нелегко взял Сарды. Его солдаты много раз бросались на приступ, пытаясь ворваться в крепость. Но крепость эта стояла на отвесной скале, сама как скала.

Крезу с крепостных стен было далеко видно, и куда бы он ни поглядел, всюду полчища чужеземных солдат.

Тринадцать дней длилась осада. Все больше разгорались яростью персы. Их стрелы смертоносным дождем сыпались на Сарды. Они снова и снова шли на приступ — и снова отступали, ничего не достигнув.

Молодой царь, сдвинув в одну линию свои черные брови, подолгу глядел вверх, на высокий город, будто огромное каменное гнездо, лежащий на крутом склоне Тмола.

Что сделать? Что придумать? Надо торопиться. Крез ждет союзников, и эти союзники придут.

Пропахший пылью и потом в своем панцире и кожаных штанах, одетый почти так же, как любой его солдат, Кир то метался, как тигр, по широкой равнине вокруг крепости, то советовался с Гарпагом в тишине своего шатра, то опять глядел вверх, на Сарды, думая и прикидывая... И снова посылал на приступ своих солдат.

На четырнадцатый день Кир потерял терпение. Он разослал вестников по всему лагерю.

— Кто первый взойдет на укрепление, тому будет царская награда!

И опять его войско ринулось к стенам крепости. И опять ни с чем вернулось обратно. Сарды были неприступны.

О Сардах в то время существовала такая легенда.

У одного из первых лидийских царей, Мелета, родился сын в образе льва. Мелету было сказано: «Обнеси этого льва вокруг стены, и Сарды навеки станут неприступными».

Мелет так и сделал. Льва обнесли вокруг крепости. И лишь одно место, обращенное к Тмолу, миновали: там была высокая стена, а под ней — отвесная скала. Неприятель не мог появиться оттуда.

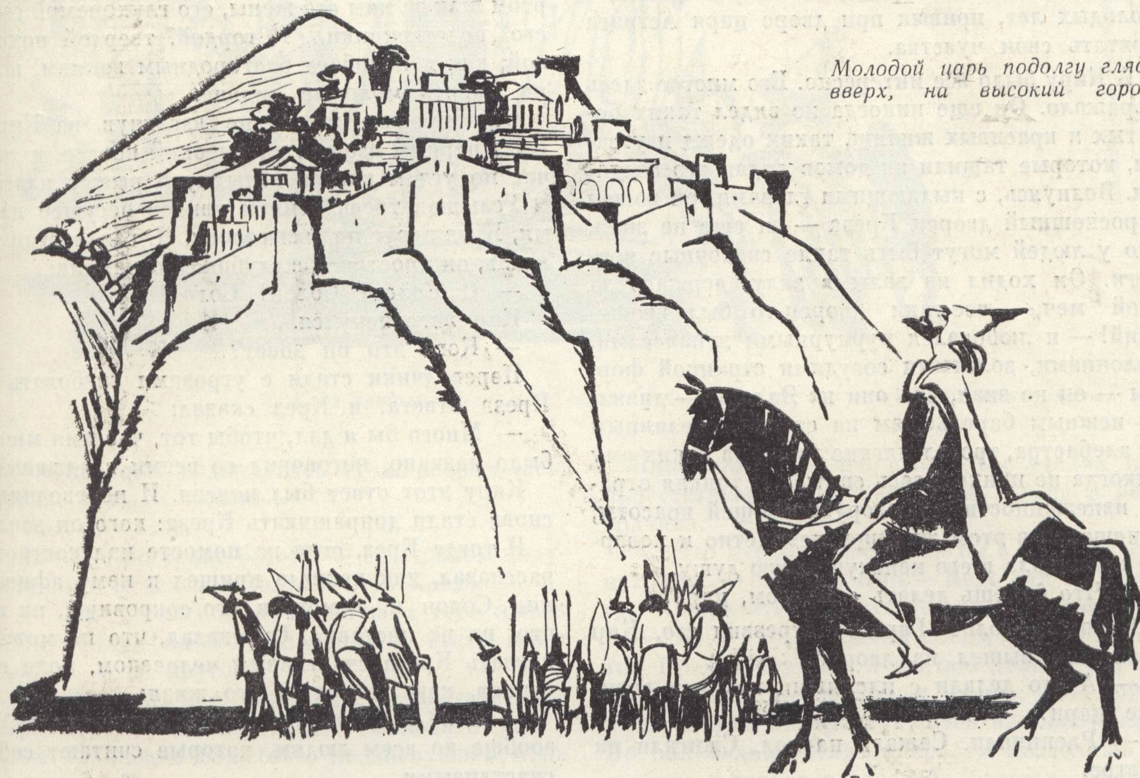
Теперь легенда эта снова ожила. О роковой ошибке Мелета позже не раз горько вспоминали лидяне, потому что враг пробрался в крепость именно здесь, несмотря на высокую стену и отвесную скалу.

Но, конечно, все произошло проще, чем в легенде, без вмешательства богов.

Однажды солдат Кира по имени Гироайда нечаянно подсмотрел, как лидянин уронил сверху свой шлем. Думая, что его никто не видит, он по тайной тропке спустился вниз, взял свой шлем и поднялся обратно в крепость. Это было как раз в том месте, которое считалось неприступным и никак не охранялось.

Хитрый Гироайда дождался тьмы и, надеясь на царскую награду, отважился подняться наверх по той же самой тропке, по которой влезал лидянин. А вслед за Гироайдой полезли и другие солдаты. Не успели лидяне понять, что произошло, как в крепости уже было полно

Молодой царь подолгу глядел вверх, на высокий город...

вражеских солдат и персы открывали ворота своему царю.

Лидяне защищались со всей силой отчаяния. Крез, как простой воин, бился с персами. Но битва уже была проиграна, и враги уже разоряли и жгли его прекрасные Сарды.

Увидев и поняв это, Крез опустил копье. Он больше не хотел защищаться. Пусть придет смерть. Какой-то разъяренный битвой перс уже взмахнул над ним своим коротким прямым мечом...

И вдруг глухонемой сын Креза, сражавшийся рядом с отцом, закричал:

— Человек! Не убивай Креза!

Несчастный немой юноша заговорил в момент горя и гибели. Говорят, что в минуту страшного потрясения у немого человека может прорваться речь. Говорят, что так случилось и с сыном Креза.

Утро над Сардами занялось в дыму пожаров, стонах раненых, воплях женщин и плаче детей.

Кир, в грязи и крови после ночной битвы, измученный, но не чувствующий усталости, победоносной поступью ходил по улицам города. Свита сопровождала его, охраняя своими высокими овальными щитами. Седой Гарпаг, как всегда, мрачный и суровый, шагал рядом. Победа веселила его сердце, но он уже давно, с молодых лет, привык при дворе царя Астиага прятать свои чувства.

А Киру было все интересно. Его многое здесь поражало. Он еще никогда не видел таких богатых и красивых жилищ, таких одежд и утвари, которые тащили из домов лидян его солдаты. Волнуясь, с пылающими глазами, он вошел в роскошный дворец Креза — он еще не знал, что у людей могут быть такие сказочные чертоги. Он ходил из залы в залу, держась за свой меч,— все-таки дворец-то был вражеский! — и любовался пурпурными занавесами, колоннами, золотыми сосудами странной формы — он не знал, что они из Эллады,— дивился нежным барельефам на стенах, сделанным из алебастра, трогал мягкие ложа, на каких ему никогда не приходилось спать... И тонкая отрава изнеженности и обезоруживающей красоты, таившаяся в этом жилище, незаметно и коварно проникала в его неискушенную душу.

— Что будешь делать с Крезом, царь?

Суровый голос Гарпага отрезвил его. Кир поспешно вышел из дворца.

— А что делали с пленными врагами великие цари?

— Распинали. Сажали на кол. Сжигали на костре.

Все эти четырнадцать дней осады Кир ненавидел Креза. Он готов был своей рукой убить его. Но сегодня, когда он победил, а Крез в цепях и унижении, Кир с негодованием на самого себя почувствовал, что у него больше нет никакой ненависти к побежденному врагу.

Но все-таки он должен казнить Креза. Так поступали все великие цари.

— Пускай Крез сам выберет себе казнь.

Крез сказал, что предпочитает сгореть на костре.

Гарпаг тотчас распорядился сложить на площади костер. Леса и дров в городе хватало, и костер сложили огромный. Для Кира и его свиты приготовили место на возвышении, чтобы ему было видно, как взойдет на костер его враг. Вместе с Крезом должны были сгореть и вся его семья и еще четырнадцать юношей из знатных лидийских семей.

Кир с неподвижным лицом сидел и ждал, когда приведут Креза. Воины тесной толпой стояли вокруг него.

За толпой солдат, за их копьями и высокими колпаками теснился народ, подавленный страхом и горем. Но вот толпа колыхнулась, раздалась, послышался плач... Солдаты вели на костер пленников. Впереди шел Крез. Лязг цепей отмечал каждый его шаг. Седая голова была низко опущена.

Молча, с невидящими глазами и сжатым ртом шли за ним его жены, его глухонемой сын, его родственники... И гордой, твердой походкой, как и подобает благородным воинам, шли на смерть молодые лидяне.

Они прошли мимо, не взглянув на Кира. Крез первым взошел на высокий костер, и тотчас по углам костра вспыхнуло рыжее пламя.

Услышав треск огня и увидев бегущее пламя, Крез вдруг поднял голову. И, глядя куда-то вдаль, он простонал в глубоком отчаянии:

— О Солон! Солон! Солон!

Кир встрепенулся.

— Кого это он зовет?

Переводчики стали с угрозами требовать у Креза ответа, и Крез сказал:

— Много бы я дал, чтобы тот, чье имя мною было названо, поговорил со всеми владыками!

Киру этот ответ был неясен. И переводчики снова стали допрашивать Креза: кого он звал?

И тогда Крез, стоя на помосте над костром, рассказал, как некогда пришел к нему афинянин Солон и, осмотрев его сокровища, ни во что их не поставил. Он сказал, что не может назвать Креза счастливым человеком, пока не узнает, как окончится его жизнь.

— И не к одному ко мне это относилось, а вообще ко всем людям, которые считают себя счастливыми...

Кир, услышав эти слова, смутился. Он опу-

стил глаза, и брови его сошлись в одну черную черту.

«Я, человек, предаю пламени другого человека... А ведь он считал себя таким же счастливым, как я сейчас считаю себя. Разве не может случиться то же со мной?!»

— Потушите костер! — крикнул он, вскочив. — Сейчас же потушите костер! Освободите Креза! Освободите их всех!

Солдаты бросились гасить костер. Но пламя уже полыхало, и потушить костер было невозможно.

Тогда Крез стал с плачем упрекать Аполлона. Ведь столько жертв он принес в его святилище! Пусть же теперь Аполлон поможет Крезу и погасит разбушевавшийся костер!

И вдруг, словно по призыву Креза, неожиданно из-за горы надвинулась туча, разразилась гроза, хлынул ливень...

Костер погас.

«Это — знамение богов!» — со страхом подумал Кир. И велел позвать к себе Креза.

— Кто из людей, Крез, внушил тебе мысль идти войной на мои владения и стать моим врагом, а не другом?

— Я сделал это, царь, на счастье тебе и на горе себе, — ответил Крез. — Виновато же в этом эллинское божество, подвигнувшее меня на войну. Потому что нет никого, столь нерассудительного, чтобы предпочесть войну миру: во время мира сыновья хоронят своих отцов, во время войны отцы хоронят сыновей.

Слова Креза заставили Кира глубоко задуматься. Он велел снять с Креза оковы и посадил его рядом с собой. Но, к удивлению всех, кто это видел, Креза это не обрадовало.

— Могу ли я говорить с тобой, царь, — наконец спросил он, — или я должен молчать?

— Говори все, что желаешь, — ответил Кир.

Крез спросил:

— Эта большая толпа народа — что она делает с таким рвением?

— Грабит твой город! — ответил Кир.

— Нет! — Крез покачал головой. — Не мой город разоряют они и не мои сокровища расхищают. У меня больше нет ничего. Расхищают они твое достояние.

Крез первым взошел на высокий костер, и тотчас вспыхнуло рыжее пламя.

Кира поразили его слова. Он удалил всех присутствующих, оставил лишь Креза и переводчика.

— Что дурного находишь ты в том, что происходит? — спросил Кир. — Ведь так было всегда — победители берут то, что завоевали.

— Боги сделали меня твоим рабом, — ответил Крез, — поэтому я считаю долгом поучать тебя в том, что постигаю лучше, чем другие люди. Персы по природе своей не знают меры. Но они бедны. Если теперь ты позволишь им грабить и присваивать себе большие богатства, то отсюда могут быть такие последствия:

захвативший наибольшие богатства восстанет потом на тебя.

— Я вижу, ты, Крез, царственный муж,— сказал Кир.— Ты готов сделать и посоветовать доброе. За это проси у меня подарка, какого хочешь.

Крез горько усмехнулся.

— Ты доставишь мне величайшее удовольствие, Кир,— сказал он,— если позволишь послать эти цепи божеству эллинов и спросить у него: таково ли его правило — обманывать тех, которые сделали ему столько благодеяний?!

И Кир тотчас отправил послов в Дельфы. Он велел положить на пороге храма цепи Креза и спросить, не стыдно ли божеству, что оно подвигнуло своими советами Креза на войну с персами, обещая разрушение Кирова царства. И не есть ли вообще неблагодарность закон для эллинских богов?

Но напрасно Крез думал смутить этим дельфийских оракулов. Они ведь недаром давали уклончивые и двусмысленные ответы.

— Упреки Креза несправедливы,— ответила пифия.— Все случилось так, как было предсказано: «Если Крез пойдет войной на персов, то разрушит обширное царство». Если бы Крез был осторожен, он бы спросил: о его ли царстве говорит оракул или о Кировом? Но Крез не понял изречения оракула, а теперь пусть винит самого себя.

...Так рассказал Геродот историю царя Креза, историю его величия и его падения.

Не все достоверно в этом рассказе. Геродот повествует о встрече Креза с афинским законодателем Солоном. Но мы знаем, что этого не могло быть: когда Солон путешествовал, Крез был еще ребенком и никак не мог принимать Солона в своем дворце.

Может, случилось и так, что приходил к царю Крезу какой-нибудь странствующий эллин, который хорошо знал высказывания Солона и глубоко почитал его. Может быть, он и приводил эти высказывания в ответ на хвастливые речи Креза. А так как слова Солона были глубоки и мудры и словно предсказали судьбу царя, то не удивительно, что Крез вспомнил Солона на костре, перед лицом смерти.

Там, в Междуречье...

Немало лет прошло с тех пор, как молодой Кир одержал первую победу.

Кир еще крепок и силен. Но возле его глубоких, полных черного пламени глаз легли тени, на высоком лбу над крутыми бровями появились морщины, а лицо потемнело и загрубело в битвах и походах...

С давних пор, с тех самых времен, когда он отнял власть у своего вероломного деда, царя Астиага, в их семье жили рассказы и воспоминания о том, как мидийский царь Киаксара, отец Астиага, ходил в Междуречье.

— Ты глупейший и бессовестнейший! — яростно укорял Кира свергнутый Астиаг.— Ты отнял у меня царство, но сможешь ли ты сделать то, что сделал твой прадед Киаксар и что совершил бы я? Ты покоряешь мелкие нищие народы — это ли доблесть военачальника? Хоть бы ты обратился назад и посмотрел на то, что совершали мидийские цари!

Злобные речи, издевательства, оскорбления — все это не волновало Кира. Но он жадно слушал, когда Астиаг, прерывая свою речь проклятиями Киру, и Кирову отцу, и всем персам вместе, рассказывал о боевых походах мидийских царей.

Особенно о Киаксаре, который был настоящим царем, настоящим воином и полководцем. Ведь это он разгромил величайшее царство мира — Ассирию, это он сровнял с землей «логово львов» — богатейший и непобедимый город Нин!

Да знает ли Кир, что такое была Ассирия и ее цари?

Их войска были несокрушимы. Где проходили ассирийские солдаты, не оставалось ничего. Поля были вытоптаны. Города разрушены и сожжены. Финиковые рощи, сады и виноградники вырублены. И ни одного человека не оставлено в живых.

— «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разрушил, я сжег огнем и превратил в пустыни и развалины...» — вот как говорили эти цари! — в восторге повторял Астиаг.— И они могли так говорить, потому что это была правда! Они поступали так, как подобает великим царям. А что делаешь ты, глупейший? Завоевал всю Азию, а Сарды стоят, Милет стоит, да и где хоть один город у тебя разрушен и сожжен?

— А почему же все-таки пала Ниневия?

Внимательные глаза Кира спокойны. Пусть старик ругается. Киру нужно понять: почему рухнула такая могучая держава? Почему могли победить ее?

Ниневия!

При одном упоминании этого города Астиаг весь загорался, как факел. Худой, жилистый, желтый, как медь, старик начинал бегать от стены к стене, как хищная птица, запертая в клетку. Он ведь был там с отцом, он видел ее — эту прекрасную, как сон, Ниневию... Для него было наслаждением еще раз пережить свою

юность, побывать еще раз в тех далеких, в тех необыкновенных краях, еще раз воскресить в своем все еще яростном сердце восторги победы и разрушения...

— Мы всегда ненавидели Ассирию. Они грабили нас. Скот угоняли. Уводили в плен наших людей. Все народы ненавидели ее. Но были там умные цари. Вот Тиглатпалсар, он так построил свои войска, так их распределил, что они стали непобедимыми. Отец мой, царь Киаксара, посмотрел и сделал так же: разделил воинов по роду оружия. Чем и ты пользуешься теперь.

В дыму пожарищ Астиаг успел увидеть высокие стены Ниневии, ее широкие, светлые улицы, ее ступенчатые башни и храмы, ее прекрасные, как полуденные видения, дворцы, отражающиеся в бурных водах Тигра...

Ни камня, как в Египте, ни мрамора, как в Элладе, ни дерева, как в Мидии, в Ассирии не было. Строили из глины, из кирпичей — сырых или обожженных. Но как строили!

Запомнился на всю жизнь дворец Ашшурбанипала. Сам Ашшурбанипал, по мнению Астиага, был хоть и могущественный царь, но терял много времени на ненужные занятия: он читал и писал. Зачем это царю? Пусть этим занимаются жрецы и маги. А он, кроме того, еще собирал библиотеку, глиняные таблички, исчерченные клинышками, а клинышки эти — будто птичьи следы на сыром песке. Огромные залы во дворце заняты были этими табличками. Ну и гремели же и трещали же они, когда горел дворец и стены его рушились!

Острая память Астиага хранила многое. Он рассказывал о дворцовых залах, число которых казалось ему бесконечным. Он помнил отлогие лестницы, уходящие под облака, стройные, легкие ряды колонн, сад, вознесенный над городом, деревья, растущие на обширной террасе из кирпича, в каменных ямах, наполненных землей. Когда они добрались туда, оказалось, что воздух там свежий и чистый... Не то, что внизу, где и гнус всякий, и болотные туманы, и нестерпимая жара... Песок, глина да еще и смерчи, страшные крутящиеся столбы.

Но что на всю жизнь поразило Астиага в царских дворцах — это огромные каменные быки с человеческими головами. Они глядели каменными глазами на солдат, когда те поднимались ко дворцу, они разглядывали их со всех сторон так, что по спине шел холод. И когда солдаты все-таки вошли в ворота дворца, эти каменные быки — Астиаг клялся в этом — сразу шагнули вперед.

Но ничто не остановило мидийцев. Они разрушали, жгли, убивали!

— Неужели одно мидийское войско сделало это?

— Нет, не одно мидийское. С нами были и вавилоняне. Но без нас Вавилон не победил бы. И, кроме того, пошел разброд в самой Ассирии. Начали бунтовать рабы. Вышли из повиновения покоренные народы. Это помогло нам. А почему так случилось? Слабые были цари. Надо было крепче держать рабов. Не щадить. Народ должен бояться царя!

«Вот как не надо,— думал Кир, слушая это,— потому и ты, Астиаг, сидишь в плену, что народ для тебя был прахом! И Ассирия развалилась поэтому же».

О жестокости ассирийских царей Кир наслышался довольно. Даже просвещенный царь Ашшурбанипал своей рукой выкалывал пленным глаза и сам сажал людей на кол...

«Нет,— думал Кир,— страхом и ненавистью не укрепишь царства. Не о казнях надо думать, а о том, чтобы покоренному народу жилось хорошо и спокойно под твоей рукой. Вот как надо».

«...Поднимается на тебя, Ниневия, рушительный молот...— писал о конце города Нина древний автор,— по улицам несутся конницы, они гремят на площадях. Блеск от них, как от огня, они сверкают, как молнии. Врата речные отворяются, и рушится дворец...»

Так же, упиваясь воспоминаниями о разгромах и разрушениях, рассказывал о походе в Ассирию и Астиаг.

— Теперь там тишина. Песок заносит развалины. Только смерчи гуляют там, где было проклятое «логово львов». Но шумит Вавилон! Киаксара, мой отец, разрушил Ниневию. Я, Астиаг, его сын,— мне предстояло разрушить Вавилон! А ты, глупейший, бессовестнейший, разве можешь ты сделать то, что сделал бы я?

«Я сделаю то, что сделал бы ты,— думал Кир,— но не так, как сделал бы ты!»

Он обдумывал поход в южное Междуречье. И готовил войска.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Они живут далеко за Полярным кругом, эти ребята,— в северной части Кольского полуострова. Летом здесь и по ночам солнце, зимой его и днем не видать. Вокруг поселка Заозерного каменными волнами вздымается горная тундра. Ребята знают: когда-то в этих местах шли бои.

Кто воевал здесь? Чьими руками сложены из камней брустверы по гребням высоток? Пионерская дружина Заозерной школы, ее красные следопыты вот уже четвертый год ведут неустанный поиск под шифром «Операция Салют».

След первый

Комсомольцы-строители долбят и разравнивают площадку для стройки. Среди камней и мха комсомолец Михайлов находит «медальон смерти».

Комсомольцы дружат со школой. Посоветовавшись со своими товарищами, они относят медальон красным следопытам. Ребята читают с волнением: «Колоницкий Иван Григорьевич...»

Из Заозерной в Министерство обороны уходит письмо. Его написала девочка Таня Колос.

След второй

Министерство обороны Союза ССР
КОЛОС ТАТЬЯНЕ

На ваше письмо сообщаю, что по донесению штаба 10-й гвардейской стрелковой дивизии рядовой 112-го стрелкового полка Колоницкий Иван Григорьевич, 1920 года рождения, уроженец дер. Климовичи, Новодворского с/с, Минского р-на, Минской обл.,погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками 8 сентября 1941 г. Похоронен: высота 220.

Жена Колоницкая Нина Венедиктовна и мать Надежда Леонтьевна проживали по месту рождения погибшего. Других сведений о Колоницком И. Г. не поступало.

Начальник отдела
полковник *Федоренко.*

Еще письмо идет из Заозерной.

Его путь в далекое белорусское село. На конверте, адресованном жене Ивана Колоницкого, приписка: «Если ее нет, просьба вскрыть письмо кому-нибудь на почте».

След третий

Здравствуйте, многоуважаемая Танечка! Я почтальон деревни Климовичи Дарчук Мария. Письмо ваше вскрыла я. Это был мой двоюродный брат. Была у него жена Нина Венедиктовна и был сын. Но он умер в 1941 году шести месяцев от роду. Овдовевшая жена вышла после войны замуж и живет где-то на целине. А осталась мать-старушка. И вот вчера я принесла ей то ваше письмо и прочла. Сколько было слез! Как будто вернулась вся печаль. Дорогая Танечка, дорогие искатели, большое вам спасибо. Но прошу я, и мать Ивана просит: дайте ответ, откуда вы узнали о нем через столько годов. Подробности о нем мать опишет сама.

Здравствуй, Танечка!

Пишет вам мать Ивана Надежда Леонтьевна. Письмо ваше я получила. Я узнала из вашего письма, как нашли вы документы моего сына. Передайте от всего моего сердца мой поклон комсомольцу Михайлову и особенно большой поклон всем ребятам и девчатам. Вы пишете, что вы будете вести поиск до конца. Прошу вас, Танечка, а также всех ребят, если что нового будет о моем сыне, не посчитайте за трудность описать мне подробно. Ведь матери все интересно.

Может, вы и сейчас уже знаете, с какой фашистской армией в бою мой сын погиб, с кем было сражение: с немцами, или с финнами, или еще с кем другим.

Вы пишете, чтобы я прислала фотокарточку моего сына для вашего музея. С удовольствием исполняю. Только верните назад, как переснимете. Она у меня одна. Было раньше много, но при немцах все растуркалось.

Передайте привет всем, всем, кто прилагает усилия в розыске о моем сыне. Писал за мать брат Ивана Леонид.

След четвертый

КОЛЬСКИЙ РАЙВОЕНКОМАТ

22 декабря.

Дорогие ребята!

Всегда рады помочь вам.

Десятой гвардейской стрелковой дивизией командовал генерал-майор Худалов, а 112-м стрелковым полком командовал полковник Солдатов. Парторгом этого полка был подполковник Сердюков Александр Константинович, который в настоящее время проживает в пос. Мурмаши и работает заместителем начальника управления «Севгидростроя». Со своей стороны, прошу вас, ребята, уточнить местонахождение могилы батальонного комиссара Шаркова, который, по предварительным данным, похоронен в устье реки Западная Лица, где был рыбацкий колхоз.

Кольский райвоенком
майор *Коновалов.*

Гонец в белом конверте послан ребятами по адресу, полученному от военкома, в поселок Мурмаши.

След пятый

Дорогие ребята разведгруппы 7-го класса «А»! Ивана Григорьевича Колоницкого я не знал лично, но когда вы написали о месте, где был найден медальон, «высота 220», я сразу вспомнил эту высоту. Первый бой за нее шел 9—14 июля 1941 года, а затем в сентябре. Эта высота была очень важной. Фашисты сразу захватили ее. Положение создалось для нас тяжелое, так как с нее было видно движение наших войск на расстоянии до 15 километров. Обстреливались наши подходы и коммуникации.

Нам было приказано очистить эту высоту. Мы несколько раз ходили в атаку, но фашистов было больше, они были в укреплениях, поливали нас огнем минометов и орудий, а мы шли с винтовками да с пулеметами. А тут фашисты свежими подкреплениями прорвались в районе реки Большой Западной Лицы. Пришлось оставить у высоты небольшой заслон, а все силы бросить на выполнение новой боевой задачи: не допустить переправы неприятеля на правый берег Лицы, что и было нами выполнено.

В этих трудных боях мы подкреплений не получали, людей было мало, бойцы друг от друга находились далеко. Не всегда даже удавалось увидеть сразу, что человек убит. В одном из таких боев и погиб Иван Колоницкий.

О командире 10-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майоре Худалове. Знал я его лично с августа 1941 года. Он был в то время подполковником, командовал отдельным разведывательным батальоном. Мы не раз делали вылазки в тыл противника, уничтожая фашистов, захватывая «языков». За умелое командование он в 1943 году был назначен командиром полка, а вскоре и командиром всей дивизии.

Вы спрашиваете еще о подполковнике Солдатове, командире 35-го гвардейского стрелкового полка. В начале войны это и был 112-й полк, в котором служил рядовой И. Г. Колоницкий.

Солдатова любили все в полку. Бойцы его звали Чапаем. И действительно это был наш Чапай. Смел, хладнокровен, исключительно заботлив о бойце. Когда готовит операцию, сам всю линию обороны, как у нас говорили, «на пупе» проползет, все до мелочей продумает и потом лично руководит боем. Интересно, откуда вы о нем, ребята, узнали?

С приветом

гвардии подполковник запаса

Сердюков.

След шестой

Здравствуйте, дорогие ребята! Получив ваше письмо, мы сходили к матери Ивана Григорьевича. Вы хотите узнать его первого учителя и его одноклассников. Первого учителя мы пока еще не разыскали.

Одноклассников Ивана Григорьевича, которые учились вместе с ним в пятом классе, мы разыскали: Дубровский Василий Федорович работает завхозом нашей школы; Шумкевич Михаил Иванович работает слесарем нашего совхоза «Рассвет»; Шумкевич Тамара Ивановна работает учительницей младших классов нашей школы; Хвойницкий Иосиф Иванович работает слесарем Минского автозавода.

Мы взяли шефство над матерью Ивана Григорьевича. Обязуемся и в будущем помогать вам в поисках.

С дружеским пионерским приветом ученики 7-го класса Новодворской школы.

Суровый северный край. Груды камня кругом, как гребни застывших навеки волн. Безмолвны камни. Но люди помнят то, о чем молчат они.

Четвертый год ведут поиск следопыты Заозерного. И перед ними раскрывается картина героической битвы, что кипела здесь, и судьбы людей, отстоявших для нас землю.

Григорий КАРЕВ

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА

Письма Яши Гордиенко

Передо мной двенадцать писем. Написаны они в фашистской тюрьме одесским школьником Яшей Гордиенко.

Яше не было еще и шестнадцати лет, когда он стал командиром молодежной группы разведчиков партизанского отряда, действовавшего в знаменитых одесских катакомбах под руководством бесстрашного чекиста Владимира Александровича Молодцова-Бадаева. В Яшину группу входили его старший брат Алеша, младшая сестра Нина и многие его школьные товарищи.

Юные разведчики похитили секретное расписание движения поездов, и 17 ноября 1941 года специальный поезд с высшими фашистскими чиновниками взлетел на воздух. Яша сообщил в катакомбы о большом складе горючего для фашистской авиации, и через несколько дней от склада остались только искореженные взрывами и огнем обломки. Узнали ребята, что фашистская дивизия походным порядком отправляется по Николаевской дороге, сообщили об этом Бадаеву, а Бадаев по радио — в Москву, и советские бомбардировщики встретили эту дивизию на переходе и уничтожили.

Много героических дел совершили бадаевцы и их юные разведчики. Но в феврале 1942 года из-за подлого предательства командир отряда В. А. Бадаев, его связные Тамара Межигурская и Тамара Шестакова, Яша и Алеша Гордиенко, Саша Чиков и Шурик Хорошенко попали в лапы гестаповцев и оказались в тюрьме. О том, что пережили юные патриоты в фашистском застенке, об их мужестве и доблести и рассказывается в письмах Яши Гордиенко.

Как же эти письма попали из тюрьмы на волю? Бадаев и обе его связные отказались давать какие-либо показания фашистским палачам. Никакие пытки не вырвали у них ни слова. Фашисты решили заставить Яшиных родителей повлиять на сына, чтобы он выдал партизанскую тайну и ценой предательства сохранил себе жизнь. Они разрешили Яшиной маме, Матрене Демидовне, и Нине свидания с Яшей.

Когда Матрена Демидовна пришла на свидание, ее предупредили, что можно разговаривать только о семейных делах.

— Отец вам кланяется,— начала было она, но слезы так сдавили горло, что больше сказать ничего не смогла. Стояла, скрестив худые руки на груди, чтобы не так заметна была дрожь, и молча плакала. Только когда дежурный сказал, что свидание окончено, смогла вымолвить:

— Блюдите сами себя, нам хорошо будет.

Яше эти слова сказали многое: и благодарность отца — бывшего матроса с революционного броненосца «Синоп» — за то, что его сыновья оправдали надежды, и наставление матери пуще жизни беречь честь и достоинство.

Нина не пропускала ни одной возможности повидаться с братом. Подолгу крутилась она у следственной тюрьмы с авоськой, в которой всегда была передача для братьев — крохотный кусочек черного хлеба, пара луковиц и несколько вареных картошек.

Однажды Яша, уловив момент, когда надзиратель отвел глаза в сторону, жестами показал Нине, чтобы она принесла ему карандаш.

Как запрятать карандаш, чтобы его не обнаружили надзиратели? В плетенной из кожаных лоскутов ручке авоськи Нина просверлила отверстие и засунула туда карандашный грифелек. Хитрость удалась. Надзиратели ничего не обнаружили при проверке передачи. Но и Яша не догадался, где искать запретную передачу.

Три раза побывала авоська в Яшиных руках. И три раза карандашный грифелек возвращался к Нине. Тогда она сварила вареники с капустой и в один из них вложила записочку: «Посмотри ручку авоськи».

— Господин полицейский, примите, пожалуйста, передачу для Якова Гордиенко,— ласково попросила она усатого дядьку.

Полицай поднял на нее косматые брови.

— Якову Гордиенко вчера передача была.

— Господин начальник, ему же начальство разрешило каждый день передачу носить,— настаивала Нина, вынимая из авоськи пачку сигарет.

— Ты смотри у меня, девка,— буркнул полицай.— Нам подношение всякое запрещено... При исполнении службы...

Не глядя на Нину, он протянул грубую, грязную руку с обломанными ногтями, сгреб пачку и сунул ее в карман шинели.

— Что там у тебя в авоське?

— Картошки вареные да луковички, да немножко вареничков мама сварила.

Полицай взял из рук Нины авоську, высыпал ее содержимое на стол и стал перекладывать все по очереди со стола в авоську.

— Картошку можно. Лук можно. Вареники... — Он подержал в руках вареник, помял его.— С чем они?

— С капустой, господин начальник.

— С капустой, говоришь. — Полицай разломал вареник, грязными, узловатыми пальцами поковырял пережаренную с луком капусту, бросил в авоську.

Она стояла, скрестив руки на груди, и молча плакала.

— Этот можно.

Разломал второй:

— И этот можно.

Третий:

— И этот...

У Нины потемнело в глазах. И в ушах зашумело, будто морской прибой плеснул рядом. Сейчас он разломит еще вареник, увидит записку и тогда...

— Господин начальник,— чуть слышно сказала Нина.— Что же вы так все вареники перемнете, брату ж неприятно будет есть их...

— Гы... Ты гляди на нее?! — удивленно посмотрел на Нину полицай.— Брату неприятно будет? Великое цабэ твой брат!

Но разламывать вареники перестал. Сгреб рукой оставшиеся вареники в авоську.

— Ладно, принята передача. Авоську ждать, что ли, будешь?

— Буду, господин начальник.

...В тот день Нина вынула из плетеной ручки авоськи первое Яшино письмо, короткое, торопливое:

«Здравствуйте, дорогие!
Не горюйте и не плачьте. Если буду жив — хорошо, а если нет, то что сделаешь. Это Родина требует. Все равно наша возьмет. Как здоровье батьки? Мы здоровы. Привет. Целую крепко, крепко.

Яков».

Так пошли письма из тюрьмы на волю. Как дела на фронте? Правда ли, что наши отбили Харьков?.. В бутылке с молоком можно спрятать пилочку для резки металла... Нина, разбери пол в мастерской под моим станком, там пистолет и патроны. Пистолет закатайте в тесто, испеките хлеб и передайте мне. Патроны — в другой хлеб, через неделю. Самогон закрасьте молоком. Это ничего, что будет запах, все равно пить его будут надзиратели и охранники. Они знают...

И шли двумя потоками передачи Яше в тюрьму.

Открыто: буханки хлеба (с ножами, патронами, оружием), бутылки с молоком (с тонкими лентами ножовок), бутылки с самогоном.

Через потайную дверь в ручке авоськи: листовки, расклеенные партизанами в городе, записанные по радио сводки Совинформбюро, сведения о том, что в Николаеве будто бы вспыхнуло восстание рабочих, перешедшее в уличные бои. В Усатове был большой бой партизан с карателями...

Яша вместе с братом Алешей и Сашей Чиковым подготовил побег из тюрьмы. Но их снова предал тот же предатель, что и в первый раз. Алеша Гордиенко и Саша Чиков погибли при попытке к бегству. Яшу зверски избили и бросили в одиночную камеру.

Его судили вместе с командиром отряда Бадаевым, Тамарой Межигурской и Тамарой Шестаковой. Яшу Гордиенко, как и взрослых партизан, приговорили к расстрелу. Бадаев на последнем свидании приказал Яше подать прошение о помиловании на имя румынской королевы Елены: хотел спасти.

Июльской ночью 1942 года Молодцова-Бадаева и Тамару Межигурскую тайком

палачи вывели из тюрьмы и после пыток расстреляли в степи.

В последние перед казнью дни Яше разрешили свидания.

В четверг, 30 июля, Яша попросил Нину, чтобы она не задерживалась у тюрьмы, а сразу же после свидания шла домой.

— Передай, что мне хорошо, что я спокоен...— устало сказал Яша.— И еще, сестричка, береги себя, я верю в твое счастье. Иди, Нина, мне хорошо, я сегодня хочу немного поспать.

Слова Яши вызывали тревогу.

Нина пришла домой. Мамы не было. Нина достала из тайника Яшины письма, разложила их перед собой, перечитывала, словно училась по ним Яшиной стойкости, Яшиному мужеству и выдержке.

«Здравствуйте, дорогие!

Пришлите бумаги, карандаш и самобрейку. Бросьте вечное гаданье на картах. Все это чепуха. Алеши не стало в 9 часов вечера... Я вас просил, чтобы вы писали разборчиво... Напишите подробно, в чьих руках Харьков и что вы знаете про Николаев. Почему нет ответа от Васиных? Я верю, что буду жить и на воле, но не через суд.

Целую крепко, крепко
Яша».

«Здравствуйте, дорогие!

Не горюйте и не плачьте. Все равно наша возьмет. Если кассацию не возьмут, то пошлите по почте на имя короля и королевы. В четверг, если возьмете свидание, пусть придет Лида. Только обязательно. Книги и газеты. Ответ от Лены? Как здоровье батьки? Как к вам во дворе относятся?

Привет.
Целую крепко, крепко.
Яков».

После смертного приговора Яша снова готовился к побегу, теперь уже из центральной тюрьмы, просил передать оружие, черную одежду, чтобы была незаметной ночью, самогон и водку для надзирателей и охраны.

«Здравствуйте, дорогие!

Пришлите трусы и водки. Как здоровье батьки? Пусть не волнуется. Берегите свое здоровье. Пришлите книгу. Как смотрят люди на расстрел 3 июля двадцати одного человека? Что вообще слышно? Не унывайте. С приветом. Целую крепко.

Яков. 14.07.42».

А вот письмо с припиской: «Не показывай батьке и маме».

«Нина, это — для Лиды и тети Домны.

— С капустой, говоришь.— Полицай разломал вареник.

Если вы боитесь заложить в торбу, то возьмите тесто и испеките хлеб весом полтора-два килограмма и в него запеките то, что я просил. Смотрите, ту штуку заверните в масляную бумагу, вложите в тесто и испеките хлеб. Заложите туда и патроны.

Яков. 14.07.42».

«Здравствуйте, дорогие!

Пришлите книгу и тетрадь. Как здоровье батьки? Что слышно в городе и на фронтах? Пусть Лида будет на свидании. Привет всем. Целую крепко, крепко.

Яша. 15.07.42».

«Здравствуйте, дорогие! Пришлите газету. Какое положение в городе? Что вообще слышно? Мне остается жить восемь или десять дней до утверждения приговора.

Я отлично знаю, что меня не помилуют. Им известно, кто я такой. Все из-за провокатора. Запомните его фамилию, запишите, а когда придут Советы, то отнесите куда надо. Это провокатор — Бойко Петр Иванович, он же Федорович Антон Брониславович... Он продал своих товарищей, продал нас и еще раз продал, когда мы думали бежать из сигуранцы... Но я думаю, что ему тоже придет конец. Его должны убить, как собаку. Еще ни один провокатор не оставался жить, не умирал своей смертью. Так будет и с этим. Мне и моим

Яша Гордиенко. Снимок 1941 года.

товарищам было бы легче умирать, если бы мы знали, что эту собаку прибили.

Не унывайте! Все равно наша возьмет. Еще рассчитаются со всеми гадами. Я думаю еще побороться с ними. Если только удастся. А если нет, умру, как патриот, как сын своего народа за благо России».

«Здравствуйте, дорогие!

Я вас просил, чтобы вы передали черные брюки. Сделайте так, чтобы они были мне впору. Белых присылать не надо. Как здоровье батьки? Какое положение в городе? Книгу... Добейтесь свидания. Нашему этапу запрещают смотреть в окна. Что слышно на фронте?..

22.07.42. Яша».

А это письмо Нина принесла сегодня. Прочитала второпях — за слезами строчек не видела. Теперь перечитала его снова:

«Здравствуйте, дорогие!

Я заложил записки на дно сумки под подкладку. Возьмите их и сейчас же исполните то, о чем я вас прошу. В записке объяснение. Когда будете передавать завтра вторую передачу, пришлите все, что я прошу. Как здоровье бати? Привет всем родственникам.

Целую крепко. Яша.

Если расстреляют, то требуйте вещи: пальто, одеяло, подушку и прочее барахло, не оставляйте этим гадам».

Значит, в сумке, под подкладкой,— еще записки. Нина высыпала все из сумки на пол, рванула подкладку. Под ней лежало несколько тетрадных листков, исписанных неровными карандашными строчками. Письмо было датировано двадцать седьмым июля. Значит, Яша писал его заранее, еще в понедельник, а может, писал сразу после воскресного свидания.

«Дорогие родители!!!

Пишу вам последнюю записку. Сегодня исполнилось ровно месяц со дня объявления приговора. Мой срок истекает, и я, может быть, не доживу до следующей передачи. Помилования я не жду. Эти жабы отлично знают, что я из себя представляю (это благодаря провокатору!).

Я вам уже писал, что и как надо сделать. На следствии я вел себя спокойно. Мне дали очную ставку со Стариком (Петр Бойко). Он меня продал с ног до головы. Я отнекивался. Меня повели бить. Три раза водили и били в течение четырех или пяти часов. За это время я три раза терял память и один раз притворился, что потерял сознание. Били меня резиной, опутанной тонкой проволокой, грабовой палкой длиной метра полтора. По жилам на руках били железным прутом. После побоев у меня остались раны на руках, на ногах и повыше. Я стал плохо слышать на уши.

Я сознался лишь только в том, что знал Старик, а именно в том, что я был связным в отряде, пристрелил провокатора А. Садового. Конечно, в сигуранце знали, что я был командиром молодежной группы. Тех, кого знал Старик, Алешу и Шурика, арестовали, а другие из моей группы гуляют на воле. Никакие пытки не вырвали у меня их фамилий. Кроме того, я был как бы помощником у Старика, а фактически я выполнял всю работу. Водил ребят на дело, собирал сведения, готовил взрыв дома, где были немцы. Но мне помешал Старик. Эта собака меня боялась. Он дрожал передо мной, всегда заискивал. Он знал, что у меня не дрогнет рука, поднятая на провокатора. Стрелял я в про-

вокаторов, но не всех уничтожил. От моей руки погиб провокатор Фрипту.

Жаль, что не успели развернуться. Наша группа еще многое могла бы сделать. Я не хотел подавать на помилование, но Бадаев мне приказал писать. Пришлось покориться. Я рассчитывал на побег. Но здесь пару дней назад уголовники собирались бежать, их зашухерили. Они только нагадили. Сейчас нет возможности бежать, а времени осталось очень мало, может, последняя ночь.

Поезд с фашистскими чиновниками взлетел на воздух.

Вы не унывайте. Жалею, что не успел обеспечить вас материально. Но Саша Хорошенко поклялся мне, что, если будет на воле, он вас не оставит в беде. Можете быть уверены, он будет на свободе. Он осужден к вечной каторге, у него время есть, и он подберет нужный момент улизнуть из тюрьмы. Наше дело все равно победит. Советы этой зимой стряхнут с нашей земли немцев. За кровь расстрелянных партизан они ответят. Мне только больно, что в ту минуту я не смогу помочь моим друзьям по духу.

Достаньте мои документы. Они закопаны в сарае. Под первой доской от точила. Там лежат фото моих друзей и подруг, мой комсомольский билет. В сигуранце у меня не вырвали, что я комсомолец. Там есть фото Вовки Федоровича, отнесите его на Лютеранский переулок, 7, Нине Георгиевне. Это Вовкина мама. Мать моего лучшего друга. Не сердитесь на него, что его отец оказался таким подлецом. Он комсомолец и будет верен власти Советов. Мы выросли и воспитались в духе свободы. Вы ей отнесите, и пусть она даст переснять, а фото заберите себе... Может быть, вы его когда-нибудь встретите. В тайнике есть и мои письма. Там есть и коробочка, можете ее вскрыть. Мы клялись в вечной дружбе и солидарности друг другу. Но все очутились в разных концах. Я приговорен к расстрелу. Вова, Миша и Абраша эвакуировались. Эх, славные были ребята! Может быть, кого-нибудь встретите. Эти тоже

не уступят тем, что сражались в гражданскую...

И еще просьба. Там, где вы достали деньги, на полке в левом углу, вверху, там должна быть отрава — цианистый калий. Имеет сильный запах зернышка орехового ядра. В бумаге. Бумагу проело. Будьте осторожны: достаточно кусочка с булавочную головку — и человек будет мертв. Когда найдете, то возьмите бумажкой и всыпьте в коробочку или в бутылочку и пришлите мне. Вы поймите, что раньше времени я не отравлюсь. Если бы я хотел покончить с собой, то я бы перерезал себе вены или повесился бы. Но мне и моим товарищам Болотину П., Васькову С., Шлатову М. это нужно. Когда нас поведут в вестибюль, откажут в помиловании и начнут вязать руки, чтобы вести на расстрел, в эту минуту мы хотим отравить себя, чтобы не переживать, когда в тебя будут стрелять. Заклинаю вас всем для вас дорогим, не откажите в этой просьбе. Мойте хорошо руки после, как все кончите. Принесите это завтра во второй раз, как вы это делали в воскресенье и передали вторую передачу. Еще раз прошу вас — не откажите в моей просьбе. Я не боюсь смерти. Я умру, как подобает патриоту.

Целую всех крепко, крепко. Не падайте духом. Крепитесь. Привет всем родным. Победа будет за нами.

27.07.42. Яша».

...Трудно было Яше молчать на допросах или ответами приводить в бешенство палачей. Тяжело было сохранить мужество под пытками... Но тяжелее всего уговаривать Нину поскорее уйти домой, зная, что это последнее свидание, что больше ее никогда не увидишь.

Еще ночью «тюремный телеграф» сообщил: королева отказала Якову Гордиенко в помиловании.

Яша выслушал это сообщение спокойно. Но уговаривать Нину ему было невыносимо тяжело. Он знал: то, что он просил, ему передать не успеют, но переписывать записку не было ни времени, ни смысла. Он знал: расстреливают вечером до наступления сумерек — боятся, чтобы не разбежались в темноте заключенные или чтобы партизаны не устроили налет во время казни.

Вернувшись в камеру, он упал на мокрый цементный пол, прижался к нему щекой, раскинул обессиленные руки, закрыл глаза... Надо уснуть, набраться сил — впереди еще борьба, враги не должны увидеть его слабым...

Несколько минут Яша лежал неподвижно, прислушивался... Тихо. Что-то шуршит, кто-то дышит рядом. Яша открывает глаза, приподнимает голову. Тесная, как гроб, камера. Сквозь узкую зарешеченную щель под самым потолком едва сочится дневной свет. У двери — зловонная параша. В стену вмурован железный стул. В углу — пальто и одеяло в бурых пятнах засохшей крови. И сверху на грязной подушке — огромная серая крыса. Она, не переставая часто-часто двигать челюстью, сторожко уставилась на него круглыми, как смородина, глазами. «Плохи же твои дела, Яша, если даже эта тварь тебя не боится!» — подумал Гордиенко.

— Врешь! Я живой еще! — крикнул он, поднимаясь на ноги. Крикнул не крысе, а всем тем, кто ждал его за дверью, в тюремном вестибюле.

...В вестибюле им связали руки. Их было пятеро. Впереди — Яша Гордиенко. Бледный, лобастый, широкоскулый, с черными разлетистыми, как крылья у чайки, бровями. В матросской тельняшке, припрятанной в камере для этого случая.

Слева, все время поглядывая на Яшу, приятель его отца, служивший с ним на «Синопе», Михаил Бунько. Справа — какой-то парень, кажется, шофер, фамилию его Яша не мог припомнить. Сзади, во втором ряду, Петр Продышко и Петр Болонин, партизаны, осужденные по делу Бадаева.

...За высокими тюремными стенами не видно было закатного солнца, только багровый отсвет ложился на белое облачко в самом зените.

— Видишь, — шепнул Бунько, — как знамя над нами... Алое...

Справа вдруг всхлипнул парень-шофер.

Яша обернулся к нему.

У парня тряслись посиневшие губы. По мертвенно-белому лицу текли слезы. Глаза были налиты ужасом.

— Смелее, друг! — кинул ему шепотом Яша. — Смелее, не надо показывать гадам свой страх!

Но парень уже не владел собою. Рыдания прорывались из груди помимо его воли.

— Смелее, товарищ! Смелее! — подбадривал его Яша.

А стена ближе, ближе...

— Смело! — крикнул Яша властно, чтобы заглушить плач шофера, и запел:

— Смело, товарищи, в но-гу,
Духом окрепнем в борьбе-е...

— Прекратить! — закричал начальник конвоя, подскакивая к Яше и потрясая пистолетом перед самым его лицом.

— В царство свободы доро-огу...

И сзади, заглушая рыдания шофера и крики конвойных, зарокотали голоса:

— Грудью проложим себе!

— Прекра-тить пе-сню! — надрывался начальник конвоя. — Конвой!

Конвойные набросились на узников. Кулаками, прикладами автоматов, черенками лопат стали избивать их. Но песню уже ничто не могло заглушить.

Яша пел:

— Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой...

Конвойный подскочил к нему, размахнулся лопатой и рассек голову.

Падая, Яша видел, как багряное облако вспыхнуло и развернулось огромным полотнищем во все небо...

Он слышал, как рокотало вокруг:

— Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой!..

...Нина Гордиенко сохранила письма брата и передала их первым советским бойцам, вступившим в освобожденную Одессу в апреле 1944 года.

В Одессе именем Яши Гордиенко названа улица, городской Дворец пионеров, школа, в которой учился Яша, в золотых лучах солнца сияет его имя на борту белоснежного парохода, и вечно пламенеть этому имени в сердцах пионерии.

★

Н. Корниенко.

СРЕДЬ НАС БЫЛ ЮНЫЙ БАРАБАНЩИК.

Во всю ширь наших цветных страниц разворачивается триптих художницы Н. Корниенко.

Триптих — это три произведения, объединенные общей идеей, общей темой.

«Дороги отцов» — так назвала художница свой триптих. В трех составляющих его картинах раскрывается перед нами героическая судьба советской молодежи, отважная, беззаветная комсомольская

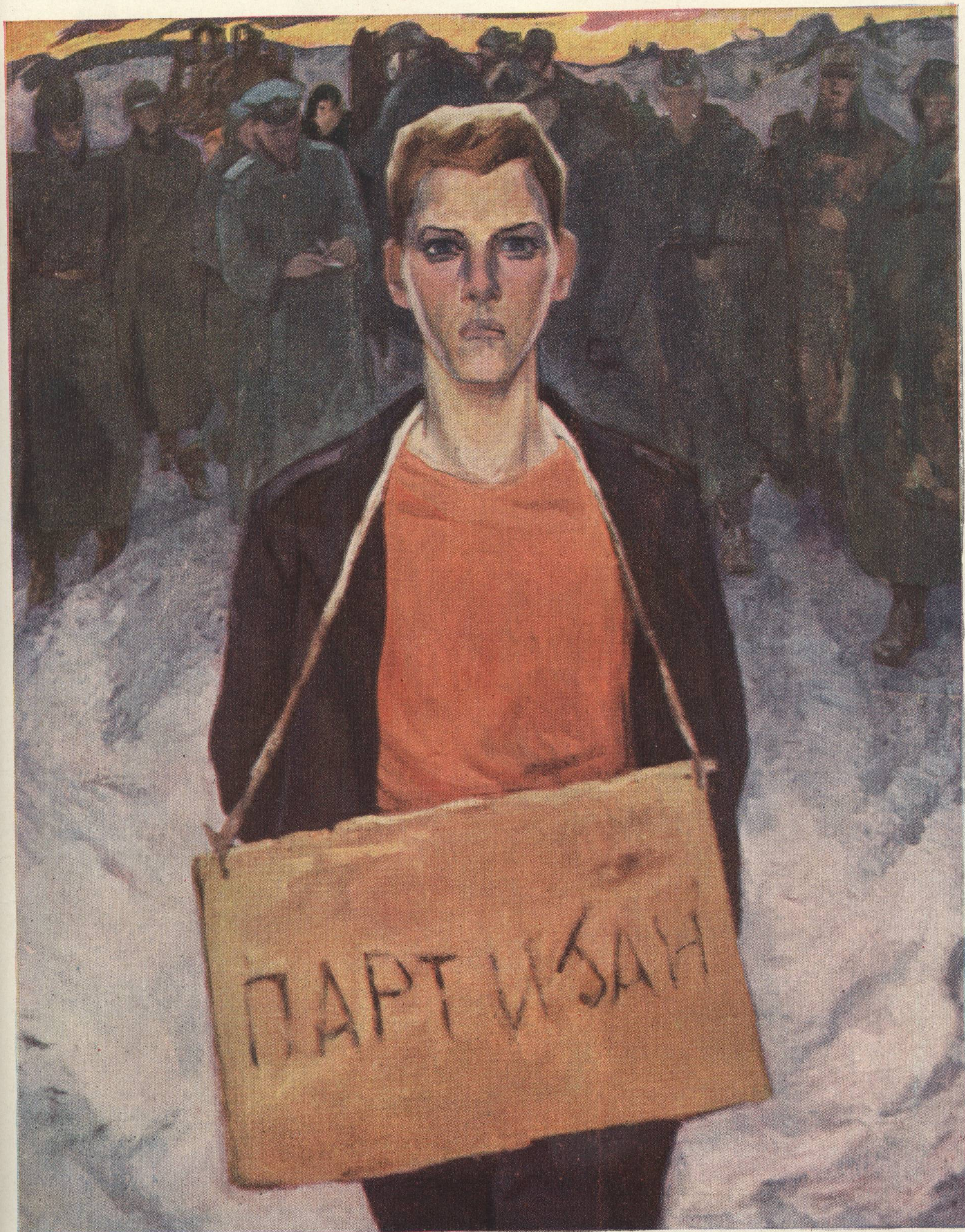
Н. Корниенко.

ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ.

юность. Дорогами отцов, вместе с отцами шли сквозь огонь гражданской войны мальчишки и девчонки тех лет.

Вот они перед нами, юные герои первого поколения бойцов. О них говорят нам две картины триптиха.

Герои не умирают. Живой огонь подвига, как эстафету, принимают следующие поколения живых. Об этом говорит третья часть триптиха.

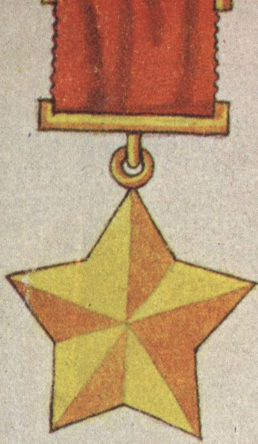

Н. Корниенко.

ПОМНИ!

На десятилетия позже тех, первых, родился этот юный партизан. Он участник другой войны, самой тяжелой и самой героической из всех, какие знала земля. ...Крепко сжатые губы. Гордо поднятая голова. Бесстрашный взгляд.

Помни! Юный партизан шел на смерть, чтобы светлой и ясной была жизнь. Помни! Тебе расти достойным его подвига и его славы.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

Боевые награды Родины

1, 2. Медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина. Высшая награда, вручаемая Героям Советского Союза. За подвиги в Великой Отечественной войне звание Героя присвоено более чем 11 600 бойцам и командирам Советской Армии. Самыми первыми Героями Советского Союза были полярные летчики Водопьянов, Доронин, Каманин, Леваневский, Ляпидевский, Молоков и Слепнев, которые в марте 1934 года спасли членов научной экспедиции и экипаж ледокола «Челюскин».

3. Орден «Красное Знамя». Учрежден в 1918 году как награда за особое отличие в боях за Советскую власть. Первым кавалером этого первого советского ордена был Василий Константинович Блюхер.

4. Орден «Красная Звезда». Он учрежден в один день с орденом Ленина — 6 апреля 1930 года. Первый орден тоже был вручен Блюхеру.

5. Орден Славы I степени. Так же, как ордена Ленина и «Красное Знамя», его носят на пятиугольной колодке. Награждение этим орденом производится последовательно, начиная с III степени. Всех трех степеней ордена Славы удостоено около 2 400 солдат и сержантов — участников Отечественной войны.

6. Орден «Победа». Им награждено 11 советских полководцев за проведение крупных боевых операций на фронтах Великой Отечественной войны.

7. Орден Отечественной войны I степени. Впервые был присужден артиллеристам соединения капитана И. Криклия, которые в трехдневном ожесточенном бою уничтожили тридцать два фашистских танка.

8, 9, 10, 11, 12, 13. Ордена полководцев Суворова, Невского, Кутузова, Хмельницкого, адмиралов Нахимова и Ушакова. Все эти ордена также учреждены в годы Отечественной войны. Их получали генералы, адмиралы, офицеры армии и флота.

На этой странице журнала вы видите боевые награды советских республик, которые присуждались только до 1924 года, когда начали учреждать общесоюзные ордена. Это ордена «Красное Знамя» Азербайджана (14), Армении (15), Грузии (16), Хорезма (17) и орден «Красная Звезда» I степени Бухарской республики (18).

14

15

16

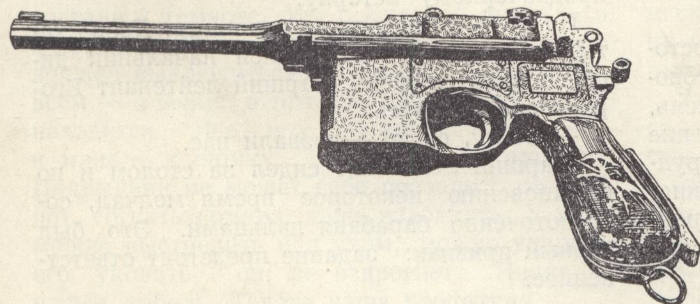
17

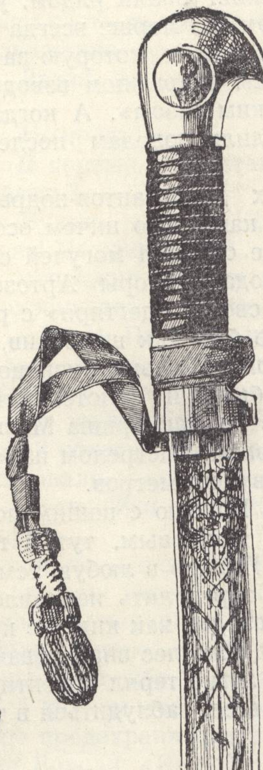

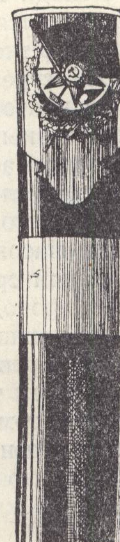
18

На рисунках внизу Почетное революционное оружие: пистолет и шашка с вызолоченным эфесом, на котором наложен орден «Красное Знамя». В период гражданской войны Почетное оружие вручалось прославленным красным полководцам — Фрунзе, Ворошилову, Буденному, Котовскому и другим. Всего этой высокой награды удостоен 21 человек.

И. ГОЛОВЕНКО,
старший научный сотрудник
Центрального музея Вооруженных Сил СССР

На этом снимке партизану Володе Павлову девятнадцать лет. За храбрость, отвагу, мужество в дни Великой Отечественной войны комсомолец Владимир Павлов получил звание Героя Советского Союза.

Вл. ПАВЛОВ

НЕ ПОЙДУ!

Настоящее его имя было Всеволод. Но партизаны для краткости перекрестили его в Володю.

Мы крепко дружили. Спали рядом, укрываясь одним кожухом, на марше всегда шли вместе, ели из одной миски, которую за вместительность в нашем подрывном взводе называли «командирским тазом». А когда нечего было есть, делили пополам последний сухарь.

Среди знаменитых диверсантов-подрывников Володя Клоков как будто ничем особым не выделялся. Он не обладал могучей силой всем известного бородача Жоры Артозеева, который стрелял из своего «дегтяря» с руки, как из винтовки. Не был так вынослив, как наш «главный сибиряк» Васька Кузнецов, по прозвищу Чалдон, бывший золотоискатель. И не стрелял так метко, как Гриша Мыльников, запросто снимавший выстрелом из «бесшумки» часового с двухсот метров.

А ежели сравнить Володю с нашим постоянным проводником Панковым, тут и говорить не приходится. Панков в любую темень, ощупав дерево, мог определить направление в лесу, умел читать следы, как книгу с крупным шрифтом. Володя же лес знал неважно, без компаса и карты легко терял ориентировку и мог, что называется, заблудиться в трех соснах.

И все-таки Володю любили и уважали. Случись кому-нибудь поспорить — шли к нему: рассуди, мол. Даже ради самого близкого друга Володя не покривил бы душой. А каким Володя был другом, быть может, лучше всего поведает один случай.

Произошло это в начале июля сорок третьего года в районе крупного железнодорожного узла Ковель, работу которого нашему партизанскому соединению дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова предстояло прекратить или по крайней мере основательно нарушить.

После долгого марша наша диверсионная группа расположилась на отдых в селе Галузье, неподалеку от линии Ковель — Сарны. Мы порядком устали и теперь, в ожидании ужина, развалились в саду под деревьями, подставляя разгоряченные лица прохладному предвечернему ветерку.

Но долго отдыхать не пришлось. Дверь хаты, в которой расположился начальник диверсионной службы, старший лейтенант Егоров, растворилась.

— А ну, сюда! — позвали нас.

Старший лейтенант сидел за столом и по обыкновению некоторое время молчал, сосредоточенно барабаня пальцами. Это был верный признак: задание предстоит ответственное.

— Ну, хлопцы, — произнес наконец Егоров. — Будете ставить «эмзеде».

Мины МЗД, или, как их впоследствии ласково окрестили диверсанты, «эмзедушки», только что прибыли с «Большой земли». Никто из наших подрывников их еще не ставил. Следовательно, нам предстояло их опробовать.

— Предупреждаю, — продолжал Егоров. — Это ТОС — техника особой секретности. Будут вопросы?

Мы молчали. А о чем спрашивать? Мы и так знали, что, если мины будут, не дай бог, сняты железнодорожной охраной, мы отвечаем головой. Потому-то мы заранее приделали к «эмзеде» специальные кнопки неизвлекаемости. Во время установки на эту кнопку ставился грузик — камень или шашка тола. Если враг, обнаружив мину, попытается ее извлечь, грузик неминуемо сдвинется, и мина взорвется.

— Смотрите, осторожней! — еще раз предупредил старший лейтенант.

К железной дороге мы вышли в полночь. Как только лес поредел и в просветах между деревьями зачернел хребет насыпи, командир группы боевого обеспечения Гриша Сентяй приказал всем залечь, замаскироваться и наблюдать. Здесь, у железной дороги, запрещено все — курить, кашлять, даже дышать громко. Мы лежали молча, не шевелясь, вслушивались и вглядывались в темноту. Кругом было тихо. Только лес шумел да откуда-то слева время от времени раздавался глухой гудок маневрового паровоза и тонкий перезвон буферов, напоминая: станция и, значит, враг — рядом.

Мимо нас, топоча сапогами по шпалам, прошагал немецкий патруль. Красноватые звездочки сигарет, вспыхивая, выхватывали из темноты лица под низко надвинутыми касками, тускло поблескивали на вороненых стволах автоматов.

— Пора! — прошептал Володя, как только стихли шаги патруля.

Сентяй шепотом распределил людей, и они бесшумно разошлись по сторонам, тут же растаяв в темноте. Мы с Володей двинулись к насыпи... Когда подрывник ставит мину, он должен выключиться из жизни. Забыть обо всем — о войне, о том, как его зовут и где он находится. Все его внимание приковано к мине — к ящику, начиненному смертью. Подрывник не может себе позволить отереть пот, согнать комара, даже вздохнуть. У него можно выстрелить над ухом, можно ударить его, уколоть — он не вздрогнет. Иначе — взрыв, гибель. Такова наша профессия.

Зато заслоны, выставленные справа и слева, должны все видеть и слышать. И в случае надобности принять бой. И стоять насмерть, пока подрывник не закончит работу...

Пока я налаживал мину, подключал капсюль-детонатор, засовывал предохранитель под кнопку неизвлекаемости, Володя торопливо рыл яму. Ночью и в мирное-то время не просто выкопать яму между шпалами в слежавшемся балласте. А тут еще требуется соблюдать все меры предосторожности: на ощупь собрать камешки и щепочки, которые оказались сверху, осторожно срезать верхний слой и отложить его в сторону, чтобы потом все водворить на место в прежнем порядке. И только после этого можно начинать копать, аккуратно складывая грунт на разостланную плащ-палатку.

На насыпь, пригибаясь, вылез связной.

— Командир спрашивает: «Скоро?» — прошептал он. — Изождались... Вот-вот патруль пойдет!

— Терпите! — сквозь зубы буркнул Володя.

Вздохнув, связной спустился вниз: слово подрывников на линии — закон.

Наконец ямка готова. Мы с Володей осторожно опустили в нее мину и заряд, обшитый холстиной. Я положил толовую шашку на кнопку неизвлекаемости и взялся за предохранитель. Снять предохранитель — самая опасная часть операции. Стоит сделать неверное движение, резко дернуть — взрыв!

— Давай под насыпь! — шепнул я Володе.

— Не пойду!

— В первый раз ставим... Зачем двоим рисковать?

— Будем вместе! Да снимай же, тебе говорят! Не тяни душу!..

И осторожно, затаив дыхание, я потянул предохранитель. Миллиметр, еще один... Еще... Есть! Палочка предохранителя освободилась. Я сунул ее в карман — потом покажу Егорову. Это — вещественное доказательство, что мина установлена правильно. Мы с Володей облегченно перевели дух, быстро замаскировали мину и, подхватив плащ-палатку с оставшейся землей, потащили ее в лес высыпать...

Утром на нашей мине подорвался вражеский эшелон. Позже мы с Володей еще не раз ставили «эмзедушки» на железных дорогах, и вместе и порознь. Но и сейчас, когда речь заходит о дружбе, я неизменно вспоминаю ту ночь в глухом лесу под Ковелем, шершавое тельце предохранителя в пальцах и сердитый шепот Володи: «Не пойду!»

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

С ТОБОЙ ГОВОРЯТ КОМСОМОЛЬСКИЕ БИЛЕТЫ...

Комсомольские билеты тех, кто в сорок первом ушел на войну защищать Родину.
Вглядись в их лица, обрати внимание на год их рождения — видишь, они, совершавшие великие подвиги, еще очень молоды.

АЛЕКСЕЙ ОЗЕРИН первым форсировал Днепр. На его комсомольском билете комсорг полка написал:

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 11596661
Фамилия: Озерин
Имя и отчество: Алексей Николаевич
Год рождения: 1924
Время вступления в ВЛКСМ: май 1940 г.

«Ком. билет Героя Советского Союза, павшего смертью храбрых в бою за освобождение гор. Калинковичи от немецких захватчиков 13. I. 44 г.

Он первый форсировал Днепр на маленькой лодочке, первый в полку стал на правый берег седого Днепра. Он тогда был комсоргом 9 стр. роты. В боях показал образец мужества и отвагу, за что командование присвоило звание Героя Советского Союза. В день 25-летия ВЛКСМ ЦК ВЛКСМ наградил его почетной грамотой.

23.12.43 г., участвуя в выполнении боевого задания в разведке, вместе с комсомольцами Горинворовым, Едловским и Палтильенком захватили одного пленного немца. Командование его наградило медалью «За отвагу».

Алексей был комсоргом разведки, был вожаком красноармейцев. Его любили как друга, его любили как героя, как не гордиться таким человеком. Это человек мужества. Он комсомолец и на словах и на деле. Таким всем быть.

13.1.44 наш полк подошел к городу Калинковичам. Озерин пошел в разведку, стоял 150 метров от окраины города. При выполнении боевого задания вражья пуля сразила героя. Его похоронили в парке возле памятника Ленину, в городе Калинковичах. Вечная слава!

Комсорг полка».

ГРИГОРИЙ ГРИШКО восстановил связь на минном поле. Командир полка рассказал о его подвиге.

Связь на фронте — глаза и уши. Трудно во время боя, если порвана связь. И связист под пулями, по болотам и оврагам ползет туда, где поврежден кабель.

Однажды трое связистов искали повреждение на линии. Кабель шел по минному полю. Неподалеку рвались снаряды. И вдруг мина сработала. Осколками ранило всех троих. Первым пришел в себя связист Гришко. Он перевязал раны себе и товарищам и, истекая кровью, пополз дальше — обрыв найти необходимо. И вот связь восстановлена, обеспечено управление боем.

За мужество и стойкость, проявленные в этом бою, связист Гришко награжден орденом «Слава 3 степени».

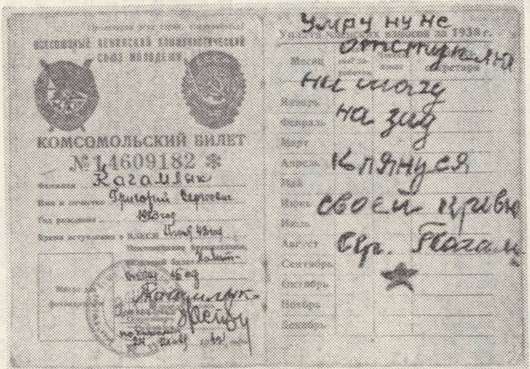
←
Вернувшись с боевой операции, Григорий Гришко подал заявление в комсомол. Его приняли единогласно.

ГРИГОРИЙ КАГАМЛЫК не отступил ни на шаг, удержал важный рубеж. О его подвиге рассказала бойцам листовка, изданная на фронте.

Наши части выбили врага из села Никольского. Гитлеровцы пытались отвоевать этот важный рубеж. Самая страшная опасность грозила нашим войскам с правого фланга. Его прикрывало отделение сержанта Кагамлыка.

Фашистские танки пошли в наступление. За танками бежали автоматчики. Снаряды и пули посыпались на окоп Кагамлыка. Выстрелом из противотанкового ружья ему удалось подбить головной танк, вскоре загорелся другой. Но силы были неравными.

Сержанта ранило в руку. В живых остались трое. Они продолжали бой. Кагамлык, истекающий кровью, занял место погибшего пулеметчика. В минуту затишья он написал кровью на комсомольском билете: «Умру, ну не отступлю ни шагу назад, клянуся своей кровью».

Они не отступили. Они удержали рубеж, пока не пришло подкрепление. На руках у командира роты, старшего лейтенанта Дубок умирающий Кагамлык прошептал: «Не прошли, товарищ старший лейтенант. Не пропустили...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1943 года Григорию Кагамлыку было присвоено звание Героя Советского Союза.

ВАСИЛИЙ АЗАРОВ погиб в бою, защищая от врага Севастополь. Комсомольскую клятву выполнил.

Противотанковое ружье Гриши Кагамлыка.

Клятва мл. ср. Азарова
в верности и преданности
своей стране и своему
народу.
Я сын родины и воспи-
танник трудового
народа, клянусь защи-
щать родную крепость
храбро и с полным уме-
нием использования
своего оружия.
Уничтожу как можно
больше врагов и свою
жизнь отдам как можно
дороже. Отразивши
2 наступления врага —
отразим и третье
где полностью разгромим
врага его. В. Азаров

Десант морской пехоты высаживается на берег. Снимок сделан в Севастополе в 1942 году. ▼

И. ЧЕРНЫЙ

Рисунки
П. КУЗЬМИЧЕВА

Эшелон из Варшавы

В августе 1942 года на Булевом болоте, в оккупированной Белоруссии, приземлился парашютист. Это был молодой советский разведчик, прибывший в тыл врага по заданию Генерального штаба. Его имя — И. Н. Черный. Не прошло и года, как разведчики вместе с белорусскими партизанами наладили бесперебойную информацию Центра о действиях гитлеровцев. Ни один эшелон не проходил незамеченным, ни одно перемещение вражеских войск не оставалось тайной для советского командования.

Сейчас Герой Советского Союза И. Н. Черный написал книгу о своей работе в тылу врага. Она скоро выходит в Военном издательстве. Мы печатаем главу из этой книги.

Хорошо, чуть ли не по часам, помню тот солнечный, душный, напоенный дурманными испарениями болот день.

Едва вышел утром из землянки, как обдало томительным, расслабляющим теплом. Есть не хотелось. С трудом заставил себя выпить кружку чаю с куском хлеба.

Возле землянки, где был наш радиоузел, обессилев, лежали свободные от дежурства радисты. Пожелтевшие нижние рубашки из парашютного шелка валялись на муравьиных кучах.

— Отдыхайте, отдыхайте,— остановил я товарищей, которые хотели подняться.— Санобработкой занялись?

— Так точно, товарищ майор... Жарко... Гроза, видать, будет.

Сеня Скрипка доложил, что никаких особых новостей нет. Сводки обычные.

— Баню-то будем нынче топить? — спросил он.— Пора бы, товарищ майор. Неделю не мылись.

Я распорядился насчет бани, проверил оружие у бойцов штаба, приказал оседлать коня и поехал с Петей Истратовым на южную заставу. Там было все спокойно. Только что вернулась с задания очередная наша диверсионная группа. Бойцы, свалившие четыре эшелона гитлеровцев, выглядели усталыми, их клонило в сон.

Выслушав доклад командира, я вернулся на центральную базу.

Хаджи лежал на нарах, читал «Анну Каренину».

Увидев меня, он даже не пошевелился, и я понял: новостей по-прежнему нет.

Попросив дежурного узнать насчет обеда, я присел на нары рядом с Хаджи.

В землянку ворвался Сеня Скрипка.

— Товарищ майор! Радиограмма от Горы! То самое, наверное!

Я схватил протянутый листок бумаги.

«13 июня, в одиннадцать ноль-ноль, на станцию Брест прибыл эшелон из Варшавы,— писал Михаил Гора.— В составе эшелона четыре пассажирских вагона и семнадцать платформ с грузом, тщательно укрытым брезентом. Поездная бригада немецкая. Со станции перед прибытием эшелона были удалены все местные рабочие и служащие. Работу по смазке букс, проверке тормозов и т. п. выполняла немецкая паровозная бригада с помощью солдат. Эшелон усиленно охраняется. Во время его стоянки в Бресте к путям и станции никого не подпускали. Установить характер груза не удалось. Эшелон убыл в тринадцать пятнадцать направлением Барановичи. Принимаю меры по установлению характера груза. Михаил».

— Когда получено? — спросил я у Сени.

— Только что, товарищ майор.

Хаджи отложил книгу.

— Будем писать в бригады, Ваня?

— Да, садись. Сеня, подожди. Немедленно передашь нашим.

Мы составили текст радиограмм в бригады. Надо было проследить за движением брестского эшелона и определить характер груза. Тут же мы продиктовали Сене текст телеграммы в Центр...

Вскоре прибыл посланец из Милевичей. Он нас просил пожаловать в баню часикам к семи.

— Передайте, что бани сегодня не будет,— сказал я.— Впрочем, стоп! Направьте в баню людей с восточной заставы. А мы — в следующий раз...

Радисты ошиблись. Грозы в тот день не было. Немного погромыхало и обнесло стороной. Зато из Москвы мы получили весьма категоричную телеграмму. Нас обязывали немедленно установить, что́ находится на платформах загадочного эшелона.

А проклятый эшелон приближался к Барановичам страшно медленно: поезд двигался только в дневное время.

Напуганные диверсиями оккупанты в ту пору вообще уже отказались от ночных перевозок, а днем, опасаясь партизанских мин, вели составы на пониженных скоростях.

С еще большими предосторожностями немцы тащили по железной дороге загадочный эшелон. И пока этот эшелон стоял, полз, снова стоял и снова полз от станции к станции, приближаясь к Барановичам, из отдельных наблюдений разведчиков, из подслушанных разговоров, из скупых строк найденной в грязи немецкой газеты складывалось наше представление о том, что перевозят фашисты.

Первые сведения пришли со станций Колосово и Лесная.

Тамошние товарищи определили, что на платформах находятся не то танки, не то пушки.

Теперь следовало ждать, что сообщат разведчики из других точек и из самих Барановичей.

На следующий день мы уже знали, что на платформах не пушки, а танки. Разведчики видели, как солдаты охраны перетягивали сдвинувшийся брезент, и ошибиться не могли. Танки выглядели приземистыми, у них были длинные, крупного калибра пуш-

ки и необычно широкие гусеницы. Это единодушно отмечали все наши разведчики.

В эти дни мы напряженно ожидали составы с отравляющими веществами и потому испытали даже некоторое облегчение.

Узнав, что эшелон задержался на ночь в Бытене, наш штаб вновь связался с разведчиками и потребовал уточнить технические данные танков.

Как раз подоспело время связи с Москвой. Радисты Скрипки отстучали сообщение о загадочном эшелоне.

Донесений об ОВ мы не дождались и спокойно легли спать.

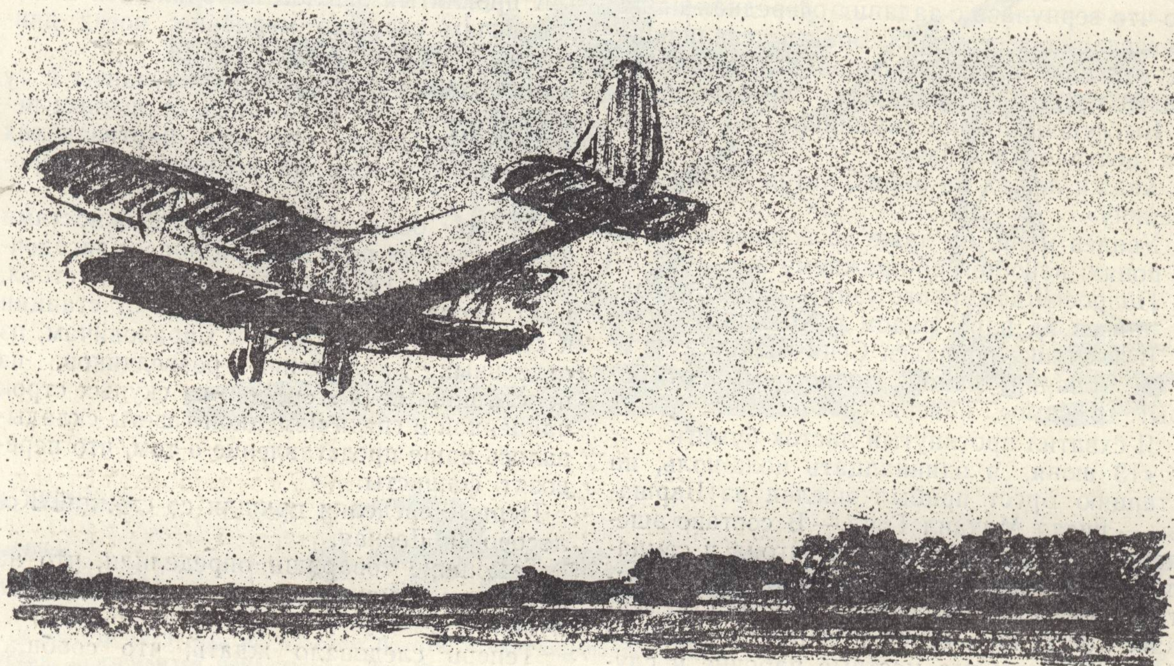
Мы не знали, что нас ждет утром.

Не помню уж, кто из радистов принял эту телеграмму из Центра, но помню, что принес ее Юра Ногин.

Я прочитал радиограмму, и пальцы непроизвольно стали застегивать распахнутый ворот гимнастерки.

— Ругают или хвалят? — спросил Хаджи, который брился, закинув голову и косясь в зеркальце.

— Танки,— сказал я.

— Что — танки?

— Прочти.

Хаджи вытер щеки полотенцем, пробежал глазами листок, и его широкие черные брови съехались к переносице.

— Понял? — спросил я.

— Не понял,— признался Хаджи,— неужели напортачили?

— Об этом я и хотел у тебя спросить.

— Не может быть, чтоб ошибка,— огорченно сказал Хаджи.— Проверено же. Сам Гора работал!

Радиограмма озадачила и взвинтила нас. Центр запрашивал, убеждены ли мы, что танки, перевозимые по маршруту Брест — Барановичи, действительно имеют более широкую, чем обычно, ходовую часть и длинные пушки. Нам разъясняли, что выражения «длинные пушки» и «широкие гусеницы» практической ценности не имеют, что в донесениях следует указывать калибр орудий танков и точную ширину ходовой части, а заодно толщину брони, наличие пулеметов, а также состав экипажа. В заключение Центр требовал бросить все силы на выяснение этих данных.

Признаться, я чувствовал себя очень неуютно. Закралось подозрение: верна ли наша информация, не послали ли мы командованию дезориентирующее сообщение, положившись только на впечатления наших людей и не уточнив данных?

Судя по последней телеграмме, Центр придавал нашей информации серьезное значение. Надо полагать, что отныне не только мы, но и другие разведывательные подразделения (а такие существовали, конечно, и в других районах вражеского тыла) станут искать немецкие танки с орудиями значительного калибра и особенно широкой ходовой частью.

А вдруг окажется, что таких танков нет в помине? Что они — плод воображения или досадной ошибки наших людей? Что тогда? Не принесет ли наше сообщение вреда хотя бы тем, что отвлечет разведку от наблюдения за ОВ и направит на розыск загадочных танков?

Поволновались мы все изрядно. Только новые сообщения разведчиков могли прояснить все вопросы. К счастью, ждать пришлось недолго. Дополнительная информация успокоила и обрадовала нас.

Прежде всего для гитлеровцев не прошла безнаказанно ночная остановка в Бытене.

Именно тут разведчики рассмотрели танки поближе, а потом подобрали на путях обрывок немецкой газеты со снимком танка.

На снимке, судя по подписи, был изображен новый немецкий танк «тигр». На фоне танка фотограф запечатлел и экипаж машины — пять танкистов в шлемах. Танкисты весело улыбались в объектив, явно гордые тем, что им доверили грозную технику. Краткий текст сообщал, что германская армия получила новые, совершенно неуязвимые боевые машины. Их лобовая броня достигает 10, а боковая и задняя — 5—7 сантиметров. Танк вооружен пушкой калибра 88 миллиметров и пулеметом. Вес машины — 60 тонн, но широкая ходовая часть позволяет ей преодолевать самые трудные участки местности и любые препятствия.

— Это уже конкретно, хотя фрицы и брешут о полной неуязвимости! — сказал Хаджи.

Да, это были конкретные данные, и мы тотчас вызвали Москву.

В ответной срочной радиограмме Москва выражала благодарность личному составу отряда. Мы узнали, что сведения о танках получены впервые, и получили задание проследить маршрут следования «тигров».

— Точка, сработано! — сказал Хаджи. — Кажется, мы поймали что-то важное.

— Скажи точнее: поймал Миша Гора!.. А теперь бы не упустить!

Недаром говорят, что хорошая подготовка и организация — три четверти успеха. Гора и другие разведчики без напоминаний понимали, чтó от них требуется. Радисты штаба едва успели передать в Барановичи требование проследить, куда направлен эшелон с «тиграми», как уже пришло сообщение, что эшелон двинулся на Минск...

Москва запросила, сможем ли мы принять самолет и передать обрывки немецкой газеты с сообщением о «тиграх» в Центр.

Мы ответили, что можем.

Самолет приземлился в назначенное время вблизи Ляховичей. Мы вручили летчику пакет с тщательно разглаженными обрывками газеты, и машина исчезла в предрассветном небе.

Днем нас известили, что пакет получен, и вновь поблагодарили за отличное выполнение задания.

Мы передали благодарность Центра всем подразделениям.

А вскоре началась битва на Орловско-Курской дуге, где фашистское командование впервые применило танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд».

Как теперь известно, появление этих танков не стало неожиданностью для наших войск. «Неуязвимые» машины гитлеровцев заполыхали, словно факелы...

С гордостью за своих товарищей думаю я сейчас, что есть доля и нашего труда в том, что «козырь» гитлеровского командования был беспощадно бит в первых же сражениях лета сорок третьего года.

Совсем недавно, работая над книгой, я встретился с бывшим начальником разведки Воронежского фронта И. В. Виноградовым.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я,— вы получали в июне сорок третьего предупреждение из Центра о «тиграх»?

— Конечно, получали,— ответил он.— Нам приказано было установить, когда и на какие участки прибывают эти танки и самоходки.

— Установили?

— А как же! Специально выбрасывали в тыл фашистам группы фронтовой разведки, вели авиационное наблюдение. Засекли голубчиков, как миленьких. Наши хлопцы проследили, где выгружали танки, подсчитали, что с первым эшелоном прибыл батальон «тигров», ну, а потом точно установили, на какой участок фронта он проследовал... А почему вы спрашиваете, полковник?

— Наши товарищи тоже выследили «тигров».

— О!.. А знаете, какое решение приняло командование в связи с прибытием «тигров»?

— Нет. Слышал, что бойцов готовили, учили, как бороться с «тиграми».

— Это само собой. Но тогда же было решено зарыть в землю целую нашу танковую армию. Армию Ротмистрова. Случай вроде небывалый в истории танковых битв, но решение оправданное. Орудия у «тигров» были мощные, но наши зарытые танки оказались им не по зубам. Зато тогдашние наши танковые орудия и снаряды отлично прошивали боковую и затылочную броню «тигров». Так что заполыхали они, как пасхальные свечки!

Слушая И. В. Виноградова, я опять вспомнил своих боевых друзей...

Литературная запись В. ПРИБЫТКОВА.

В. КАРАВАЕВ

ПРОСТО ТАК

Я просто так
Бросал пятак,
Потом зажал его в кулак.
Спросил я друга просто так:
— В какой руке моей пятак?
Друг угадать не мог никак,
И я сказал ему:
— Дурак!
Но не всерьез, а просто так.
А он мне показал кулак
И говорит:
— Ты сам дурак!
А я сказал:
— Ну, если так,
Тогда не друг ты мне, а враг.
Я просто так сказал «дурак»,
А ты мне показал кулак.
А он ответил, что кулак
Он показал мне просто так,
Но если он теперь мне враг,
Он не оставит дело так.
Один тумак, другой тумак —
Мы стали красные, как мак.
Так.
Просто так.
Так.
Просто так
Попали оба мы впросак.
Теперь на лбу моем синяк.
Я приложил к нему пятак.

Сергей **КОЗЛОВ**

Рисунки

Э. БУЛАТОВА

В Африке, неподалеку от старинного города Капатуки, жил Бегемот. И был у него маленький сын — Бегемотик.

Вот однажды Бегемотик спросил у своего отца:

— Папа, папа! А что такое ромашка?

Бегемот задумался, нырнул в болото, полежал немножко на дне, пофыркал, вынырнул и сказал:

— Ромашка — это такой зверь, сынок.

— Какой? — спросил Бегемотик.

Бегемот снова нырнул в болото, снова полежал на дне, вынырнул и сказал:

— Страшный.

— А сколько у него лап?

Бегемот в третий раз нырнул в болото, в третий раз полежал в тишине на дне, все обдумал, вынырнул и сказал:

— Лап у него шесть. Хвост — как у Слона хобот. Хвостом он может убить Буйвола и оглушить Тигра. Глаза — зеленые, пасть — огненная, клыки, как у Льва, шкура, как у Зебры. Есть крылья, но летает он редко.

— А когда? — спросил Бегемотик.

— Ф-ф-у-у!..— вздохнул Бегемот. А вслух сказал: Летает он редко. Только если узнает, что живет где-нибудь непослушный Бегемотик, тогда прилетит, клыками защелкает, ногами затопочет, обовьет хвостом и унесет!

— Куда?

— Ох-х-х!..— вздохнул Бегемот.— Взовьется в небо и понесет — над джунглями, над пустынями, над тиграми, над львами, над старыми городами. А устанет — присядет на облако, отдохнет и полетит дальше...

— Куда? — снова спросил Бегемотик.

Бегемот закрыл глаза и долго стоял с закрытыми глазами. «А не нырнуть ли мне еще раз в болото? — подумал он.— Там ти-

хо, прохладно... Полежу, подумаю, глядишь — и решу, куда может полететь зверь Ромашка».

И Бегемот в четвертый раз плюхнулся в болото и не вылезал целый час. А когда вынырнул, увидел, что солнце уже закатилось и Бегемотик давно спит, укрывшись банановым листом, подложив под голову мягкую обезьянку...

Бегемотик спал очень грустный. Потому что, засыпая, думал о том, что где-то живет страшный зверь Ромашка, который уносит неизвестно куда непослушных бегемотиков...

А маленькая Серая Птичка, которая прилетала в Африку только на зиму, слушая разговор Бегемота с Бегемотиком, так смеялась на ветке, что старый африканский Попугай перестал кричать и спросил:

— Ты почему смеешься?

И Птичка ответила:

— Потому что ромашка — это маленький белый цветок на моей родине.

В желтой Африке, которую омывают синие моря и голубые океаны, под раскаленным солнцем сидел на песке веселый Ки-Ку — маленький Кролик с голубыми усами. На голове у него была соломенная шляпа, потому что в Африке большинство кроликов ходят в шляпах—такое там жаркое солнце.

Ки-Ку сидел на песке и рисовал палочкой домик с окошком. Высоко над ним сухо шелестели пальмы, а в соседнем болотце громко чавкал Гиппопотам.

«Вот,— думал Ки-Ку,— сейчас я нарисую домик с окошками, а внизу — швейцара, точно такого, как я видел в городе Капатуки, когда ходил смотреть на дедушкин памятник. На голове у швейцара должна быть фуражка с золотым шитьем, на груди — блестящие пуговицы и по всему костюму — обязательно много полосок. Здесь надо пририсовать усы... А здесь — скамейку, чтобы он мог посидеть и отдохнуть...»

— А меня?— вдруг спросил кто-то сверху.

— Что тебя? — не отрываясь от рисунка, переспросил Ки-Ку.

— Нарисуй меня!

Кролик Ки-Ку обернулся и увидел ноги. Потом посмотрел повыше — и снова увидел ноги. Тогда он задрал голову так, что чуть не свалилась шляпа, и увидел на высокой шее маленькую головку и аккуратные рожки.

— Кто вы?— спросил Ки-Ку.

— Я Жираф.

«Ха-ха!»— чуть не закричал Кролик. Ему только прошлой ночью приснилось, что он познакомился с Жирафом.

— Здравствуйте, Жираф!— сказал он.— Я Кролик Ки-Ку. Я вас обязательно нарисую, только с одним условием...

Жираф нагнул шею и поднял ухо.

— Я забыл, какие занавески на окнах в городе Капатуки,— сказал ему Ки-Ку.—

Мне бы очень хотелось посмотреть, какого они цвета!

— А когда ты узнаешь, ты меня нарисуешь?

— Конечно!— сказал Кролик.— Места много!— И показал лапой на пустыню.

Жираф вытянул шею и долго что-то разглядывал вдали. Потом сказал:

— Они в клеточку!

— А какого они цвета?

— Желтые!

— Очень хорошо,— сказал Кролик.— Но мне бы самому тоже хотелось взглянуть...

Жираф пригнул к земле голову, Ки-Ку уселся ему на шею, ухватился лапами за маленькие рожки и взлетел высоко в небо— выше кокосовой пальмы.

Весь город Капатуки был виден как на ладони.

Кролик сразу разглядел и дом с окошками, и красивого швейцара, и занавески на окнах в желтую клеточку, но спускаться ему не хотелось, и он сказал:

— Жираф, а вы не можете еще немножко вытянуть шею? Я не вижу центральной площади!

— А зачем тебе центральная площадь?

— На центральной площади памятник моему деду. Он был великий художник!..

И Жираф встал на цыпочки.

— А теперь?— спросил он.

— Очень хорошо видно!— сказал Кролик.— Постойте так еще немножко.

Целый час Жираф стоял на цыпочках, а Ки-Ку разглядывал памятник своему великому деду...

Потом Жираф вышел на середину пустыни, и Кролик попросил его лечь на песок.

— Вы лежите, а я вас обведу палочкой,— сказал он.— А когда встанете, получится ваш портрет.

Так они и сделали.

— Ты меня очень хорошо нарисовал. Я здесь как живой!— сказал Жираф, подымаясь.— И кто тебя так хорошо научил рисовать?!

— Я могу вас рисовать каждый день,— сказал Ки-Ку.— Мне нетрудно! А вы мне будете показывать разные города.

— Конечно! Конечно!— сказал Жираф.

И на следующее утро, чуть свет, явился на очередной сеанс, то есть попросту пришел и плюхнулся посреди пустыни. А Кролик Ки-Ку быстро обежал его с палочкой, а потом целых два часа любовался городом Тапергу, в котором тоже был памятник его великому деду.

Ветер в то лето дул высоко, песок лежал неподвижно, и к осени Ки-Ку зарисовал жирафами всю пустыню. И если кто-нибудь пролетал над Африкой на самолете, обязательно удивлялся, потому что из окошка были видны одни жирафы.

В марте, когда деревья сбросили с плеч снег и закинули высоко в небо легкие головы, Ежику стали сниться волшебные сны.

Каждый день он проветривал свой домик, наламывал в лесу еловых лап, устилал ими пол, а к вечеру пил чай с малиновым вареньем и ложился спать.

Ложился он сперва на спину, но на спине ему лежать было колко, и он поворачивался на правый бок и закрывал глаза.

И тут же начинался волшебный сон.

Вот и сегодня Ежик попил чаю, лег и задумался.

«А не посмотреть ли мне во сне Африку?— думал Ежик.— Небо там синее, песок желтый, дует ветерок, бегают львы... Рас-

смотрю все как следует, а потом расскажу Козлику и Медвежонку».

И он повернулся на правый бок, закрыл глаза — и сразу же увидел во сне Африку.

Она была желтая-желтая под голубым небом. По краям ее сидели печальные Носороги, а посередке — маленький Кролик в соломенной шляпе и с голубыми усами.

— Ты кто?— спросил Ежик.

— Я Кролик Ки-Ку,— ответил Кролик, приподнимая шляпу.— А кто ты?

— Я Ежик.

— Ежик... Ежик...— Забормотал Кролик, разглядывая Ежика.— Давай я тебя лучше назову: Маленький Живой Кактус!

— Маленький Живой Кактус...— повторил Ежик.— Очень красиво! А что такое Кактус?

— Это такая неживая колючка. Мне ее привезли в подарок из одной далекой пустыни.

— Она хорошая?..

— Да,— сказал Ки-Ку.— Она полезная!

«Я тоже полезная колючка»,— подумал про себя Ежик и кивнул головой.

— А где Львы?— спросил он.

— Сейчас полдень,— сказал Ки-Ку.—Они спят. Хочешь, я тебя угощу бананом?

Ежик снова кивнул.

Ки-Ку, задрав голову, крикнул что-то Обезьянам, и Обезьяны спустили им с дерева на зеленой веревке связку бананов.

— Угощайся!— сказал Ки-Ку, взял в лапу банан и показал, как надо его чистить.

Ежик ел бананы и думал о Козлике и Медвежонке.

«Вот бы их сюда!— думал Ежик.— Медвежонок бы ел эту белую мягкую морковку, а Козлик — шкурки, и обоим им было бы весело и хорошо!»

— Очень вкусная белая морковка!— сказал он.— А ты любишь красную?

Кролик задумался.

— Это бананы,— сказал он.— А какая она, красная морковка?

— Такая красная-красная!— сказал Ежик.— И когда ее грызешь, она хрустит на зубах.

— Я очень люблю, когда хрустит,— сказал Кролик.— А у тебя нет морковки?

Ежик заглянул в мешочек, с которым обычно пускался в путешествия, и — о чудо! — вдруг нашел там свежую, тугую морковку.

— Угощайся!— сказал он.

И Ки-Ку захрустел морковкой, как все кролики, и от удовольствия даже закрыл глаза.

— Ты знаешь,— сказал он,— она вкуснее, чем бананы, да еще хрустит! Ты надолго к нам приехал?

— Нет,— сказал Ежик.— Только на одну ночь. Я ведь здесь во сне... Но на следующую ночь я могу прилететь снова.

— Обязательно прилетай,— сказал Кролик.— Я буду тебя очень ждать и покажу Львов. Только не забудь мешочек с морковкой!..

И тут Ежик проснулся.

За окошком синел лес, и было слышно, как грустно вздыхает почерневший мартовский снег.

Ежик посмотрел на стол и вдруг увидел свой мешочек для путешествий, набитый бананами.

— Белая морковка!— крикнул Ежик и бросился к столу.

Сверху на мешочке лежала записка:

«МАЛЕНЬКОМУ ЖИВОМУ КАКТУСУ ОТ КИ-КУ!»

Вот какая необыкновенная история!..

Леонард БЕРНСТАЙН

Пересказал С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

2. Что такое классическая музыка

Когда спрашивают, что такое классическая музыка, люди обычно отвечают, подумав: ну, это такая музыка, которая не похожа ни на джаз, ни на популярную песенку, ни на народную песню.

Правильный ли это ответ?

Да ведь это и не ответ вовсе... Нам объясняют, что не называется классической музыкой. А что же все-таки кроется за этими словами?

Иногда говорят: «хорошая музыка». Вы, наверно, слышали такое выражение: «Я люблю хорошую музыку». При этом имеются в виду Моцарт, Бетховен или Прокофьев... Вы понимаете людей, которые так говорят, но разве не бывает хорошего джаза или хорошей популярной песни? Правильно ли употреблять слово «хорошая» только для одного вида музыки?

Еще люди говорят: «серьезная музыка». Но опять то же самое: есть очень серьезная джазовая музыка; и что на свете серьезнее, скажем, африканских военных танцев? Нет, слово «серьезная» — тоже не совсем правильно.

Может быть, лучше говорить «симфоническая музыка»? Но тогда мы оставим за бортом всю музыку, написанную для фортепьяно соло, скрипки соло и струнных квартетов. А ведь такая музыка тоже считается «классической».

Что же нам делать? Мы перебрали все слова, и все они оказались неправильными. Не отыскивать же свое новое! А почему бы и нет?

Но для этого сначала надо выяснить, чем же отличаются между собой разные виды музыки.

Когда композитор пишет произведение, которое обычно относят к классической музыке, он указывает, какие ноты он хочет услышать, какие инструменты или голоса должны играть или петь, он обозначает даже число инструментов или голосов. Он дает самые различные пояснения, какие только может придумать, чтобы сообщить исполнителю, как играть: быстро или медленно, громко или тихо. Конечно, ни одному исполнителю не удается сыграть абсолютно то, что хотел бы услышать композитор. Никаких слов не хватит для объяснений его замысла. Но оттого работа исполнителя так увлекательна. Он читает, что композитор написал, и старается по возможности точно понять, что он хотел сказать. Поэтому каждый исполнитель играет произведение немножко по-другому.

То, что люди называют классической музыкой, не может быть изменено (если не считать особенностей исполнителя). Эта музыка постоянна и неизменна. Есть только один способ играть ее, и этот способ указан самим композитором.

Может быть, и называть ее «точной» музыкой? Это слово указывало бы на истинное отличие такой музыки от всякой другой.

Возьмем, например, любую популярную песню. Ее можно исполнить как угодно. Ее споет хор и сыграет джаз-оркестр. Сыграет быстро или медленно, горячо или сентиментально, громко или тихо. Это не имеет значения. Мелодию можно сыграть один раз или повторить раз пятнадцать — в любом ключе, даже меняя аккорды. И ни один из этих способов исполнения не будет неправильным.

То же самое и с народной музыкой. Ее можно и нужно исполнять по-разному. Тем более что никакой композитор не устанавливал законов, как ее играть. Что же касается джаза, то собственные добавления исполнителя здесь, пожалуй, самое главное — музыканты импровизируют, то есть сочиняют музыку в тот момент, когда играют ее, и не докучают себе записью этих импровизаций на бумаге. Они каждый раз новые!

Итак, мы нашли лучшее слово для классической музыки: точная музыка. Быть может, оно не всем понравится, быть может, его никогда не будут употреблять. Наверно, есть какое-нибудь слово и получше. Но, во всяком случае, говорить «классическая» музыка не совсем верно.

Классическая музыка действительно существует, но это понятие не означает «серьезную» музыку вообще. Классическая музыка относится к определенному периоду истории музыки, который так и называется — классическим периодом, или периодом классицизма. «Шехерезада» Римского-Корсакова была написана не в это время, а почти сто лет спустя, она не имеет отношения к классицизму. А вот музыка Моцарта была классической, и вы сразу отличите ее от музыки Римского-Корсакова.

Давайте постараемся понять, что это такое — «классический период» в музыке. Продолжался он примерно сто лет, с 1700 года по 1800-й (строго говоря, первая половина восемнадцатого века относится к периоду барокко, или доклассическому периоду, но мы сейчас не будем говорить об этом).

Два гигантских музыкальных имени возвышаются над первой половиной этого века: Бах и Гендель. Особенно значителен Бах. Он взял все правила, с которыми экспериментировали композиторы, и довел их до такого совершенства, на какое только способен человек. А стремление к совершенству, к отточенной форме составляет суть классицизма (и не только в музыке — в архитектуре, в драме).

Например, возьмем особую музыкальную форму — фугу. До Баха сочиняли много разных фуг. Но только Бах сделал фугу классической формой, потому что придал ей совершеннейшую организацию — раз и навсегда, на все времена. После Баха фуги можно писать только по тем правилам, которые создал Бах, иначе получится не фуга, а что-то иное.

Бах умер в 1750 году. Он как бы разделил своей смертью восемнадцатый век точно на две части. Следующие пятьдесят лет были совсем другие. Все изменилось, появились новые великие композиторы — Гайдн и Моцарт. Их музыка абсолютно не похожа на музыку Баха. Это была еще классическая музыка, потому что Гайдн и Моцарт искали то же самое, что и Бах,— совершенство формы и образа. Но только не в фугах.

Как получились эти изменения: что, композиторы собрались на совещание и проголосовали — изменить стиль музыки? Вовсе нет. Это произошло само собой, потому что изменились времена, менялись люди. Композиторы — тоже люди, так что понятно, почему их музыка становилась другой.

Люди времен Гайдна и Моцарта считали Баха старомодным и скучным. Фуга? Слишком серьезно! А нельзя ли чего-нибудь новенького, пусть уж и не такого стройного и завершенного? И вот появилась музыка с прелестными мелодиями и легким аккомпанементом, элегантная, рафинированная, приятная.

Это было время утонченности, хороших манер, строгого этикета. Королевские и княжеские дворы заполняли дамы и кавалеры в шелковых одеждах с кружевными манжетами, в напудренных париках, с веерами, украшенными драгоценностями. И музыка стала красивой, элегантной. Главное в ней — мелодии. Просто, но как прекрасно! Никто не умел сочинять мелодии лучше Моцарта. И все же его музыка тоже подчиняется правилам, как фуги Баха. Только теперь появилось великое множество совсем других правил,— они делали музыку легкой и приятной.

Но можно задать такой вопрос: если главным в музыке классицизма было совершенство форм, правила и так далее, то как же такая музыка выражала чувства? Чувства не поддаются правилам! Музыка не может быть только смешной или веселой — она должна выражать печаль, или боль, или победу, или вдохновение.

Но Моцарт и Гайдн действительно заставляют нас переживать эти сложные чувства. Да, композиторы классицизма подчиняются строгим правилам и внимательно следят за пропорциями, соотношениями частей. Но каждый великий композитор, в какой бы период он ни творил, заставляет нас переживать глубокие чувства, потому что у него есть что сказать, что сообщить в музыке. Оттого-то музыка великих композиторов живет так долго. Даже если она написана сто или двести лет назад, люди и сегодня, слушая ее, по-прежнему испытывают те же самые чувства, что и первые слушатели. Быть мо-

жет, слова «классическая музыка» главным образом значат вот что: эта музыка так прекрасна, что она будет жить очень долго — вечно.

Классическое — то, что живет вечно, как греческие вазы, или «Робинзон Крузо», или драмы Шекспира, или симфонии Моцарта. Во времена Моцарта жили сотни композиторов-классиков. Они писали милые вещицы и, конечно, с соблюдением всех правил. Но их музыка забыта, потому что она не дает возможности почувствовать красоту классического совершенства.

Период классицизма закончился в XIX веке творчеством Бетховена. Многие люди считают Бетховена величайшим композитором всех времен. Почему? Потому что он использовал классические правила Моцарта и Гайдна так, что музыка стала грандиозной. Гайдн шутит легко и мягко, словно в гостиной. Смех Бетховена потрясает мир, как ревущий шторм. Гайдн забавляет нас милыми неожиданностями. Бетховен преподносит такие сюрпризы — рот откроешь от изумления. Если Моцарт был веселым — Бетховен пьян от радости. Будто мы смотрим на классическую музыку сквозь увеличительное стекло — все гораздо значительнее. Но главное, что отличает музыку Бетховена от классической музыки,— это гораздо более сильные чувства. Его чувства ярче, и их легче понять.

Такую музыку называют романтической. Это слово означает открытое, свободное выражение чувств.

Если человека представляют девушке по имени мисс Смит и он говорит ей: «Здравствуйте, мисс Смит, я очень рад познакомиться с вами»,— значит, он «классик» — он вежлив, обходителен, он подчиняется правилам этикета.

Но если он воскликнул: «Здравствуйте, мисс Смит, какие у вас прекрасные глаза, я люблю вас!» — значит, он романтик. Он высказывает свои чувства открыто, не стесняясь. Он полон огня и страсти. Такую пылкость чувств можно увидеть в музыке польского композитора Шопена — он был настоящим романтиком! — или в музыке великого немецкого романтика Шумана.

И опять: композиторы-романтики не собирались вместе, чтобы «проголосовать» за романтизм. Вновь произошли изменения в образе жизни людей, в том, как они думали и чувствовали. Эти изменения отразились в музыке, и прежде всего в музыке великого представителя классицизма — Бетховена.

Понимаете ли, в нем одном было двое. Бетховен был последний композитор периода классицизма и первый композитор романтизма. Пожалуй, можно сказать так — это был классик, который зашел слишком далеко. Он был настолько полон чувств, что ему было невыносимо в цепях правил и установлений восемнадцатого века. И он просто разорвал эти цепи, разрушил правила и положил начало совершенно новой музыке. И это было концом классического периода музыки. Увертюра Бетховена «Эгмонт», например, самая что ни на есть классическая музыка, и в то же время она полна романтических чувств — таинственности, ожидания, радости, триумфа. Конечно, Бетховен — это лишь начало романтической музыки. Не забывайте, что он вышел из восемнадцатого века. Его правила, хотя он и разрушает их,— это правила классицизма. И в лучшей своей музыке он приблизился к совершенству ближе, чем кто-нибудь другой, с тех пор как люди стали писать музыку.

Те, кто любит нашу Советскую Армию,
кто гордится ее могучей новой техникой,
кто готовится в будущем стать ее рядовым,—
для всех вас «Пионер» объявляет КОНКУРС
В ЧЕСТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ. ДЕВИЗ КОНКУРСА — «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ».

Перед вами вопросы I тура. В майском номере будет открыт II тур. Имена победителей мы назовем в сентябре.

Вопросы на конкурсе разные — есть легкие, а есть и потруднее. Легче будет тем, кто читал в прошлом году в «Пионере» материалы под рубрикой «Только для мальчишек». А кто не читал, успеет это сделать теперь. Советоваться с книгами, заглядывать в журналы, расспрашивать взрослых, вспоминать фильмы не запрещается. Наоборот, мы этому будем рады.

Не забудьте на своих конвертах поставить красную звездочку.

А каждый участник конкурса может выбрать себе еще и свой девиз.

А теперь вперед, на следующую страницу.

1. Выясни:
Каково боевое назначение каждого из этих сверхзвуковых самолетов?

2. Назови:
Что это за корабль?

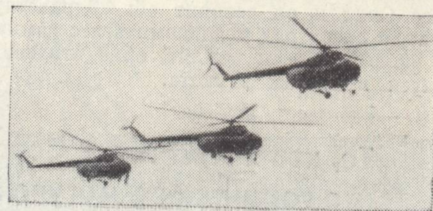

3. Узнай:
Какой советский самолет во время Великой Отечественной войны гитлеровцы назвали «Черная смерть»?

4. Укажи:
Какого типа вертолеты десантных войск изображены на этих снимках?

5. Ответь:
Для каких полетов летчик надевает такой костюм и как этот костюм называется? На снимке Герой Советского Союза Александр Васильевич Федотов. Может быть, ты знаешь, какие рекорды он установил на своем самолете?

6. Скажи:
В каких войсках во время гражданской войны воевала знаменитая тачанка? Чем она была вооружена?

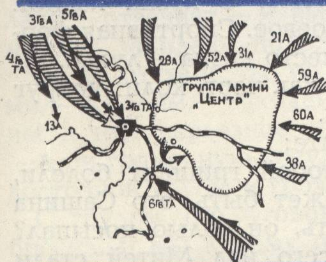

7. Назови:
Марку самого знаменитого советского танка времен Великой Отечественной войны.

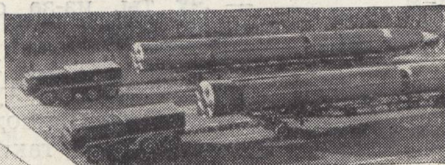

8. Выясни:
Подразделения каких видов войск на этих снимках? Впервые мы увидели эти войска в новой форме в ноябре 1967 года на юбилейном параде в Москве.

9. Ответь:
Какой была последняя операция Великой Отечественной войны против фашистской Германии?

10. Назови:
Каково назначение ракет, изображенных на этих снимках?

Продолжение конкурса на странице 54.

Виктор ГОЛЯВКИН

КОМАНДА

РАССКАЗ

Скоро выйдем на лед в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый, как черт, вернулся с отцом-послом из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

— Ты нас извини, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь!

— В какую команду? — спрашивает.

— Известно в какую,— говорим,— не в пожарную же!

— А зачем мне в команду?

Мы как заорем:

— Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

— Хочу, хочу!

— Но мы тебя взять не можем.

— Почему?

— Вот чудак, потому что ты седьмой!

— А вы какие? — спрашивает.

— Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

— А я?

— А ты седьмой!

— Ну и что?

Мы ему говорим:

— Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмем.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

— Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы еще забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

— Может быть, шахматами займешься? — спрашиваем.

— Могу,— говорит,— и шахматами заняться.

— А мы тебя хотели в команду взять.

— Ладно,— говорит,— берите.

— Только у нас места нет.

— Ну и не надо,— говорит,— не берите.

— Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

— Берите, мне не жалко,— говорит.

— И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

— Да я и не переживаю.

— Знаем мы тебя! На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

— Тогда берите,— говорит.

— Сознайся, правда, ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему вовсю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул, сознался.

Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Солнце светит. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка — лужа...

Саша, загорелый, как черт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша стал в лужу и говорит:

— Тут еще немножечко льда осталось, может быть, все-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка.— И со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры все в таком же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

— Ребята! Давайте футбольную команду собирать, раз так вышло.

Его все поддержали, даже обрадовались. Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам — одиннадцать человек. Гена кричит Саше:

— Иди сюда! Не бойся!

Тот не идет.

Мы ему кричим:

— Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идет.

— Я,— кричит,— могу вас всех такой сосулькой забросать, что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

— Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

— Я с вами никаких дел иметь не желаю! — отвечает.— Я вас еще сосульками не так закидаю, подождите!

— Да отстань ты со своими сосульками,— говорим,— закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьезное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозится.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовем его в нашу футбольную команду, а он упирается.

— Так-так,— говорит,— теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

— Смотри,— говорим,— потом пожалеешь! Даже запасным не возьмем!

А он свое:

— Не выйдет у вас это! Не пройдет!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

— А раньше кем я был? — спрашивает.

— Раньше хоккеистом.

— Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, все равно было — состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих. Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

— А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал свое согласие.

Другой малыш сказал:

— Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарем. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

— А ноги тебе портить можно? — взял способного музыканта за уши да потянул.

Малыш завыл, а Коля сказал:

— Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

— Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах. Раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьезно отказали.

Забавный инцидент произошел с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения. Мы ей объясняем:

— Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

— Я центр нападения.

Мы смеемся, а она в ответ:

— А вы дураки!

Еле-еле от нее отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе вернувшийся из детской колонии бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил встать в воротах.

А он мне как щелкнет в нос, да с такой силой, что слезы из глаз потекли.

— Я,— кричит,— тебе покажу, как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

— Вместо того, чтобы исправиться, вы опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

— Буду, буду стоять в воротах!

Дядя Петя говорит:

— Я и то согласился, а ты кривляешься. Ишь ты, какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

— Ловите! Ловите! — и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

— Пропадет человек, а жаль! Ничего, мы за него возьмемся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

— Только вы никому ни слова не говорите, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается, чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

— Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор, и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, вовсю тренировались.

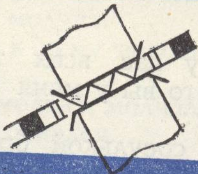
Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

11. Узнай:
Что означают эти значки на военных картах?

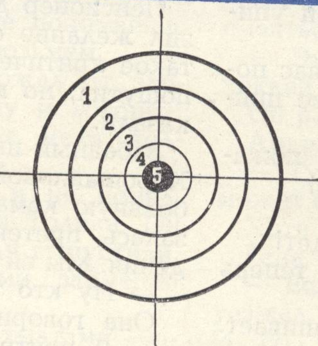

12. Назови:
Марку самого большого нашего самолета.

13. Узнай:
Какое приспособление на винтовке у этого стрелка? Снимок сделан в дни Великой Отечественной войны.

Продолжение конкурса на странице 61.

Драган ЛУКИЧ

ПТИЦЫ

Не хочется больше
Птицам садиться
На крышу из красной
Рябой черепицы.
Не нравится птицам
На трубах ютиться,
Птицы не ищут
Дырок в стенах —
Им очень удобно
Сидеть на антеннах.

КЛЮЧИ

Много разных есть ключей:
Ключ — родник среди камней,
Ключ скрипичный, завитой
И обычный ключ — дверной.

Но каким ключом улитка
Заперла свою калитку?

Чем стрекозы на восходе
Крылья легкие заводят?

Как замкнуть покрепче тучи,
Чтобы кончилась гроза?
Где тот ключ, которым ночью
Сон смыкает нам глаза?

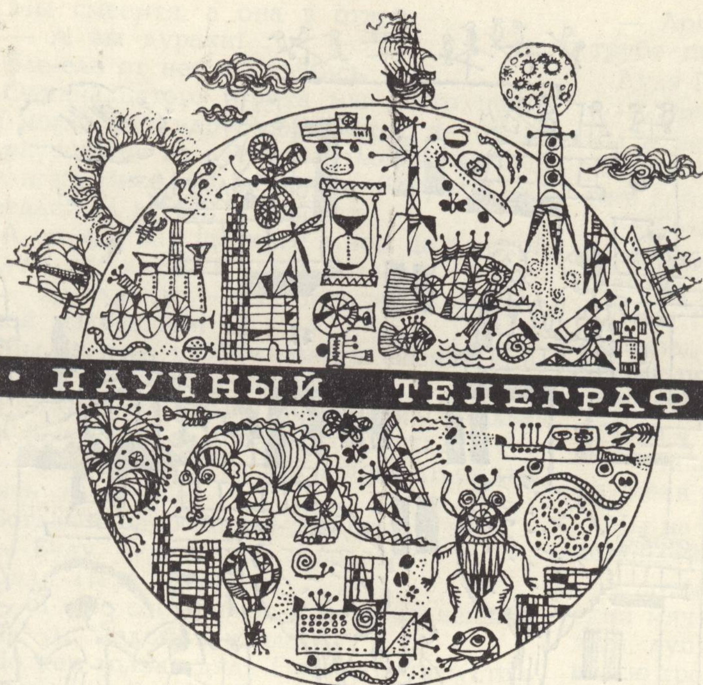
БАЛКОНЫ

Над улицей шумной балконы
Висят на высоких домах,
Висят над верхушкою клена,
Висят почти в облаках.

Растут на балконах пионы,
Жужжат на балконах шмели.
Я с моего балкона
Море вижу вдали.

Балкон — корабль зеленый,
Балкон — капитанский мостик.
Эй! Кто не имеет балкона,
Ко мне приходите в гости!

Рисунки Е. МОНИНА
Перевел с сербскохорватского
Л. ЯХНИН.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ОСТРОВ — НЕЛЮДИМ И НЕВИДИМКА

География

В 1865 году моряки английского корабля «Фолкон» впервые увидели этот островок. Небольшим утесом он чуть выглядывал из-под воды. В честь корабля остров нарекли Фолконом и занесли это название во все справочники и лоции Тихого океана.

С тех пор многие проходившие мимо корабли видели этот островок, рожденный подводным вулканом. И он все время менял свой вид. В 1885 году экипаж «Сафо» обнаружил на его месте скалу, извергавшую столб дыма. К началу 1893 года большая часть острова вообще исчезла под водой.

В апреле 1898 года он уменьшился настолько, что превратился в едва различимую глазом черную скалу, торчавшую из-под воды. Вулкан притих, но только на время. После нового извержения остров увеличился почти вдвое!

Прошло еще четыре года. Остров Фолкон снова исчез, и на его месте осталась только мель. Так было до 1907 года, когда снова ожил вулкан и снова возник удивительный остров.

С той поры его поверхность и очертания остаются неизменными. Площадь острова — полторы тысячи квадратных метров. Люди, однако, не питают особого доверия к этому ненадежному клочку суши, и он остается необитаемым.

Вс. ИВАНОВ

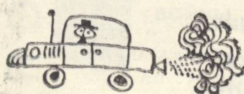

ШОФЕР, ПОВЕРНИ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

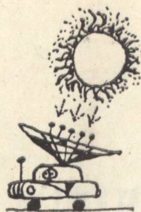
Химия

Вы, конечно, видели, как едет по дороге грузовик, оставляя за собой сизый хвост дыма. Так вот, в этом дыме полным-полно вредных для здоровья веществ. Среди них знакомый всем угарный газ, тот самый, от которого угорают, когда слишком рано закрывают печную вьюшку. Хорошо, когда машина едет по проселочной или лесной дороге — там эти газы рассеиваются в воздухе и вреда не приносят. А по людной городской улице проезжают ежедневно тысячи машин, и каждая понемножку отравляет воздух. В некоторых странах регулировщики уличного движения вынуждены даже надевать противогазы. И с каждым годом машин становится все больше...

Можно, конечно, очищать выхлопные газы — химики знают, как это сделать. Правда, добиться, чтобы из выхлопной трубы выходил чистый воздух, им пока не удается...

Так что же делать? Не возвращаться же в самом деле к каретам и дилижансам! Но ведь есть и совершенно безвредный двигатель — электромотор. Он прилежно работает в троллейбусах и трамваях. Но ведь автомобиль нельзя привязать к прово-

дам! Этого никто и не собирается делать. Ученые во многих странах пытаются сейчас сделать такой автомобиль, который вез бы с собой источник электрической энергии — наподобие «электрокопилки» на колесах. И эта энергия будет вращать мотор. У таких машин и имя будет другое — электромобиль.

Но откуда получить электроэнергию? Взять побольше батарей? Нет, они тяжелые и слишком быстро «садятся», выходят из строя. Может быть, брать энергию прямо от солнца? Такой электромобиль недавно построили. На его крыше установили больше десятка тысяч маленьких солнечных элементов. Когда на них падают лучи, они вырабатывают ток. Но в пасмурный день такая машина — ни с места.

И ученые решили, что лучше всего брать ток от аккумуляторов.

В аккумуляторах ток возникает за счет химических реакций (поэтому аккумуляторы называются химическими источниками тока). Им не нужны ни солнечные лучи, ни другие внешние источники энергии. Когда аккумулятор «садится», его включают в электрическую розетку и снова заряжают. Скажем, днем автомобиль бегает по улицам, а ночью заряжается. Или можно пользоваться двумя аккумуляторами — пока один дает энергию, другой ею запасается.

Конечно, аккумуляторы для машин нужны особые, легкие и мощные. И они уже созданы, опытные электромобили уже бегают со скоростью восемьдесят километров в час. Таких машин еще мало, но мы с вами наверняка будем свидетелями «века электромобилей», надежных, простых и безвредных. А что касается скорости, то и привычный нам автомобиль тоже не сразу начал с двухсот километров в час...

О. ЛИБКИН

Медицина

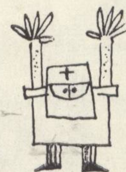
КАК МОЮТ РУКИ

Я раньше был хирургом, а потом стал писать очерки и рассказы.

Недавно мне очень захотелось побывать в больнице, где работал раньше. Я пошел туда, мне дали белый халат и пустили в операционную, чтобы я посмотрел, как теперь оперируют.

Там, в операционной, было много всяких новых вещей — инструменты более удобные, чем раньше, аппараты для наркоза с автоматикой — всего не перечесть! Но больше всего меня удивило, как мыл руки хирург, мой товарищ, с которым мы когда-то вместе оперировали.

Он просто подошел к раковине, взял щетку, санитарка плеснула ему на руки жидкое мыло. Он минуты три помыл руки, закрыл локтем кран (в операционных у кранов специальные длинные ручки, чтоб удобно было их локтем закрывать и открывать), взял у операционной сестры стерильное полотенце и стал вытираться. Именно это меня и удивило больше всего.

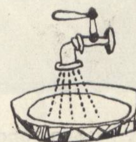
Потому что, когда я был студентом, я специально заучивал разные способы мытья рук перед операцией.

Когда-то, когда врачи не знали о существовании опасных болезнетворных микробов, они либо мыли руки вот так, как мой приятель сейчас, либо даже не мыли их перед операцией совсем. И заносили в разрезы микробов, которые были у них на руках. И больные заболевали от этого тяжелейшими послеоперационными болезнями — заражением крови, например.

А потом — это «потом» было тоже давно — медики открыли, что причина заражения крови и нагноения ран таится на их руках, на их инструментах, на бинтах. И они придумали много способов, которыми стали уничтожать микробов, не допускать их в операционные разрезы.

А вот руки хирурга нельзя ведь ни в огонь, ни в автоклав засунуть. Руки стали мыть, и мыть, прямо скажем, самыми зверскими способами.

В одной больнице, где я студентом проходил практику, был принят такой способ: сначала мы просто мыли руки с мылом. Потом брали кусочек мыла и прокипяченную щетку и терли руки мылом со щеткой пять минут. Потом бросали щетку, смывали мыло, тогда сестра стерильными щипцами подавала еще одну щетку, и ею мы снова мыли руки пять минут. Потом давали третью щетку, и все повторялось. А потом руки надо было опустить на одну минуту в таз, где налит ядовитый раствор сулемы. А потом мы намазывали пальцы спиртом, йодом и снова спиртом.

...А тут врач пополоскался недолго под краном и пошел оперировать! Ну, конечно, я сразу спросил, мол, как же это так можно! А он сказал, что это жидкое мыло не простое, а особенное — «гексахлорафеновое». Химики давно научились делать хитрые моющие вещества. И многие из них — не только такое мыло, а, например, слабый раствор хорошо всем известного стирального порошка «Новость» — прекрасно уничтожают микробов и не раздражают кожу.

И оказывается, ставились специальные опыты: хирурги мыли руки разными такими веществами, а микробиологи смотрели, сколько нужно вещества и сколько нужно времени на мытье, чтобы и кожу не повредить и очистить ее от микробов.

Хирург, который оперировал, сам мне говорил, что ему страшновато было поначалу мыть перед операцией руки только так. А потом он привык: ведь никаких бед не случалось, новые вещества отлично делают свое дело.

Борис ВОЛОДИН

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · НАУЧНЫЙ Т

БОБРЫ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

Биология

Бобры — звери речные, а вот на Амуре — самой большой нашей реке — они никогда не жили.

— Наверное, бобры не могут жить на Амуре,— говорили многие ученые.— Даже в прошлом они ведь никогда не селились на Дальнем Востоке. Видно, здешние реки слишком своенравны, сильно разливаются летом во время дождей, выходят из берегов. Вода разрушила бы бобровые хатки и норы.

— Пусть сами бобры дадут нам ответ,— сказали дальневосточные охотоведы.— Надо попробовать переселить бобров на Амур и проверить, что им не нравится в нашем богатом крае. Ведь прижились же здесь и ондатра, и американская норка, и заяц-русак. А бобр — самый ценный зверь.

И вот в 1964 году впервые на Дальнем Востоке появились белорусские бобры. Самолет доставил их в город Хабаровск, а оттуда зверей повезли на моторных лодках вниз по Амуру. Потом лодки с бобрами поднялись вверх по притоку Амура — реке Немпту, до предгорий Сихотэ-Алиня. Здесь начинаются настоящие джунгли. Растут по берегам огромные тополя, ивы-чозении, ильмы и ясени, маньчжурский орех и замечательные бархатные деревья. А густые кустарники увиты лианами китайского лимонника. Здесь и выпустили бобров-новоселов. Весь бассейн реки Немпту объявлен теперь заказником, и там запрещена всякая охота.

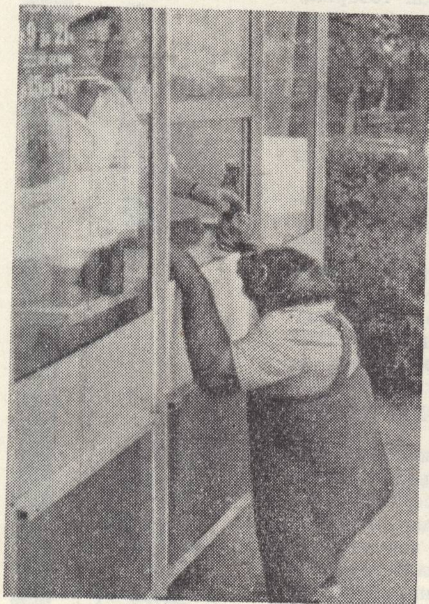
Два года спустя охотоведы навестили переселенцев. Нет, не погибли бобры! Наоборот, население бобровой колонии почти удвоилось. Значит, бобрам понравилось на новом месте.

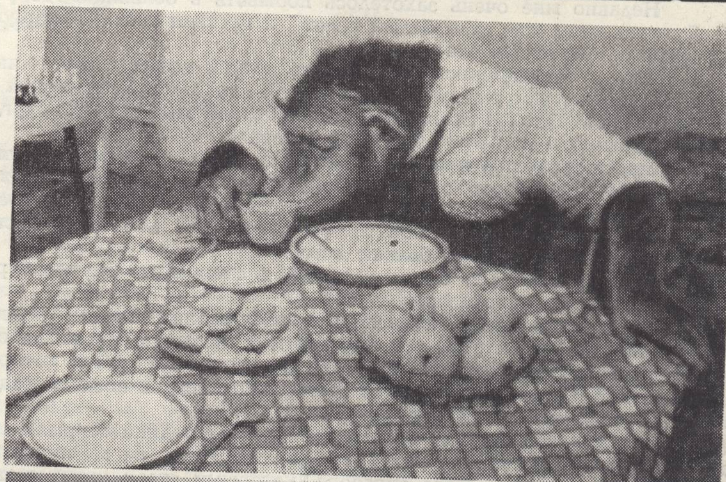

Р. ТИХОМИРОВ

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · НАУЧНЫЙ

Рикки на экране

В каких только городах не побывал знаменитый советский дрессировщик Степан Исаакян! Тысячи мальчишек и девчонок видели его на арене цирка с мохнатыми, рогатыми и хвостатыми партнерами. А теперь их увидят еще больше ребят — режиссер М. Семенова и оператор В. Усанов сняли документальный фильм «Опасные партнеры». На этих кадрах вы видите Степана Исаакяна и шимпанзе Рикки.

В стране Шаха — владыки черных и белых полей

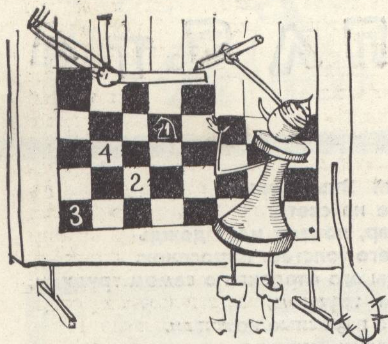
Велика страна мудрого шаха, раскинулась она на все четыре стороны, на все шестьдесят четыре клетки. Но неспокойно сейчас в его царстве. На землю шаха наступает грозный черный король, все сметают на своем пути его боевые ладьи, и слоны идут с ним и несметная пешая рать.

Потерял покой мудрый шах. Созвал он военный совет, Пешкина и главных своих оруженосцев, и стали они вместе думу думать: как отразить нападение коварного врага?

— Прежде всего надо разузнать план черного короля,— предложил оруженосец из тридевятой школы.

На разведку послали смелого конника, который нес сторожевую службу на поле d4.

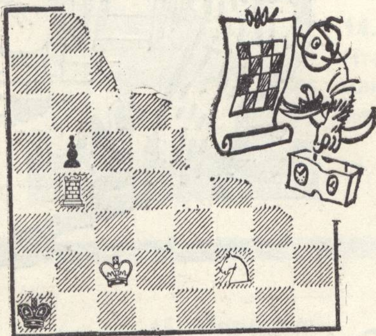
— Будь осторожен,— напутствовал Пешкин воина.— Всюду смотри, все выведывай. Побывай на каждой клетке шахматной доски, но запомни, не больше одного раза на каждой. Не привлекай внимания к себе. Сейчас я намечу тебе маршрут.

Видите, ребята, как Пешкин трудится, карту шахматной доски изучает... Вот он наметил первые пункты маршрута. Но воину надо торопиться, помогите Пешкину, друзья. Напишите ему, какой дорогой отправили бы вы лазутчика на шахматном коне. Не забудьте важное условие об осторожности.

Прошло немало дней, пока лазутчик вернулся на поле d4. Многое пришлось ему испытать. На поле f2 он попал в засаду к разбойникам. Атаман выпытывал у него военную тайну, но лазутчик ничего ему не сказал.

— Я тебя, воин, отпущу, если ты одну хитрую шахматную задачу решишь,— сказал наконец атаман.— Вот она. Как дать мат черным в шесть ходов? Предупреждаю тебя: черную пешку брать нельзя, а мат надо сделать обязательно конем. Даю тебе час на размышление. Не решишь — голова с плеч долой.

Хорошо, что храбрый воин участвовал в нашем конкурсе и даже третий разряд получил. А то не сносить бы ему головы...

Он задачу решил за пятьдесят минут, и атаман отпустил воина. Снова помчался воин своею дорогой.

А вы, ребята, сможете решить эту задачу? Тому, кто пришлет правильное решение, Пешкин засчитает победные очки в своем конкурсе.

После того, как прибыл храбрый воин, снова собрался военный совет. Лазутчик привез диспозицию, все о вражеских силах выведал. Надо, пока не поздно, придумать план обороны...

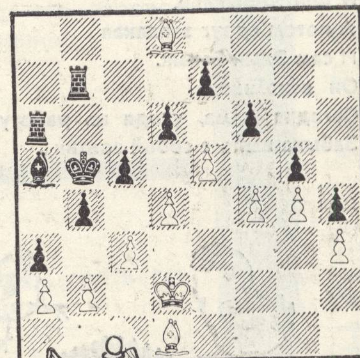
— Давайте построим стену! — закричал все тот же оруженосец из тридевятой школы.

Даже Пешкин удивился:

— Какую стену?

— Отгородиться надо от черной рати. Будем ее возводить вот тут,— показал оруженосец.

Все сразу за дело взялись. Трудились дружно и всего лишь за шесть ходов построили стену.

Твердыня шаха стала неприступной. Найдите, как белым удалось избежать опасности.

Овсей ДРИЗ

Про умного Эныка-Беныка поэт Овсей Овсеевич Дриз сочинил целую книжку. Маленький мальчик, герой этих стихов, всегда и на все находит самые забавные ответы.

Мы знаем, что многие наши читатели скажут:

— Это же стихи для совсем маленьких!

Верно. Но маленькие люди часто сами не умеют читать, а про Эныка-Беныка им было бы интересно узнать. Что же делать? Взять эти стихи и прочитать их с выражением младшим ребятам. Видите, как все просто!

Рисунки А. БРЕЯ.

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ ДОЖДЬ

Энык-Беньк
Больно ушибся.
Но он не хотел плакать
И попросил облако,
Попросил дерево,
Попросил цветы,
Попросил траву,
Попросил старые окна
В своем доме:
— Пожалуйста, поплачьте
Вместо меня.
И они заплакали.
А потом вдруг заплакал
И сам Энык-Беньк.
Он вспомнил:
Сегодня мама, уходя на работу,
Забыла взять с собой зонтик...

ЦЫПЛЯТА

Шустрый Энык-Беньк
Знал все на свете:
Например, почему идет дождь
Или отчего толстеет поросенок.
Однажды его спросили о самом трудном,
О таком трудном,
Что даже взрослые не знали,
Как ответить на это:
— Почему цыплят зовут цыплятами!
И Энык-Беньк ответил:
— Они ходят на цыпочках —
Боятся кота разбудить.

ВО СНЕ

Утром Эник-Беник
Вдруг спросил у мамы:
— Какие сны снятся
Нашему столу,
Нашей корзинке
Или старой солонке?
И мама сказала:
— Во сне они уходят в гости
К своим родственникам.
Стол шагает в лес, к дальнему дубу,
Корзина —
К грустной иве у пруда,
А старая солонка катится
За солью к Черному морю.
— Ах, вот почему,—
Сказал Эник-Беник,
— Вчера во сне
Я встретил ее
В Одессе!

Правильный ОТВЕТ

Если Эника-Беника
Спросить о чем-то,
Он всегда ответит правильно.
Сегодня я, например,
Спросил его:
— Эник-Беник! Почему
Мычит твоя корова?
— Наша корова просит
Прощения,—
Сказал Эник-Беник.
— Сегодня она паслась на лугу
И вместе с травой
Съела все ромашки.

Перевел с еврейского С. ЦИФЕРОВ.

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

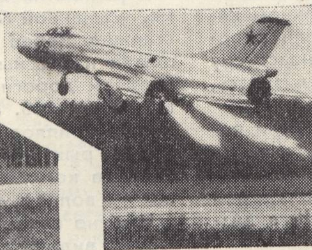

14. Назови:
Что это за самолет, каково его боевое назначение?

15. Определи:
Каким воинским званиям соответствуют эти знаки различия?

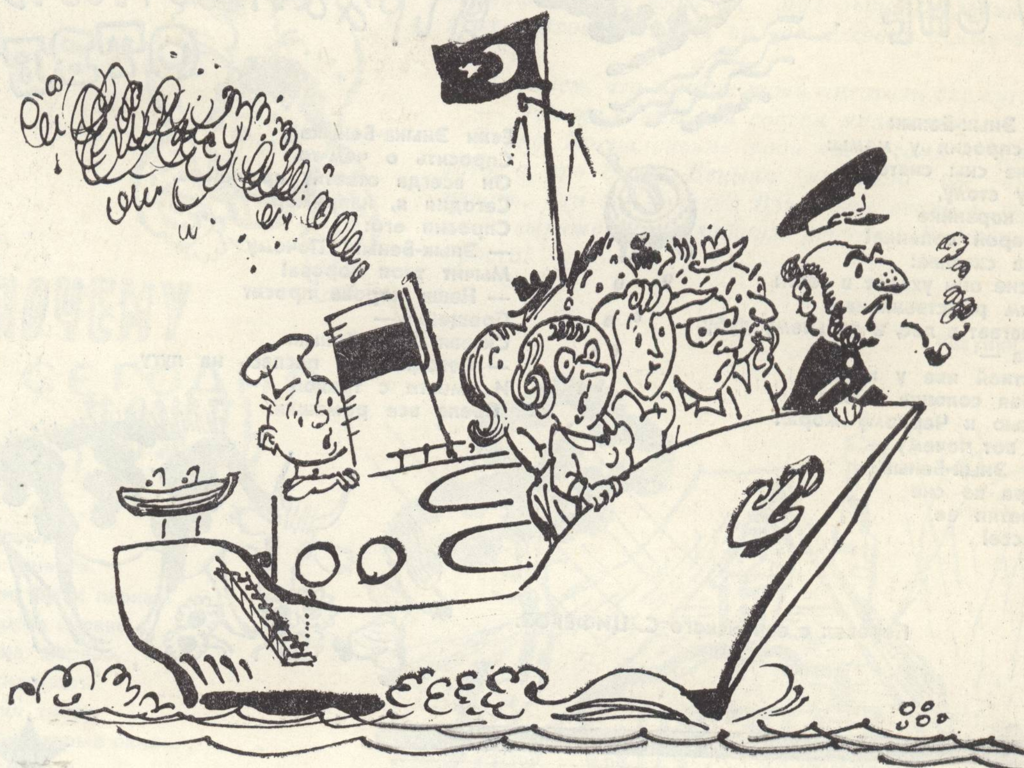

16. Расскажи:
Какой из этих самолетов снят на взлете и какой на посадке. Какие здесь изображены способы, помогающие взлету и посадке?

Продолжение конкурса на странице 68.

В. ФИРСОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Нечистая сила

Мало кто знает, что осенью позапрошлого года в одной из зарубежных газет было описано невероятное происшествие, имевшее самое непосредственное отношение к изложенной здесь истории. Случай этот показался всем настолько неправдоподобным, что ни одна газета не решилась перепечатать эту заметку, несмотря на то, что составленный капитаном «Розы Стамбула» акт был подписан пятью членами экипажа и двадцатью пассажирами.

Дело было так. Ранним утром седьмого сентября небольшой пароход «Роза Стамбула» приближался к Синопу. До берега оставалось несколько миль. В это время раздался голос матроса: «Справа по носу летящий предмет!» Посмотрев в указанном направлении, находившиеся на палубе увидели розовую точку, которая двигалась по воздуху навстречу судну невысоко над водой. Когда она приблизилась, все увидели, что это была свинья.

Свинья скользила по воздуху, лежа на боку и помахивая хвостом. Когда она приблизилась, все услышали ее довольное похрюкивание. В полной тишине свинья проплыла на высоте около трех метров над головами людей, ударилась о мачту и с визгом свалилась на палубу...

Происшествие было зафиксировано в судовом журнале. По прибытии в порт свинью официально передали властям. Заметка об этом происшествии, появившаяся несколько дней спустя, называлась «Интересный случай коллективной галлюцинации». Все попытки капитана доказать, что свинья существует реально, успехом не увенчались.

Как непосредственный участник и даже в какой-то мере виновник этого случая, я хочу рассказать о том, как в действительности было дело.

Рыжая Машка

Я приехал в поселок рано утром. Такси затормозило возле автобусной станции, и тотчас же машину со всех сторон облепили загорелые люди.

Я расплатился, поднял чемодан и побрел по улице, усыпанной битым камнем. Надо было найти пристанище. Через час, измученный беспощадным солнцем и напрасными поисками, я присел на чемодан посреди дороги и вытащил платок, чтобы вытереть взмокший лоб. В это время над моей головой раздалось хриплое мяуканье, и мне на голову свалилась тощая рыжая кошка. Она сбила с меня шляпу, разодрала когтями щеку, шлепнулась в пыль у моих ног и с воплем умчалась.

Именно в это время меня окликнул Гошка.

Я не видел его уже пять лет. Два-три письма, которыми мы обменялись за это время, позволили мне понять, что он дорвался наконец-таки до сво-

Ангелы неба

Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

ей любимой волновой энергии и намерен работать над диссертацией. И вот он собственной персоной машет мне из окошка неказистого двухэтажного домика.

После первых объятий и мощных дружеских тумаков Гошка втащил меня в комнату, усадил на стул и стал рыться в ящиках комода.

— Куда же она дела йод?— И он пояснил:— Ты рассказывай, а я пока окажу тебе первую помощь. Ишь, как Машка тебя разукрасила!

— Так это ты швыряешься кошками?

— Об этом потом.

И он начал мазать мне щеку валерьянкой.

Я не удивился этому, потому что очень хорошо знал Гошку.

Гошка

Своей необычной рассеянностью Гошка прославился еще в институте. Он путал все, что только можно было напутать, и постоянно забывал свои вещи в самых неожиданных местах. Злые языки утверждали, что он ходит в рубашке наизнанку, а два парных носка не носил ни разу в жизни. В общежитии мы всегда сидели без радио, потому что он включал репродукторы в электрическую сеть.

Однако, к общему удивлению, Гошка никогда не терял своих записей, а все зачеты и экзамены сдавал только на пятерки. Несмотря на рассеянность Гошки, его конспекты всегда были в идеальном порядке, и ими пользовался весь курс.

Оказывается, он жил здесь с весны, занимая две пустовавшие верхние комнаты у своей тетки.

— Решено: ты остаешься у нас,— сказал Гошка, когда поиски йода наконец увенчались успехом.— Места хватит, да и твоя помощь пригодится. А тетка будет рада: ей скучно одной.

Я вытащил из чемодана плавки и потребовал отвести меня к морю. Но даже на пляже происшествие с рыжей Машкой не выходило у меня из головы.

— Чем же ты здесь занимаешься? — спросил я, когда мы после купания пристроились на горячей гальке пляжа.

— У меня отпуск по болезни. На год. Врачи прописали мне солнце и море. Но, ты не поверишь, я, кажется, добился успеха. Помнишь мою дипломную работу? Направленное силовое поле, взаимодействующее...

— Ты мне обещал рассказать про кошку,— перебил я. Было жарко, и вести ученые разговоры не хотелось.

— Вот, вот, об этом и речь! — Гошка сел и стал чертить пальцем на песке какие-то спирали.

— То есть как это?— не понял я.— Ты учишь кошек летать?

— Вот именно,— ответил он.

— И каков же твой метод?— лениво поинтересовался я.— Раскручиваешь за хвост, а потом отпускаешь?

— Ты напрасно смеешься. Если бы у нас не скакало напряжение в сети, Машка улетела бы на Карадаг, а ты до сих пор бегал бы в поисках комнаты.

— Ничего не понимаю,— сознался я.

Лаборатория

Лабораторией Гошка называл маленькую комнатушку на втором этаже. В сторону окна наподобие орудийного ствола смотрела труба из тонкой металлической сетки диаметром сантиметров двадцать. Поверх трубы вилась блестящая спираль, с потолка свисали разноцветные провода.

Гошка подошел к аппарату, немного повернул его, целясь куда-то проволочной трубой, затем включил рубильник и открыл сверху крышку. Я наблюдал за ним, держа в руках котенка.

— Давай,— сказал он и сунул ничего не подозревающее существо внутрь. Котенок мяукнул, но Гошка ловко захлопнул крышку.

— Теперь смотри! — И он нажал кнопку.

И я увидел, как из дула аппарата выскользнул котенок, довольно быстро поплыл по воздуху, нелепо размахивая лапами, и через минуту исчез из виду.

— Но это же чудо! — закричал я.— Объясни!

— Сразу ты не поймешь,— ответил Гошка.— Слишком специальная область. Но я объясню тебе главное. Луч аппарата, взаимодействуя с гравитационным полем Земли, как бы свертывает его в трубку, образуя своего рода невидимый туннель, в котором тяготение не действует.

— Но почему же котенок улетел? Что его двигало вперед?

— Вот этого-то я и сам пока не знаю. Первые опыты я делал с разными предметами — деревянными

брусками, бутылками. Если луч был горизонтален, все предметы быстро останавливались из-за сопротивления воздуха. Но однажды я засунул в аппарат Машку. К моему удивлению, она улетела так далеко, что вернулась лишь на второй день, а тетка устроила мне грандиозный скандал. Очевидно, при опытах с живыми существами возникает какой-то неизвестный эффект.

— Значит, человек тоже может полететь? — с замиранием сердца спросил я. — А нельзя ли мне попробовать?

— Ну что ты!— усмехнулся Гошка.— Больше двух килограммов аппарат не осилит. И то пробки все время перегорают.

Увлеченные разговором, мы не заметили, что дверь комнаты отворилась.

— Григорий! — раздался за нашими спинами ледяной голос.— Ты, кажется, не раз уже обещал мне не мучить бедное животное...— Тут она заметила меня и замолчала.

— Это Аркадий Савельев, мой друг детства,— торопливо представил меня Гошка, явно обрадовавшись возможности избежать обсуждения Машкиной судьбы.

— Зубкова,— процедила она, оглядев меня с головы до ног, и вышла.

— Ты не думай,— зашептал Гошка, едва хозяйка вышла.— Она добрейший человек, только очень одинокий. У нее, кроме Машки, никого нет. Впрочем, пошли обедать...

Опыты

Григорий оказался прав. С теткой я подружился быстро. Несмотря на чопорный вид, она была неплохая женщина. Страсть ее к животным доходила до безрассудства. Рыжая, драная Машка была у нее чем-то вроде домашнего божка. Григория присут-

ствие Машки вполне устраивало, потому что избавляло его от необходимости охотиться за чужими кошками. Он без зазрения совести при каждом удобном случае запихивал Машку в аппарат. Тетка о его проделках догадывалась, но уличить не могла.

Мой приезд оказался очень кстати. Григорий только что начал сборку нового, более мощного аппарата. Одновременно мы продолжали опыты и на первом аппарате. Больше дюжины кошек совершили воздушное путешествие на Карадаг. Мы производили запуски в разное время суток, под разными углами к горизонту. Каждую кошку мы тайком взвешивали на теткиных кухонных весах, чтобы измерить зависимость между весом полезного груза и расходом энергии. Еще пять полетов втайне проделала Машка. Затем мы взяли такси и отвезли ее в Феодосию, к ветеринару. Ветеринар долго возился с ней и сказал, что кошка вполне здорова.

Вскоре нами были сделаны два открытия. Однажды мы привязали котенку к хвосту пустую жестянку. К нашему удивлению, неодушевленный предмет в паре с одушевленным прекрасно летал по лучевому туннелю под любыми углами к горизонту. Нашему восторгу не было предела. Значит, транспортировка грузов по лучу все-таки возможна! Второе открытие было не менее важным. По рассеянности Гошка перепутал полярность выводов антенного контура, и очередной котенок никак не хотел вылетать из аппарата. Я подтолкнул его. Котенок тотчас скользнул обратно. Оказалось, что по лучу можно двигаться не только от аппарата, но и к нему,— надо только переключить концы антенны. Мы сразу изготовили переключатель. И теперь кошки благополучно путешествовали по воздуху туда и обратно.

Восьмое сентября

Дней через двадцать большой аппарат был готов. Мы провозились с ним до самого рассвета. Наконец изловленный нами еще вечером ленивый, толстый кот улетел на Карадаг. И тогда я взбунтовался:

— Хватит! Я торчу у моря чуть не месяц, а дальше пляжа никуда не ходил. Сегодня же идем в Сердоликовую бухту.

— Но я не могу,— слабо сопротивлялся Гошка.— Я потерял где-то плавки...

— Знаю. Возьмешь мои запасные. А сейчас пошли. Выключай аппарат!

Я подошел к столу и демонстративно отвернул дуло аппарата в сторону открытого моря. В тот миг я совершенно не подозревал о капитане «Розы Стамбула», который в этот момент поднимался на палубу, чтобы занять свое место на мостике.

Мы заперли дверь, не заметив, что аппарат остался включенным, потому что рассеянный изобретатель вместо того, чтобы обесточить установку, переключил концы антенного контура. Я догадался об этом позже, когда стоял под дулами автоматов среди обгорелых стен...

Конечно, даже самое несложное путешествие, в котором принимал участие Гошка, добром кончиться не могло. На обратном пути он о чем-то задумался на узком карнизе, и его тотчас же сшибла волна. Я сразу выудил его. Однако нога у него распухла в колене, и идти он не мог.

Прошло больше суток с момента странного происшествия с «Розой Стамбула», о котором мы тогда еще не знали. Мы сидели за столом в комнате Марии Ивановны, пили чай и обсуждали Гошкино невезение, не зная, что главные неприятности еще впереди.

Если бы мы могли знать, что в этот самый момент лучи радиолокаторов уже обшаривают побережье, а на заставе пограничники выскакивают из ворот с оружием в руках! Но мы не знали этого и спокойно пили чай.

Я открыл рот, собираясь что-то сказать, когда вдруг над нашими головами раздался звон вылетевшего стекла, грохот падающих предметов и дикий, леденящий душу визг. Одновременно погас свет, и нас окружила темнота.

Я бросился по лестнице наверх.

Не помня себя, рванул ручку так, что замок отлетел. В ту же секунду что-то ударило меня по ногам. Страх придал мне силы, и я попытался схватить неизвестное существо, но оно, продолжая визжать, метнулось к двери и исчезло.

Мария Ивановна лежала в обмороке. Гошка прыгал ко мне на одной ноге.

— Что это? — пролепетал я.

— По-моему, свинья,— ответил он растерянно.— Скорее наверх!

В лаборатории пахло горящей резиной. Разбитый аппарат валялся на полу среди осколков оконных стекол. Но хуже было другое. Замкнулись какие-то провода, и веселые огненные язычки бежали по обоям и занавескам, окутывая комнату едким дымом.

Отчаянными усилиями нам удалось сбить огонь.

Но в тот момент, когда я затаптывал тлевшую гардину, давя попутно остатки аппарата, мне в спину уперлось дуло автомата, и повелительный голос сказал: «Руки вверх».

Ангелы неба

Мы с женой приехали в аэропорт минут за тридцать до времени, указанного в приглашении. В холле второго этажа, возле стеклянной стены, через которую виднелось летное поле, две телекамеры нацелились на небольшую группу сотрудников Института волновой энергии, окруженную толпой корреспондентов. Отвлеченный сверканием фотовспышек, я не сразу заметил, что на вопросы журналистов отвечал Гошка — доктор технических наук Григорий Петрович Аверин, мой научный руководитель.

— Я понимаю, что только в самых общих чертах смог объяснить вам принцип действия аппарата,— говорил он.— Поэтому разрешите показать вам аппарат в действии. Можно смело утверждать, что мы стоим на пороге очередной технической революции, на этот раз в транспорте...

Кто-то тронул меня за локоть. Я обернулся и увидел Марию Ивановну.

Она обняла мою жену, и они поцеловались.

— Летом жду вас к себе,— сказала Мария Ивановна.— Дом я давно отремонтировала. Можете поджигать снова.

Мы рассмеялись.

Тогда, во время пожара, пограничники решили, что мы сами подожгли дом, заметая следы. Их приборы засекли злополучную свинью еще над морем и проследили ее путь до самого конца. Нарушение границы было налицо — мы сразу поняли это, когда нам предъявили карту с нанесенным на нее маршрутом «неизвестного предмета, нарушившего территориальные воды Советского Союза», как было сказано в протоколе. Нам стоило большого труда убедить начальника заставы, что таинственным образом прилетевший к нам «неизвестный предмет» — всего-навсего непонятно откуда взявшаяся свинья, случайно попавшая в луч аппарата, который Гошка по рассеянности не выключил.

Пока мы, путаясь и сбиваясь, отвечали на вопросы начальника заставы, пока заполнялись листы протоколов и перевязывались наши ожоги и пузыри, наряд пограничников вылавливал нарушительницу границы. В эту суматошную ночь многие любители ночных прогулок с удивлением наблюдали, как парни с автоматами за спиной мчались по тихим улочкам за огромной жирной свиньей, оглашавшей окрестности истошным визгом. Она была схвачена и приобщена к делу как вещественное доказательство.

К чести пограничников, они разобрались во всем гораздо раньше, чем мы сами.

...Я подал Марии Ивановне руку, и мы вышли на балкон. За нами толпой хлынули туристы, торопливо вынимая кинокамеры.

— Смотри! — сказал мне Гошка, показывая вниз.

В двухстах метрах от нас на поле стояло сооружение, в котором я с трудом угадал знакомые контуры. К нему подъезжала открытая автомашина. На экране стоявшего рядом телевизора было видно, как из автомобиля вышел человек в скафандре и вошел внутрь аппарата.

— Сейчас все мы увидим величественное, небывалое зрелище,— говорил невидимый диктор,— проникновение человека в космическое пространство без помощи ракеты или межпланетного корабля.

Стало совершенно тихо. Купол аппарата повернулся, нацеливаясь стволом в зенит.

— Летит!— вдруг вскрикнул кто-то. И мы увидели, как из аппарата выскользнула серебристая фигурка в скафандре и легко понеслась в вышину.

Вздох восхищения пронесся над замершей толпой. Забыв про свои кинокамеры, все смотрели в голубую бездонную пропасть неба, куда стремительно улетала сверкающая точка — вверх, вверх, навстречу солнцу, купаясь в его лучах, простирая к нему руки, мчался человек, вознесенный к небосводу силой своего разума, и радиоволны доносили к нам его ликующий, звенящий от восторга голос.

Над самым моим ухом кто-то протяжно вздохнул. Я обернулся.

— Вы летаете по небу, как ангелы,— сказал с акцентом невысокий турист.

Я вежливо улыбнулся.

— Не знаю, поверите вы мне или нет,— нерешительно продолжал незнакомец,— но однажды я видел нечто подобное. Меня же сочли лжецом.

— Неужели? — спросил я, еще не догадываясь, с кем меня свела судьба.

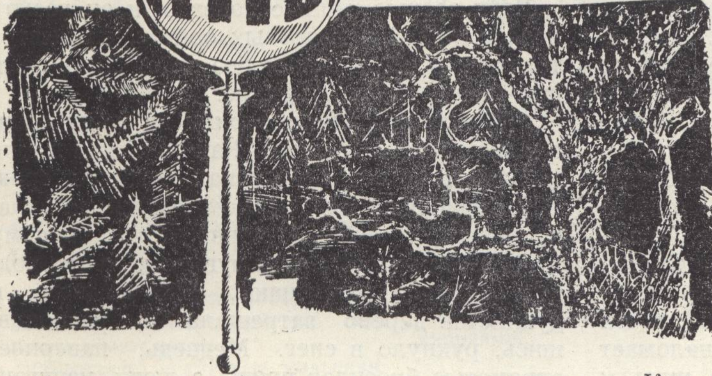
— Теперь я и сам в это почти не верю,—вздохнул он, протягивая мне визитную карточку.— Ведь я видел не человека, не ангела, а всего-навсего свинью!..

Я быстро взглянул на визитную карточку.

— Не расстраивайтесь, господин капитан,— сказал я как можно теплее.— Я вполне готов вам поверить! Ведь вы капитан «Розы Стамбула».

KРУПНЫМ ПЛАНОМ

ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ

Холодным декабрьским утром мы вдвоем со старым охотником-удэгейцем шли на лыжах по замерзшей реке — притоку Амура. Ослепительный свежий снег был покрыт звериными следами. Мой спутник легко читал эту снежную книгу и рассказывал мне, что произошло здесь минувшей ночью.

Здесь, на песчаной косе, лисица раскопала недавно остатки рыбы, а потом прибегала сюда норка. Колонок ловил мышей под речным обрывом. Два волка прошли по следу молодого оленя-изюбра...

Еще издали мы увидели крупный след, наискось перечеркнувший реку. Вскоре я различил хорошо знакомые всем таежникам отпечатки медвежьих лап. Зверь сильно косолапил — ступни загибались внутрь следа. И все же медвежья тропа на снегу удивительно напоминала следы устало бредущего человека.

— Наверное, шатун бродит, — заметил я. — Не успел вовремя в берлогу забраться.

Удэгеец внимательно посмотрел на след и прислушался. В тихом морозном воздухе где-то очень далеко, справа, слышалось рокотание трелевочного трактора. Там работали лесорубы.

— Его берлога нету, — сказал старый охотник. — Большой дупло спи. Мотор-пила дерево вали, его убегай.

Тогда я понял, что речь идет о гималайском медведе.

Как и наш бурый мишка, гималайский медведь в зимнюю пору тоже спит. Устраивается он обычно в дуплистом стволе старого кедра, тополя или липы. Перед больши-

Гималайский медведь — великолепный древолаз.

ми морозами забирается в дупло, закрывает все щели древесной трухой и, лежа на боку, крепко спит всю зиму. Ни шум, ни стук по дереву не могут его разбудить, особенно в конце зимы.

А медведь, след которого мы встретили, видно, залег совсем недавно и спал еще очень чутко. Я и раньше слышал от дальневосточников про случаи, когда спиленное дерево привозили в поселок вместе со спящим медведем. А иногда даже с медведицей и медвежатами!

Гималайский мишка, черный, с красивым белым треугольником на груди, — безобидный зверь. Он никогда не нападает на домашних животных, не бросается на человека. Больше всего на свете он любит лазить по деревьям и лакомиться ягодами. Мяса почти не ест. Залезет мишка на дерево, наломает веток и объедает малину, черемуху, желуди или дикие яблоки. А когда спустится вниз, на дереве, как гнездо, чернеет куча заломленных веток. Много таких «медвежьих гнезд» можно увидеть в глухих лесах Дальнего Востока. Вот почему у этого древолаза, хоть он и меньше бурого медведя, передние лапы сильнее и когти длинные. Летом, пока ягод мало, мишка превращается в землекопа — крепкими когтями он роет землю, добывая сочные корешки разных трав. Очень любит он разорять муравейники в поисках личинок, поэтому у мишки есть еще одно имя на Дальнем Востоке — муравьятник.

Если осенью мишке повезло и он досыта поел желудей и кедровых орехов, он быстро толстеет и тогда может без забот спать долгую зиму в холодном дупле.

...Мы давно уже потеряли из виду след, а я все думал о медведе. Как он лежал в дупле огромного кедра и слушал шум тракторов. Шум приближался. А потом завизжала пила, и, наверное, очень страшно стало черному мишке. Они и вообще-то пугливые, а тут родную берлогу разрушают. Еще немного, и дуплистое дерево затрещало и, расколовшись, рухнуло в снег. Медведь, наверное, опрометью бросился прочь, а люди, испуганные и удивленные, еще долго кричали.

— Что будет с ним? — спросил я.

— Новое дупло ищи, а нет — пропадай, — ответил охотник, не вынимая изо рта выгоревшей до черноты маленькой трубки.

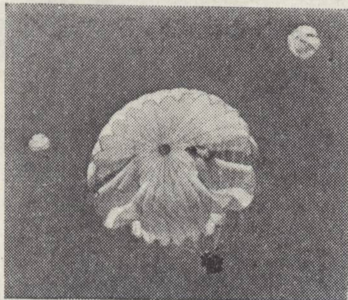
Ф. ШТИЛЬМАРК,
кандидат биологических наук.

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

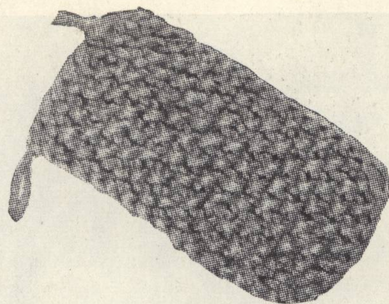
17. Узнай:
Как двигаются моряки на военном корабле в случае тревоги?

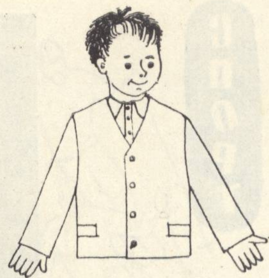

18. Объясни:
Почему на левом снимке парашютист спускается на одном парашюте, а на правом — на двух?

ХРАБРЫЕ портняжки

В этом номере «Храбрые портняжки» рассказывают, как вязать жакет и буденовку для мальчиков.

Может быть, кто-нибудь удивится: «Для мальчиков? Но они же не умеют вязать!»

Во-первых, некоторые мальчики умеют, и даже хорошо. Остальные, если захотят, научатся.

Ну, а пока они учатся, жакет и буденовку могут связать им в подарок верные товарищи-девочки, или старшая сестра, или мама.

Буденовка вяжется из ниток средней толщины двойным чулочным вязанием. Знаешь такое?

1-й ряд — одна петля лицевая, одна изнаночная.

2-й ряд и все следующие — лицевые петли вяжут налицо, изнаночные снимают, не провязывая (нить нужно тянуть перед работой).

Получается двойное полотно — никакой ветер не страшен!

Итак, начинаем. Набери 136 петель, свяжи 7 см. Чтобы пряжа не раздваивалась (у нас ведь двойное полотно), провяжи в одном ряду все лицевые петли налицо, изнаночные — наизнанку. Нижняя часть шапки (отворот) готова.

Теперь набери на спицы еще 68 петель, замкни круг и вяжи по кругу.

Двойное чулочное вязание по кругу вяжется так:

1-й ряд — лицевые петли вяжут налицо, изнаночные снимают (нить перед работой);

2-й ряд — изнаночные петли вяжут наизнанку, лицевые снимают (нить позади работы).

Начиная с 3-го ряда рисунок повторяется. Так вяжи 10—12 см. Дальше все петли раздели на шесть равных частей. В конце каждой части вяжи по три петли вместе. Когда в центре донышка останется отверстие диаметром 3—4 см, начинай вязать по две петли вместе.

Козырек вяжется отдельно. Набери петли по переду шапочки. Провяжи двойным чулочным вязанием 6 см, убавляя петли по бокам козырька.

Отворот прикрепи к шапке кнопками.

Жакет вяжется из 550—600 г шерсти спицами № 2,5. Рисунок — рисовая вязка: 1-й ряд — 1 петля лицевая, 1 петля изнаночная.

Все последующие ряды — над лицевыми петлями вяжутся изнаночные, над изнаночными — лицевые.

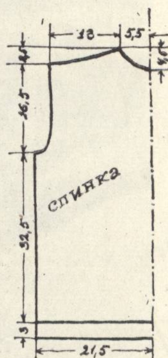
Описание вязки дано из расчета, что в одном сантиметре у тебя будет три петли.

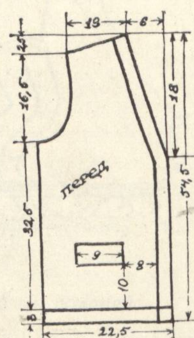
Правая полочка вяжется одновременно с планкой. Набери 68 петель и свяжи 3 см чулочной вязкой (по лицу работы — лицевые петли, по изнанке — изнаночные). Эти три сантиметра вязки ты потом подогнешь, чтобы край полотна прилегал, не отворачивался.

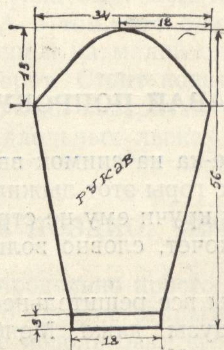
Дальше рисовой вязкой вяжи 10 см (до кармана). Затем, провязав 24 петли (8 см) от края, со стороны планки, сними на булавку 27 петель. Оставшиеся петли вяжи рисовой вязкой. В следующем ряду, довязав до снятых на булавку петель, набери вновь 27 петель на спицу и вяжи до линии проймы. Закрой 10 петель и дальше вяжи по выкройке, вывязывая вырез горловины и плечо. В готовой полочке закончи вывязывание кармана так: петли с булавки перенеси на спицу и свяжи платочной вязкой (по лицу и по изнанке лицевыми петлями) планку высотой 3 см.

Левая полочка вяжется так же, как правая.

Первая и последняя петли застежки располагаются на расстоянии 3 см от края, остальные — через равные промежутки друг от друга. Чтобы вывязать петли застежки, надо закрывать 2 петли, потом снова набирать их в изнаночном ряду.

Спинка. Набери 130 петель и вяжи по выкройке так же, как и перед.

Рукав. Набери 54 петли и свяжи 3 см для подгиба чулочной вязкой. Затем вяжи рисовой вязкой по выкройке. Прибавляй через несколько рядов с каждого края рукава по одной петле.

Готовые части кофты выстирай, наколи на выкройку и дай высохнуть. Потом сшей.

О. ЛУНЕВА

ЧЕЛОВЕК

ДАВАЙ ПОПРОБУЕМ!

Посмотрите-ка на снимок вверху. Как красиво мчится с горы этот лыжник! Ни деревья, ни скалы, ни кручи ему не страшны. Поворачивает где хочет, словно волшебный руль у него в ногах!

Спортсмены все решительнее наступают на горы. Французы даже Монблан оседлали подъемником. Их становится все больше и больше. Скоро и к вечным снегам Эльбруса, высшей точке Европы, достроим канатку. Будут со временем подъемники и в Карпатах, и в Хибинах, и в Саянах, на Южносахалинске, на Алтае — словом, всюду, где есть хорошие горные спуски и снег.

А подъемники — это, ребята, вещь замечательная, прямо как ковер-самолет! Вот, например, два года назад были мы в Чехословацком горном местечке Хопок. Подъехали к подножию гор на автобусах. А от подножия подвесные кресла канатки над лесами и скалами подняли нас за полчаса на самый хребет. Простор! Чуть не полстраны видно. Погода ясная, мартовская. И вот мы, то обгоняя друг друга, то останавливаясь перевести дух, спускались вниз, к подножию, туда, где все меньше становилось снега и на проталинах пробивались лиловые бокальчики крокусов... Оттуда — опять по канатке вверх и снова — стремглав на лыжах вниз. За каких-нибудь четыре часа мы успели спуститься по пять-шесть раз. Вот что такое подъемники!

Но был в нашей группе человек, который и вниз съезжал на подъемнике, с лыжами в руках. В автобусе на обратном пути он сидел замерзший и скучный.

— О чем взгрустнулось, Андрей Иванович? — спросили его.

— Смотрел я с канатки, как вы спускаетесь, и завидно стало. Сам себя обокрал! Надо

было и мне учиться поворотам на этих параллельных лыжах. Жил-то ведь я в детстве рядом с хорошей горушкой.

Так вот, ребята, и вы все, у кого поблизости есть какая-нибудь горка, холм, склон оврага, учитесь, пока не поздно, чтобы потом не жалеть и не завидовать, а быть хозяевами круч. И лучшим, самым удобным поворотом для спусков является **поворот на параллельных лыжах** — тот самый, которым поворачивает лыжник на фото.

СЕКРЕТ ВОРОБЬЕВСКИХ МАЛЬЧИШЕК

Давно уже тренеры во всем мире ломают голову над задачей — как быстрее научить людей этому самому повороту на параллельных лыжах.

Поворот на параллельных лыжах подчиняется скорости. Чем больше скорость, тем легче «войти» в поворот. А на малом ходу, на пологом склоне даже мастеру повернуть очень трудно. Но ведь новичок как раз и не может ехать с крутой горы да еще на большой скорости. Он расшибется! Тут-то и есть загвоздка.

И поэтому новичков учат сначала более

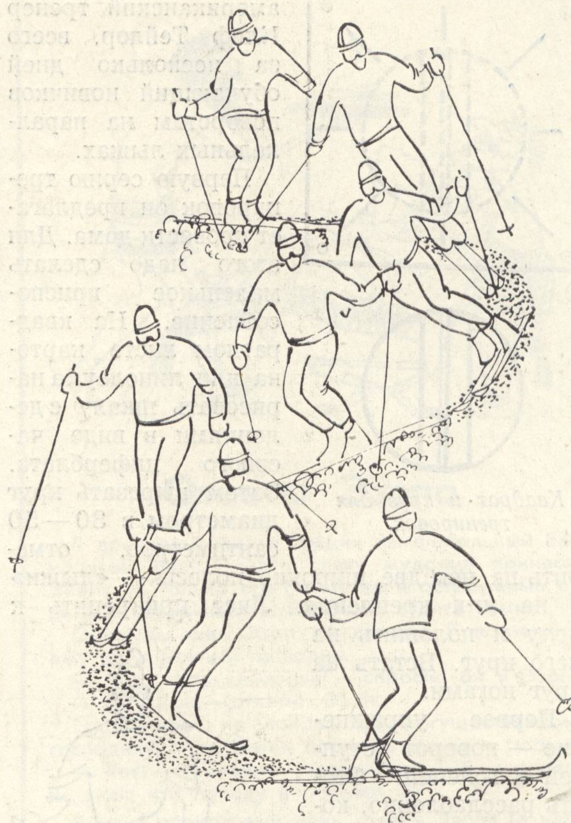
НА КРУТИЗНЕ

простым, подводящим, промежуточным поворотам, которые можно делать на малых скоростях: поворотам «из упора» и «плугом».

А нельзя ли миновать эту промежуточную технику, взять, как говорится, быка за рога?

Давным-давно, более тридцати лет назад, мальчишки, живущие в Москве близ Ленинских гор, еще называвшихся тогда Воробьевыми, скатывались с любых склонов, крутили лихие повороты и на самой отчаянной крутизне чувствовали себя как дома. А у них и лыж-то настоящих не было. Клепки от старого бочонка, вот и все.

Кстати, с этих самодельных «бочоночных» лыж на склонах Воробьевки начинал в свои мальчишеские годы и двадцатидевятикратный чемпион СССР Александр Филатов.

С помощью движения ступней и голеней.

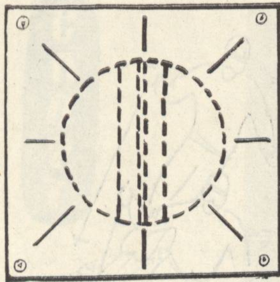
Так в чем же сила этих коротких прогнутых лыжонок? А в том, что они послушнее больших лыж, они и на малой скорости легко входят в поворот. Стоит подать колени в сторону, куда хочешь повернуть, и заветный поворот на параллельных лыжах начинается сам собой.

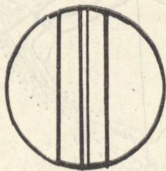
ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ...

Кажется, все предельно просто. Но так получилось, что это простое открытие никто не оценил, никто не использовал его для обучения повороту на параллельных лыжах. И только теперь, через много лет, к нему пришли тренеры, заново изобрели его. Сейчас обучение на укороченных лыжах все шире и шире применяют в ведущих горнолыжных школах Швейцарии, Австрии, Франции и других стран.

Конечно, мысль взрослых людей не остановилась на уровне открытия воробьевских мальчишек. Ее развивают, вносят в методику новое.

Вот, например, интересное новшество ввел

Квадрат и круг для трени́ровок.

американский тренер Клиф Тейлор, всего за несколько дней обучающий новичков поворотам на параллельных лыжах.

Первую серию тренировок он предлагает провести дома. Для этого надо сделать маленькое приспособление. На квадратном листе картона или линолеума нарисовать шкалу с делениями в виде часового циферблата. Затем вырезать круг диаметром в 30—50 сантиметров, отмерить на нем две широкие полосы — «лыжи» и на них крепления. Лист прикрепить к полу и положить на него круг. Встать на круг ногами.

Первое упражнение — поворот ступней и голеней. Стоять расслабленно, колени слегка согнуть. Ступни плотно, всей подошвой, прижать к картону. Руки для равновесия слегка развести в стороны, взгляд опустить на черту, в которую упираются носки нарисованных лыж и которая соответствует на часах цифре 12.

Упражнение первое.

Теперь поверните, ребята, обе ступни вправо, градусов на 30, затем верните в начальное положение. Сделайте поворот влево и опять к исходной черте. Оси вращения должны проходить через средины стоп. На носки приподниматься нельзя. В движениях этих участвуют ноги ниже колен.

Второе упражнение — вращение верхней части ног: бедер и коленей. Ноги согнуты в коленях сильнее. Ступни сомкнуты. Согнутые колени как бы вычерчивают по воздуху часть дуги.

Оба упражнения надо хорошо отработать, выполнять ритмично, довести до автоматизма. Разучиванию помогает танцевальная музыка. Вместо картона можно взять для занятий небольшой кусок линолеума или пластика, бросить на скользкий пол и делать движения так же.

Упражнение второе.

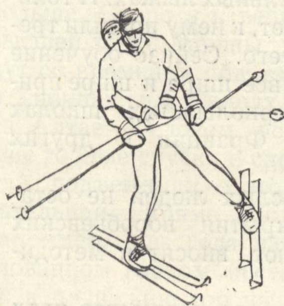
После нескольких дней такой подготовки в комнате надевают короткие лыжи и выходят на гору. Только склон для начала надо подбирать широкий, пологий и обязательно хорошо утоптанный лыжами.

Поворачивать на склоне надо примерно так же, как на коньках, не очень об этом думая: подал колени в сторону поворота — и поворот начался.

На более длинные лыжи надо переходить, когда вы хорошо освоите повороты на коротких.

СОВЕТЫ ТРЕНЕРОВ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ • СОВЕТЫ ТРЕНЕРОВ

1.

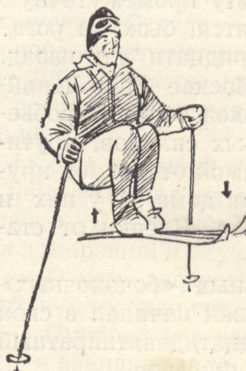

Хороший лыжник может помочь усталому, выбившемуся из сил, как хороший пловец — утопающему.

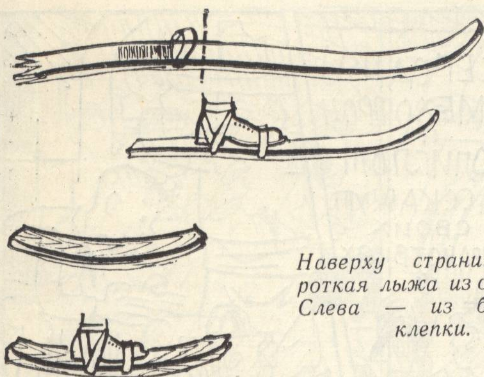
Вот один из горноспасательных приемов.

Ведущий ставит лыжи широким плугом. Ведомый становится позади него, как на рисунке. Движутся медленно, осторожно наискосок склона, чтобы избежать крутых спусков. Все повороты и торможения осуществляет ведущий; сдвоенное усилие опасно.

2.

Это очень приятно и весело, когда при спуске тебя подбросит на встретившемся бугорке или перегибе склона. Однако лишь при условии, что ты умеешь правильно взлететь и приземлиться. Взлетев, не выпрямляйся, а, наоборот, группируйся; как бы подтягивай пятки к корпусу, носки же опускай, чтобы лыжи были параллельны склону или даже чуть опущены спереди. Такое положение тела позволяет мягко и пружинно приземлиться.

Наверху страницы короткая лыжа из обломка. Слева — из бочечной клепки.

СДЕЛАЙ САМ

Ну, а где взять такие короткие лыжи? — спросите вы. Мы уверены, что через несколько лет специальные учебные слаломные лыжи появятся в магазинах. А пока можно сделать их самому из старых бочечных клепок, как делали их воробьевские мальчишки.

Можно использовать для этого и обломки окантованных лыж взрослых. Лишь бы целой была передняя часть с загибом. Передняя часть лыжи длиною 40 — 100 см отпиливается, и на ее середину ставятся крепления.

Видели мы в прошлом году под Ленинградом, в Кавголове, учеников ремесленного училища на самодельных коротких лыжах из дюраля. Любые склоны одолевали ребята красивыми поворотами на этих лыжах. Смотрели мы на них, и сердце радовалось. Хоть и сейчас на Кавказ или в Высокие Татры!

Итак, друзья, не теряя времени, делайте сами короткие лыжи и разучивайте на них повороты!

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
А. МАЙОРОВ,
мастера спорта

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

3.

Как добиться, чтобы лыжи при спуске держались близко одна к другой? Направь лыжи поперек склона, войди в боковое скольжение, а затем рывком подай сомкнутые колени в сторону склона. Это поставит лыжи на кант и затормозит их. Снова начни соскальзывать и снова резко подай колени в сторону склона. Сохранению равновесия помогай «верхней» палкой, той, которая в обращенной к склону руке. Повторяй упражнение много раз.

Ответы Эзопа

В древности жил в Греции замечательный баснописец Эзоп. Однако славу мудреца принесли Эзопу не только его басни, но и остроумные ответы и находчивость. Впрочем, судите сами.

Однажды шел Эзоп по дороге. Повстречался ему один важный господин.

— Куда путь держишь? — спросил он у Эзопа.

— Не знаю, — ответил Эзоп.

Такой ответ не понравился могущественному господину, и он велел посадить Эзопа в тюрьму.

— Вот! — спокойно сказал Эзоп. — Я и впрямь не знал, что попаду в тюрьму.

В один прекрасный день хозяин Эзопа (а надо вам знать, что Эзоп был рабом) приказал:

— Приготовь мне лучший обед на свете.

Эзоп купил язык, сварил его и подал.

— Почему ты сварил язык?

— Потому что язык — лучшая вещь на свете. Только он может сказать правду, помочь советом.

— А теперь приготовь мне на обед самую худшую вещь на свете, — сказал хозяин.

Эзоп купил язык, сварил его и подал.

— Опять язык? Разве ты не говорил вчера, что это самое лучшее на свете?

— Верно, — ответил Эзоп, — но не тогда, когда язык только и знает, что врать, клеветать и ругаться.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИМЫ ПЕТУХОВА НА МОРЯХ ВЕСТ-ИНДИИ, КЛЯЗЬМИНСКОМ ВОДОХРАНИЛИЩЕ И В ДРУГИХ МЕСТАХ

• „На истории Тимка мечтал о морских путешествиях.

• Однажды в Тимкину школу приехал изобретатель машины времени Смехотрон.

• „Вот это приборчик!" — подумал Тимка.

• „Двойка!..."

• „Ах, так, — обиделся Тимка, — я вам всем покажу, знаю я историю или нет..."

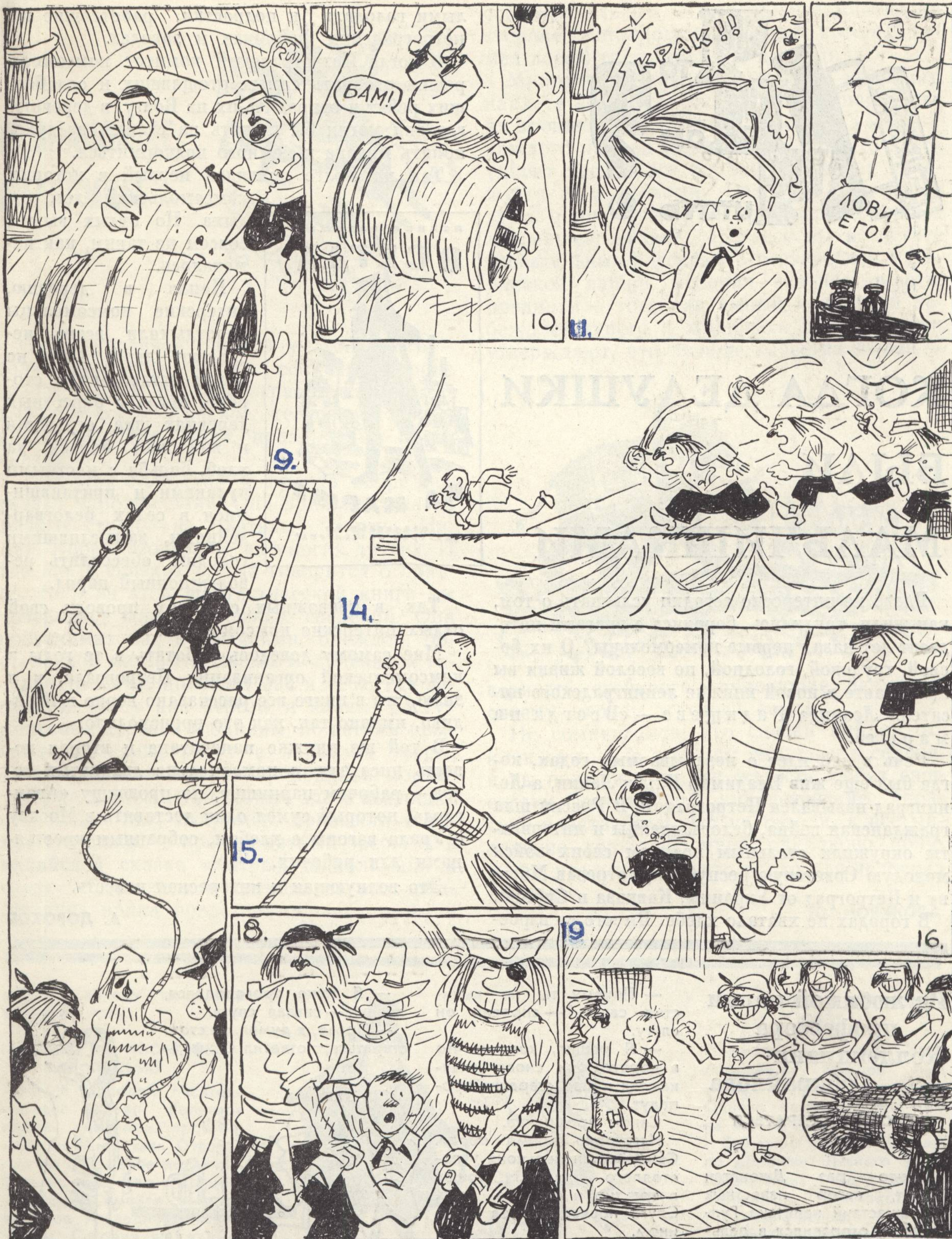
• В ту же секунду он шлепнулся в какой-то бочонок.

• Это были пираты. „Карамба! — крикнул Джон Вырви-глаз, — в бочке, наверное, королевский шпион!"

• „Взять его! Схватить его! Топить его!"

ЧУТЬ ЖИВОЙ ОТ СТРАХА ТИМКА СВАЛИЛСЯ В ПОДСТАВЛЕННЫЙ ПИРАТАМИ БРЕЗЕНТ. „ПОПАЛСЯ, ГОЛУБЧИК!"— ЛИКОВАЛИ ПИРАТЫ... „А НУ, ПРИЗНАВАЙСЯ, КТО ТЕБЯ ПОСЛАЛ?"— СПРОСИЛ АТАМАН И ВЕЛЕЛ ЗАРЯДИТЬ ОГРОМНУЮ ПУШКУ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

КОГДА ДЕДУШКИ БЫЛИ МАЛЬЧИШКАМИ

ЛЕОНИД РАДИЩЕВ
ВСЕГДА НА МАРШЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Разве не интересно сегодня услышать о том, как жили, трудились, боролись с врагами пятьдесят лет назад первые комсомольцы? О их боевой, трудовой, голодной, но веселой жизни вы прочитаете в новой книжке ленинградского писателя Леонида Радищева — «Всегда на марше».

Речь в ней идет о незабываемых годах, когда был еще жив Владимир Ильич Ленин, а Ленинград назывался Петроградом. В России шла гражданская война, белогвардейцы и интервенты окружили стальным кольцом своих войск молодую Советскую республику, отрезав Москву и Петроград от Украины, Кавказа и Сибири.

В городах не хватало хлеба. Вместе со взрослыми голодали и подростки, работавшие на петроградских фабриках и заводах.

И тогда Петроградский комитет комсомола решил отобрать самых отощавших и ослабевших ребят и отправить их на Волгу, в деревню, где они могли бы пожить на свежем воздухе, попить молока и немного подкормиться.

Так на Волге появился первый в истории комсомольский дом отдыха. Но отдых вышел совсем не таким, как намечалось.

Попав в деревню, питерские комсомольцы проотдыхали всего несколько дней. Они не могли оставаться в стороне, когда в окрестных деревнях шла страшная и жестокая борьба за хлеб, борьба с местными кулаками и притаившимися в селах белогвардейцами, замыслившими голодом обессилить революционный народ.

Так, в тревожных схватках провели свой отдых питерские комсомольцы.

Мне самому довелось работать в те годы в комсомольской организации Петрограда, и я знаю, что в книге все рассказано верно и правдиво, именно так, как это происходило.

В той же книжке напечатана и вторая повесть писателя: о комсомольце двадцатых годов — рабочем парнишке, по прозвищу «Авангард», который сумел один доставить в Москву с Урала вагоны с хлебом, собранным крестьянами для рабочих.

Это волнующая и интересная повесть.

А. ДОРОХОВ

Из любимой папки профессора Коллекциани-Собирайлова

НЕ СТОИТ СТАРАТЬСЯ

Как-то раз Джонатан Свифт, автор известных «Путешествий капитана Гулливера», отправился в дальнюю дорогу вместе со своим слугой. Садясь на лошадь, он заметил, что сапоги его в грязи.

— Почему ты не вычистил сапоги? — спросил он слугу.

— Я решил, хозяин, что в дороге они снова запачкаются и мои старания пропадут.

Свифт промолчал.

Наступило время обеда. Свифт остановил коня у постоялого двора. Вошел в трактир и сел за стол. Слуга последовал за хозяином.

Каково же было его изумление, когда он услышал, что заказывается всего один обед!

— Я тоже проголодался, хозяин,— сказал слуга.

— Право, я думал, не стоит стараться,— ответил Свифт,—

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

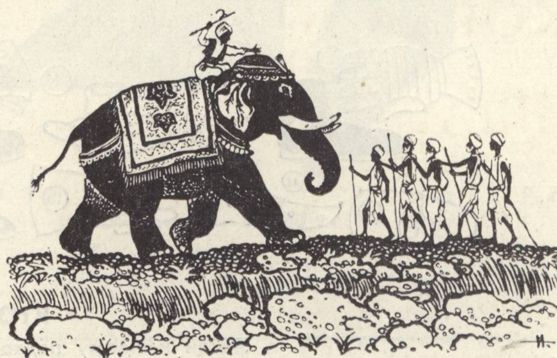

Очень красивая одежда у этой книги — солнечно-желтая. И на солнечном фоне скачет верхом на золотогривом коне богатырь в красном. Красное, желтое, золотое — краски Востока, Азии, праздничные цвета сказки.

Под этой обложкой и правда собрались сказки народов Азии. Они пришли сюда из разных стран — из Вьетнама, Бирмы, Индии, Кореи, Монголии, из многих других. И так как в сказках всегда говорится о правде, то и из этой фантастической книги вы почерпнете много полезных сведений. Она познакомит вас с обычаями, одеждой, обстановкой разных больших и маленьких государств Азии, проведет вас в леса, где запросто, как у нас березы и клены, растут манговые деревья и бананы, по ветвям прыгают обезьяны, ревут в зарослях тигры, а из рек высовываются крокодильи морды.

Даже знакомые животные здесь выглядят незнакомо. Мы, например, привыкли к тому, что шакал — пренеприятный зверь. А в индийской сказке «Хитрый шакал» или в сказке «О шакале и крокодиле» этот родственник волка предстает справедливым и сообразительным. И все наши симпатии на стороне сметливого шакаленка, который сумел перехитрить жадного крокодила.

Много неожиданного, нового и забавного найдете вы в этих сказках. Большая часть их проникнута народным юмором, а юмор у каждого народа своеобразен. Кое-что здесь удивит вас. И все же эти сказки не покажутся вам чужими. Разве не говорится здесь о том, к чему мы привыкли с первых лет нашей жизни?.. И здесь вы встретите трогательные рассказы о беззаветной материнской любви, которая сильнее смерти, предания о том, как умный и честный побеждает тупого и жадного... И эти сказки утверждают, что лучшие качества людей —

верность, стойкость, трудолюбие, любовь к своему народу, к своей земле.

Не сомневаемся, что сказки найдут отклик не только в вашем уме, но и в сердце, и вы полюбите их так же, как любят свои сказки вьетнамские, индонезийские, японские ребята. Ведь что ни говори, а все маленькие граждане мира одинаково понимают, что хорошо и что плохо для человека на земле.

Ю. НОВИКОВА

ведь к вечеру ты снова захочешь есть.

ОТВЕТ НА ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Некий молодой писатель изрядно надоел Вольтеру своими письмами, просьбами и сочинениями. Отвечая ему на очередное послание, Вольтер приписал в конце:

«Сударь, имейте в виду, это мое последнее письмо к Вам. Сегодня же я умираю, и наша переписка на этом заканчивается».

Однако вскоре он получил еще одно письмо от упрямого корреспондента. На конверте было написано: «На тот свет. Вольтеру».

ОДНАЖДЫ В ЛЕТНЕМ САДУ

Великий баснописец Иван Андреевич Крылов был очень тучным человеком. Однако намекать при нем на это не следовало.

Однажды баснописец шел по дорожке Летнего сада. Приметившая его компания зубоскалов расхохоталась и бросила вслед:

— Вот это туча! Видно, дело к дождю.

— Верно, верно,— ответил им Крылов,— то-то я слышу, лягушки расквакались.

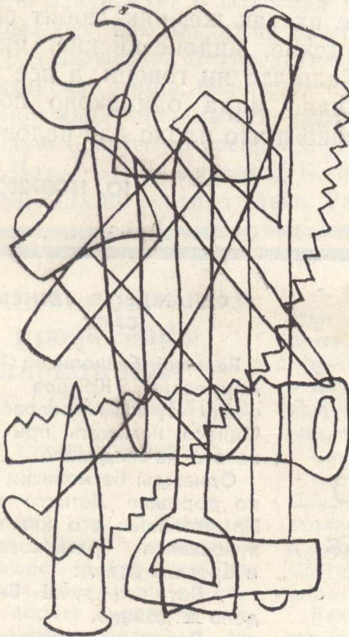
НЕСКУЧАЙКА

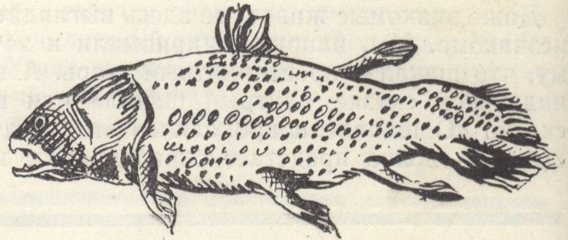

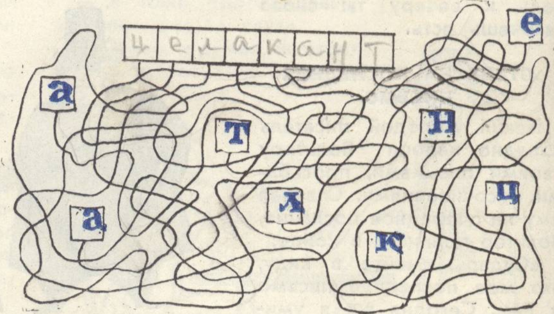
КТО В ЧЕМ?

Найди каждому подходящую обувь и перчатки.

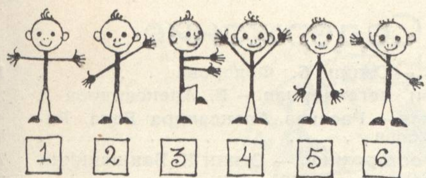

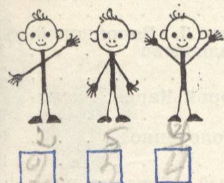
Какие инструменты прячутся здесь?

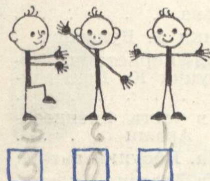

Впиши в каждую клетку нужную букву, и ты узнаешь, как называется эта удивительная рыба.

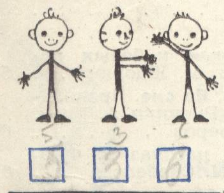

+

+

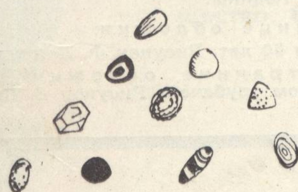

1151

ВНИМАТЕЛЕН ЛИ ТЫ!

Рассмотри первый рисунок и постарайся запомнить, какую цифру обозначает каждая из шести фигурок.

Теперь закрой первый рисунок и посмотри на второй. В квадратиках под каждой фигурой напиши обозначаемую ею цифру и сложи все три числа. Если твой ответ сойдется с суммой, подписанной под чертой, ты можешь поставить себе «отлично» за внимание.

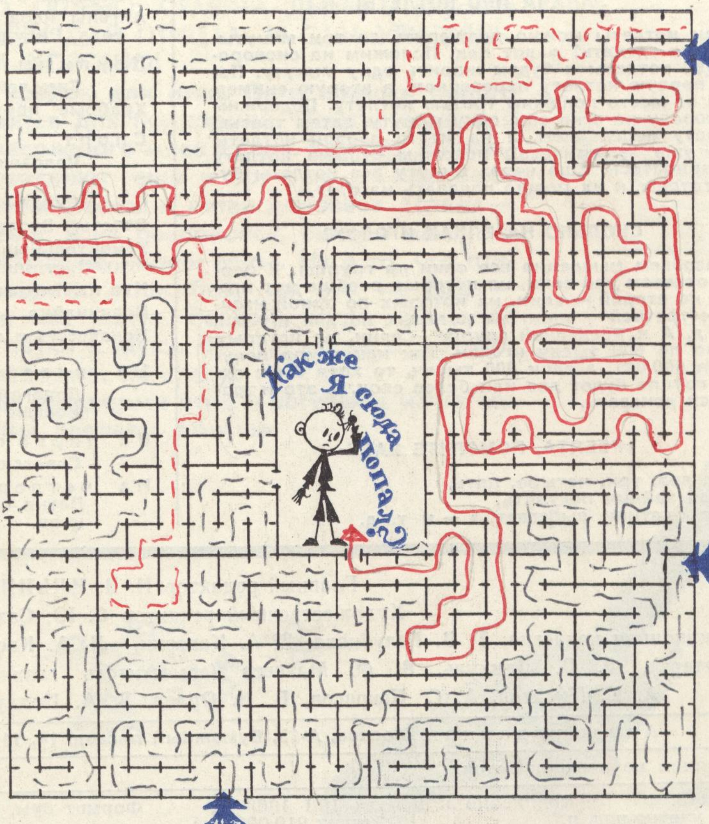

ПЕРЕСТРОЙ ПИРАМИДУ

Выложи из камешков пирамиду, такую же, как на нашем рисунке. А теперь попробуй перенести верх пирамиды вниз, передвинув лишь три камешка.

Из этих восьми частей составь круг.

Неизвестные открывают свои тайны

Ответы на задачи из № 12 и № 1

НАШИ КРОССВОРДЫ

Задачу можно решить подбором, но лучше рассуждать следующим образом. Из обеих частей равенства

АЖУР × АЖУР = ** АБАЖУР

вычтем АЖУР. Получится

АЖУР × (АЖУР — 1) = ** АБ0000.

Числа АЖУР и АЖУР не имеют никаких общих делителей, кроме единицы, а их произведение делится на 10 000 = 625 × 16 = $5^4 \times 2^4$. Значит, одно из этих чисел нечетное и делится на 625, а другое делится на 16, но не делится на 5. Остается среди четырехзначных чисел найти два соседних числа X и X — 1, из которых одно нечетное и делится на 625, а другое делится на 16. Это нетрудно сделать. Есть только одна такая пара чисел: 9 376 и 9 375. Значит, АЖУР=9 376, и было зашифровано равенство 9 376 × 9 376 = 87 909 376.

«РАССТАВЬТЕ ЧИСЛА»

Вот один из возможных ответов.

Напишем около каждого из ОТРЕЗКОВ, соединяющих кружки, несколько любых простых чисел (но различных). Например, 2, 5, 3, 7, 11. Затем в КРУЖКАХ запишем произведения двух чисел, указанных на отрезках, которые в этом кружке сходятся. Легко понять, что расположение чисел в кружках теперь удовлетворяет условиям задачи.

ЗАДАЧА ПРО КОТЛЕТЫ

Три котлеты можно поджарить за три минуты. Как это сделать? А вот как. Положим на сковороду две котлеты и будем жарить одну минуту. Потом первую котлету перевернем, а вторую снимем и на ее место положим третью котлету. Подержим сковороду на огне еще одну минуту, затем третью котлету перевернем, а на место первой котлеты (она уже зажарилась!) положим вторую котлету дожариваться. Еще через минуту все котлеты будут готовы, и их можно подавать на стол.

СКОЛЬКО НА ЕЛКАХ ИГОЛОК?

Разобьем мысленно все елки на группы. К первой отнесем все елки, на которых вообще нет иголок, ко второй — елки, на которых по одной иголке, к третьей — елки, на которых по две иголки, и т. д. А в последней группе — елки, на которых ровно по 600 тысяч иголок. Так как групп получится 600 001, а елок 800 тысяч, то хотя бы в одной группе будет две или более елок. А это и требуется доказать.

«РЕБЯТА, ПОМОГИТЕ ВАСЕ»

«Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...» — и т. д.

Содержание

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 05113. Подписано к печати 19/I 1968 г. Формат бум. 84×108 1/16. Объем 8,82 усл. печ. л.
10,11 учетно-изд. л. Тираж 910 000 экз. Изд. № 209. Заказ № 3754.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Всероссийское общество охраны природы каждого из вас, ребята, зовет в свои ряды.

Зачем?

Вот птицы — вреда они никому не приносят, а только пользу и радость. Летом и осенью они и сами прокормятся, но зимой им и холодно и голодно. Если ты друг природы, помоги им прожить до весны!

Как?

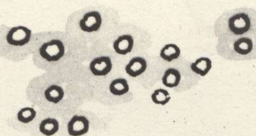
Ты семечки любишь? Вот и синицы их любят, и поползни, и снегири. Все птицы охотно клюют конопляное семя, только запомни, что для синиц коноплю нужно слегка размять.

ОВЕС, ПРОСО, ПШЕНО, СЕМЕНА ДЫНИ и вкусные КЕДРОВЫЕ ОРЕШКИ ДАЙ ПТИЦАМ И САМ УВИДИШЬ, КАК СТАНЕТ ИМ ХОРОШО!

Черный хлеб вреден для птиц. Зато крошки белого хлеба вполне годятся для подкормки. Пойдут в дело и обрезки сырого несоленого мяса и сала. Еду для маленьких птичек приготовляют еще и вот так: обмазывают растопленным салом стволы и ветви деревьев. Птицы — существа сметливые, и не беспокойся, быстро найдут и охотно съедят застывшие натеки жира. Ну а то, что птицы не умеют говорить «спасибо», так это не беда — отблагодарят они нас иначе. Весной, когда проснутся вредные мошки, пауки и жуки. Вот уж когда спасенные зимой птицы поработают на славу!

Итак, не забудь, подкорми птиц и вступай в наше общество. Вместе мы сделаем больше.
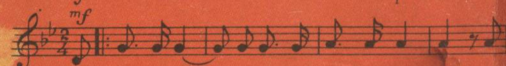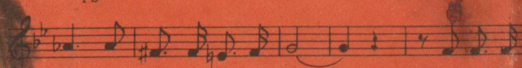

Цена 25 коп.
Индекс 70694
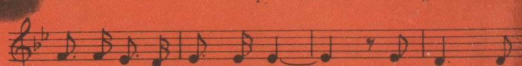
ПЕСНЯ О МАЛЕНЬКОМ ТРУБАЧЕ

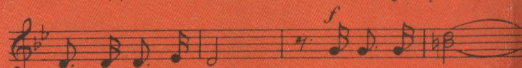
Кругом война, а этот маленький...
Над ним смеялись все врачи:
«Куда такой годится маленький?
Ну разве только в трубачи!»
А что ему?
Все нипочем,
Ну, трубачом так трубачом!
Как хорошо: не надо кланяться,
Свистят все пули над тобой.
Везде пройдет, но не расстанется
С своей начищенной трубой.
А почему?
Да потому,
Что так положено ему.
Но как-то раз в дожди осенние
В чужой степи, в чужом краю
Полк оказался в окружении,
И командир погиб в бою.
Ну, как же быть?
Ах, как же быть?
Ну что, трубач, тебе трубить!
И встал трубач в дыму и пламени,
К губам трубу свою прижал,
И за трубой весь полк израненный
Запел «Интернационал».
И полк пошел
За трубачом,
Обыкновенным трубачом.
Солдат, солдат, нам не положено!
И верно, что там — плачь не плачь,
В чужой степи, в траве некошеной
Остался маленький трубач.
А он, ведь он —
Все дело в чем? —
Был настоящим трубачом!
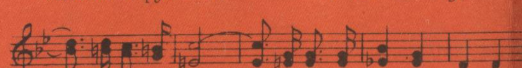
Мужественно. Взволнованно. Темп марша

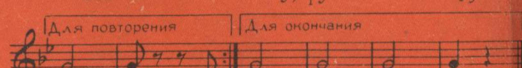

Слова Сергея КРЫЛОВА
Мелодия Сергея НИКИТИНА
Музыкальная обработка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА